

ISSN 2312-377X

***СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ,
КУЛЬТУРА***

НАУЧНЫЙ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (45)

2020

Сургут

Учредитель и издатель:
бюджетное учреждение высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС 77-63200 от 1 октября 2015 г.

Издается с марта 2000 г.
Выпускается 2 раза в год.

Главный редактор:
С. М. Косенок, д. пед. наук, профессор

Редакционная коллегия:

Бачура Ольга Петровна, канд. биол. наук
Визгалов Георгий Петрович, канд. ист. наук
Кардаш Олег Викторович, канд. ист. наук
Косинцев Павел Андреевич, канд. биол. наук
Курбатов Александр Валентинович, д-р ист. наук
Перерва Евгений Владимирович, канд. ист. наук
Шульгина Мария Владимировна, канд. ист. наук

Выпускающий редактор:
О. В. Руднева, к. филол. наук

Полные тексты статей размещаются в базе данных Научной электронной библиотеки
на сайте elibrary.ru и включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Адрес редакции:
628412, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Сургут, пр. Ленина, 1.
Тел. (3462) 76-29-88, факс (3462) 76-29-29, e-mail: science.journals@surgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	4
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Лукиных А. А. Звероловные ямы II–XIII вв. в среднем течении реки Самсоновской (по материалам комплексных археологических исследований в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры)	5
Гайдакова З. Г., Гаевская В. В. Священная кедровая роща IV–XX вв.: происхождение и бытование образа медведя в религии салымских ханты	29
Кардаш О. В., Гаевская В. В. Тывъ-ега-1. Результаты охранных раскопок поселения конца IV – V в.	44
Лобанова Т. В., Бачура О. П., Мартынович Н. В., Гимранов Д. О. Городище Шеркалы 1 (XI–XVII вв.): археозоологические материалы из раскопок 2018 г.	62
Никулин М. С., Гайдакова З. Г., Фролов И. В. Снаряжение лучника XII–XIII вв. из Тазовского городка-мастерской	72
Слепченко С. М., Лобанова Т. В., Кардаш О. В. Надымский городок: археопаразитологические исследования образцов XIV – первой трети XVIII в.	87
Пархимович С. Г. Настольные игры в сибирских городах в конце XVI – XVIII в.: тавлеи	100
Вершинин Е. В., Визгалов Г. П. Городовые (острожные) укрепления Сургута в XVII в.	112
Фролов И. В. Оконница XVIII в. из раскопок Берёзовского городища 2019 г.	132
Столбов В. И., Володеева Ю. С. Нательные кресты XVII–XVIII вв. из раскопок Берёзовского городища	142
Скоробогатова А. Ю., Лобанова Т. В. Угутское 21 и Угутское 40 – поселения XVII – начала XVIII в. на реке Большой Юган: результаты стационарного изучения 2016 г.	148
Корона О. М., Лобанова Т. В. Результаты исследования растительных макроостатков из культурного слоя посадской части города Берёзова (XVII–XVIII вв.)	173
Наши авторы	181
Требования к оформлению материалов	184

Дорогие друзья!

Очередной номер журнала посвящен археологическим исследованиям истории и культуры севера Западной Сибири, в нем представлены результаты археологических разведок и раскопок на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Основная тематика статей связана с различными аспектами изучения экономики аборигенного населения данной территории, его материальной культуры в древности и средневековье.

В статьях проводится анализ археологических данных, полученных на территории Западной Сибири: исследования ловчих ям как хозяйственно-промысловых объектов раннего железного века и средневековья (А. А. Лукиных); охранных раскопок поселения Тывъ-ега-1 кон. IV – V в. (О. В. Кардаш, В. В. Гаевская) и археозоологических материалов из раскопок Городища Шеркалы 1 (Т. В. Лобанова, О. П. Бачура, Н. В. Мартынович, Д. О. Гимранов); результатов стационарного изучения поселений Угутское 21 и Угутское 40 XVII – начала XVIII в. на реке Большой Юган (А. Ю. Скоробогатова, Т. В. Лобанова) и городских (острожных) укреплений Сургута в XVII в. (Е. В. Вершинин, Г. П. Визгалов).

Также освещаются результаты анализа материальной культуры из различных археологических памятников Западной Сибири, таких как снаряжение лучника XII–XIII вв. из Тазовского городка-мастерской (М. С. Никулин, З. Г. Гайдакова, И. В. Фролов); нательные кресты XVII–XVIII вв. (В. И. Столбов, Ю. С. Володеева) и оконницы XVIII в. из раскопок Берёзовского городища (И. В. Фролов); настольная игра тавлеи в сибирских городах в конце XVI – XVIII в. (С. Г. Пархимович).

Археологи ориентируются на современные подходы в области методов и материалов для анализа при проведении археопаразитологических исследований образцов XIV – первой трети XVIII в. в Надымском городке (С. М. Слепченко, Т. В. Лобанова, О. В. Кардаш) и изучении растительных макроостатков из культурного слоя посадской части города Берёзова XVII–XVIII вв. (О. М. Корона, Т. В. Лобанова). В научные исследования вводятся новые этнографические данные, отражающие особенности формирования религии салымских ханты (З. Г. Гайдакова, В. В. Гаевская).

Среди авторов научные сотрудники Сургутского государственного университета, Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург), Института археологии Севера (г. Нефтеюганск), Музея мирового океана (г. Калининград), Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, специалисты научно-производственного объединения «Северная археология-1» и Юганской археологической экспедиции (г. Нефтеюганск).

Надеемся, что очередной номер журнала заинтересует читателей и каждый найдет полезный для себя материал.

*С уважением
редакция журнала «Северный регион: наука, образование, культура»*

УДК 902.21,902.26:528.4(571.122)
DOI 10.34822/2312-377X-2020-1-5-28

Лукиных А. А.
Lukinyh A. A.

**ЗВЕРОЛОВНЫЕ ЯМЫ II–XIII вв. В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ
РЕКИ САМСОНОВСКОЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМПЛЕКСНЫХ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В НЕФТЕЮГАНСКОМ РАЙОНЕ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ)**

**HUNTING PITS IN THE MIDDLE REACHES OF THE SAMSONOVSKAYA
RIVER IN THE 2nd–13th CENTURIES (BASED ON MATERIALS OF INTEGRATED
ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS IN THE NEFTEYUGANSKY DISTRICT
OF THE KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG – UGRA)**

В статье представлены результаты археологических разведок и раскопок, проведенных в 2018 г. в верхнем течении реки Большой Салым на левом притоке третьего порядка – р. Самсоновской. В результате было выявлено и обследовано 19 объектов археологии. На территории четырех памятников были зафиксированы значительные повреждения в ходе строительства наземных коммуникаций Вуемского месторождения нефти. Поврежденные объекты культурного наследия: Самсоновская 5, Самсоновское 12, Самсоновское 13 – были изучены раскопками. В результате исследований определено, что все археологические сооружения являлись остатками звероловных ям. Проведенный изотопный анализ образцов угля позволил выделить два периода их функционирования: сер. II в. – сер. III в. и кон. XII в. – сер. XIII в. Публикация представляет новые данные о хозяйственно-промысловых объектах раннего железного века и средневековья.

The article presents the results of archaeological excavations conducted in 2018 in the upper reaches of the Bolshoy Salym river on the left tributary of the third order that is the Samsonovskaya river. As a result, 19 objects of archeology are identified and examined. On the territory of four monuments, significant damage was recorded during the construction of ground communications of the Vuemskoye oil field. Damaged objects of cultural heritage namely Samsonovskaya 5, Samsonovskoe 12, Samsonovskoe 13 are studied by excavations. As a result, it was determined that all archaeological structures were the remains of hunting pits. The carried out isotope analysis of coal samples made it possible to distinguish two periods of their functioning: the middle of the 2nd century – the middle of the 3rd century and the end of the 12th century – the middle of the 13th century. The publication presents new data on the economic and commercial objects of the early Iron Age and the Middle Ages.

Ключевые слова: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, река Большой Салым, река Самсоновская, археологические раскопки, ранний железный век, раннее средневековье, звероловная яма.

Keywords: Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra, the Bolshoy Salym river, the Samsonovskaya river, archaeological excavations, the Early Iron Age, the Early Middle Ages, hunting pit.

Идентификация выраженных в микрорельефе местности древних сооружений и определение их культурно-хронологической принадлежности для объектов югорской археологии являются насущными задачами в прикладной «полевой археологии». Данная проблема тесно перекликается с научной задачей, а именно с изучением экономики аборигенного населения

севера Западной Сибири. Важнейшим и зачастую единственным источником информации по данной теме являются системы звероловных или ловчих ям. В статье представлены результаты археологических разведок и раскопок, проведенных в 2018 г. в верхнем течении р. Большой Салым на левом притоке третьего порядка – р. Самсоновской. По результатам полевых и камеральных работ установлено, что все выраженные в рельефе сооружения являлись остатками звероловных ям. Проведенный впоследствии изотопный анализ образцов угля позволил локализовать два периода их функционирования: сер. II в. – сер. III в. и кон. XII в. – сер. XIII в.

Цель настоящей публикации – ввести в научный оборот новейшие сведения об объектах хозяйственно-промыслового назначения аборигенного населения, проживавшего в верхнем течении р. Большой Салым в раннем железном веке и средневековье. В статье рассмотрены исследованные раскопками и проанализированные в контексте аналогичных объектов, выявленных на сопредельной территории, памятники: группа ям Самсоновская 5, группа впадин Самсоновское 12 и Самсоновское 13. Задачи статьи – сделать описание ландшафтно-топографических особенностей их размещения, провести анализ планиграфии и стратиграфии изученных сооружений, а также представить результаты радиоуглеродного датирования.

Археологический микрорайон на р. Самсоновской. Река Самсоновская – левый приток третьего порядка р. Большой Салым, в свою очередь впадающий в реку Обь в среднем течении. Ее протяженность составляет 74 км, она имеет множество мелких притоков, наиболее крупным из которых является р. Навьем. В 9,2 км к северо-западу от истока р. Самсоновская впадает в оз. Вуем и далее продолжает свое течение, несколько раз резко изменяя направление [1–2]. На сегодняшний день в бассейне этой небольшой реки выявлено 26 археологических объектов: 9 – памятники поселенческого типа, 14 – хозяйственно-промыслового (звероловные или ловчие ямы), 3 – объекты, назначение которых не вполне ясно (табл. 1) [3–9]. В настоящее время сплошное археологическое обследование проведено на 35–40 % территории верхнего и среднего течения р. Самсоновской и ее притока – р. Навьем.

Таблица 1

**Выявленные и обследованные объекты культурного наследия
в ходе археологических исследований в 2018 г.**

№ п.п.	Объект культурного наследия	Год выявления	Автор исследований
1	Поселение Самсоновское 1	1992	К. Г. Карачаров
2	Поселение Самсоновское 2	1992	К. Г. Карачаров
3	Поселение Самсоновское 8	2016	В. О. Гнатив
4	Группа впадин Самсоновское 9	2016	В. О. Гнатив
5	Селище Самсоновское 6	1994	Д. В. Бочкарев
6	Одиночная впадина Самсоновское 7	1994	Д. В. Бочкарев
7	Группа ям Самсоновская 4	1992	К. Г. Карачаров
8	Поселение Самсоновское 3	1992	К. Г. Карачаров
9	Группа ям Самсоновская 5	1992	К. Г. Карачаров
10	Группа впадин Самсоновское 12	2017	С. А. Круземент
11	Группа впадин Самсоновское 13	2017	С. А. Круземент
12	Группа впадин Самсоновское 14	2017	С. А. Круземент
13	Одиночная впадина Самсоновское 15	2017	С. А. Круземент
14	Поселение Самсоновское 16	2017	С. А. Круземент
15	Группа впадин Самсоновское 17	2017	С. А. Круземент
16	Поселение Самсоновское 10	2016	В. О. Гнатив

Окончание таблицы 1

17	Группа впадин Самсоновское 11	2016	В. О. Гнатив
18	Одинокная впадина Вуем 4	2017	С. А. Круземент
19	Группа впадин Вуем 3	2017	С. А. Круземент
20	Группа впадин Вуем 2	2017	С. А. Круземент
21	Группа впадин Вуем 1	2017	С. А. Круземент
22	Группа впадин Самсоновское 18	2018	Н. В. Торощина
23	Поселение Самсоновское 19	2018	Н. В. Торощина
24	Поселение Самсоновское 20	2018	Н. В. Торощина
25	Одинокная ловчая яма Самсоновское 21	2018	В. Г. Визгалов
26	Группа ловчих ям Вуем 5	2018	В. Г. Визгалов

В июле 2018 г. археологическим отрядом «ООО «НПО «Северная археология-1» (далее – НПО «СА-1») было проведено археологическое изучение территории в среднем течении р. Самсоновской по проектам обустройства кустов скважин № 22, 23, 24, 25 Вуемского месторождения (рис. 1). Всего было обследовано 19 объектов культурного наследия, среди них два вновь выявленных – группа ловчих ям Вуем 5 и одинокная ловчая яма Самсоновское 21 (рис. 2). На основании собранных данных были значительно скорректированы трасы и границы землеотводов, что позволило снизить степень воздействия проектируемых коридоров коммуникаций на объекты культурного наследия: группы впадин Самсоновское 9, 11, 13, 17; группы впадин Вуем 1, 2; а также одинокную ловчую яму Самсоновское 21 и группу ловчих ям Вуем 5 [1–2].

В ходе археологической разведки установлено, что юго-западная часть «Группы впадин Самсоновское 13» (№ 5498, приказ Службы Государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО-Югры № 53-ПП от 07.08.2017) находится в границах участка проектируемых объектов обустройства и может быть полностью уничтожена в ходе строительства ВЛ 35 кВ. На территории выявленных объектов культурного наследия «Группа ям Самсоновская 5» (№ 1434, приказ Службы Государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО-Югры № 348/01-14 от 26.06.2002), «Группа впадин Самсоновское 9» (№ 5405, приказ Службы Государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО-Югры № 82-ПП от 05.09.2016) и «Группа впадин Самсоновское 12» (№ 5497, приказ Службы Государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО-Югры № 53-ПП от 07.08.2017) зафиксированы новые повреждения выраженных в рельефе археологических сооружений. По результатам полевых работ при участии специалистов ООО «Юганская археологическая экспедиция» (далее – «ЮАЭ») был разработан план спасательных археологических исследований. Исследовательскими коллективами НПО «СА-1» и «ЮАЭ» совместно с ФГБУ «Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (ТюмНЦ СО РАН) были проведены аварийно-спасательные раскопки на территории памятников «Группа ям Самсоновская 5» (рис. 3), «Группа впадин Самсоновское 12» (рис. 4) и «Группа впадин Самсоновское 13» (рис. 5).

Группа ям Самсоновская 5. Памятник расположен в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в 30,4 км к юго-западу от п. Салым, на западном краю останца левобережной террасы р. Самсоновской, в 1,6 км к югу от устья р. Навьем. Рельеф местности пологоволнистый, перепады высот не превышают 0,5–0,7 м. Высота останца от уровня верхового болота – около 1 м, повышение рельефа идет в юго-западном направлении, достигая 1,5 м от уровня болота. Растительный покров представлен сосновым подростом на месте обширного выруб с кустарничково-лишайниково-моховыми растительными сообществами в напочвенном покрове. В современном микрорельефе выражено семь

сооружений, шесть – впадины овальной формы с обваловкой, не образующие какой-либо системы (табл. 2). Анализ морфологии и взаиморасположения позволяет с высокой степенью уверенности считать впадину № 5 и наземную площадку с внешними ямами № 4 остатками сезонного поселения (рис. 3, 5 – 1) [1].

Таблица 2

**Характеристики визуально выраженных в рельефе
археологических сооружений группы ям Самсоновская 5**

№ п.п.	Вид сооружения	Форма*	Ориентация	Размер (м)	Глубина (м)	Обваловка ширина/ высота (м)
1	Впадина	Овальная	СЗ – ЮВ	5,8 × 3,3	0,4	2,3–2,8/0,2
2	Впадина	Овальная	СВ – ЮЗ	5,4 × 3,1	0,5	1,5–2,5/0,3
3	Впадина	Овальная	З – В	4,1 × 3,3	0,5	1,6–2,0/0,3
4	Наземная площадка	Квадратная	СВ – ЮЗ	6,4 × 6,0	–	1,5–3,4/0,2
5	Впадина	Квадратная	СВ – ЮЗ	4,3 × 4,0	0,4	1,8–2,3/0,2
6	Впадина	Овальная	С – Ю	3,2 × 2,2	0,4	1,3–2,0/0,1
7	Впадина	Овальная	СВ – ЮЗ	7,1 × 5,7	0,3–0,4	1,9–2,2/0,18

*Примечание: * – форма сооружений условная.*

В полевом сезоне 2018 г. на территории группы ям Самсоновская 5 было заложено 11 раскопов общей площадью 2056 кв. м. В ходе раскопок изучены выраженные в рельефе объекты № 1 и 2, 6 и 7, каких-либо конструктивных элементов в заполнении ям не зафиксировано. Установлено, что выраженная в микрорельефе впадина № 6 имеет антропогенное происхождение [1]. Мы приведем описание наиболее яркого сооружения № 7, которое однозначно может быть интерпретировано как остатки охотничье-промыслового объекта – звероловная яма.

Раскоп № 9. Сооружение № 7. В раскопе № 9 на участках XLVII–XLIX/47–50 под слоем напочвенного покрова и навала на фоне элювиального горизонта фиксируется серо-желтый песок с включениями подзолистых пятен, повторяющий контуры обваловки ямы. На верхних горизонтах фиксации по внешнему контуру ямы прослеживается материковый выкид – желто-серо-коричневый с редкими включениями угольков, реже с пятнами черного, серо-белого или серого песка, отделенный от естественной почвенной колонки прослойкой темно-серой супеси мощностью 0,015 м. На дневной поверхности форма ямы – округлая, на нижних горизонтах фиксации – овальная сменяется прямоугольной, вытянутой по линии северо-восток – юго-запад, ее размеры на уровне фиксации «-1.50 м» от условного «0» составили – 4,77 × 5,75 м, на уровне «-1.80 м» – 1,72 × 2,73 м, на уровне «-2.50 м» – 1,31 × 2,30 м. На горизонте фиксации «-2.50 м» от условного «0» выступили грунтовые воды, которые значительно осложнили дальнейшее исследование объекта. В профиле яма имела наклонные, слегка выпуклые стенки и округлое дно. Дно зафиксировано на уровне «-2.77 м», на глубине около 1,65 м от современной поверхности. Заполнение ямы однородное – коричневый песок с прослойками и линзами серого и белого цвета, реже с включениями желтого и желто-коричневого песка с примесью мелких угольков и углистых прослоек, центральная его часть сильно оподзолена на глубину около 0,85–1,25 м (рис. 6) [1].

Всего в полевом сезоне 2018 г. на территории группы ям Самсоновская 5 было исследовано 3 выраженных в рельефе археологических сооружения – впадины № 1, 2 и 7. Первые два объекта сильно пострадали от антропогенного воздействия, а высокий уровень грунтовых вод повлиял на контуры и заполнение ям – сильно оподзолены, на фоне материка

дифференцируются крайне слабо. В стратиграфии и планиграфии изученных сооружений следов деревянных конструкций или перекрытий не зафиксировано. В целом размеры, ориентировка, характер заполнения ям очень схожи, что позволяет сделать вывод об их единовременности. В топографии памятника, характерной для охотничье-промысловых объектов, единой регулярной планировки не зафиксировано.

Группа впадин Самсоновское 12. Памятник расположен в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в 30,6 км к югу – юго-западу от п. Салым, в центральной части обширного останца левобережной террасы р. Самсоновской, в 1,8 км к югу от устья р. Навьем. Рельеф местности пологоволнистый. Высота останца от уровня верхового болота не превышает 1,5 м. Повышение рельефа идет в юго-западном направлении, достигая 2,5 м от уровня болота. В растительном покрове преобладает густой сосновый подрост на месте обширного выруба. Напочвенный покров представлен кустарничковыми и лишайниками. Впадины располагаются в самой высокой части останца, их взаиморасположение Т-образное. Выраженные в рельефе объекты овальной и прямоугольной формы с обваловками (табл. 3). Опираясь на особенности топографии памятника и ряд внешних морфологических признаков, археологические сооружения на территории группы впадин Самсоновское 12 предварительно были определены как остатки охотничье-промыслового комплекса – звероловные ямы (ловушки) [1; 10, с. 162–165; 11, с. 122–123; 12, с. 166–167; 13, с. 294–298].

Таблица 3

**Характеристики визуально выраженных в рельефе
археологических сооружений группы впадин Самсоновское 12**

№ п.п.	Вид сооружения	Форма*	Ориентация	Размер (м)	Глубина (м)	Обваловка ширина/высота (м)
1	Впадина	Овальная	З – В	4,3 × 3,4	0,4	–
2	Впадина	Овальная	С – Ю	3,5 × 2,8	0,5	1,3–3,3/0,2
3	Впадина	Овальная	СВ – ЮЗ	4,8 × 2,7	0,6	1,3–2,4/0,2
4	Впадина	Овальная	З – В	3,5 × 2,6	0,5	1,3–1,6/0,2
5	Впадина	Прямоугольная	СЗ – ЮВ	5,2 × 3,4	0,8	2,0–2,8/0,2
6	Впадина	Овальная	СЗ – ЮВ	5,6 × 4	0,4	1,0–1,4/0,2
7	Впадина	Овальная	З – В	4,6 × 2,2	0,4	1,0–3,0/0,3
8	Впадина	Овальная	СВ – ЮЗ	3,9 × 2,4	0,5	1,0–3,0/0,2
9	Впадина	Прямоугольная	З – В	5 × 4,5	0,3	1,0–2/0,2
10	Впадина	Овальная	СВ – ЮЗ	5,5 × 5	0,2	1,0–2/0,3
11	Впадина	Прямоугольная	СВ – ЮЗ	3,5 × 2,9	0,3	1,6–0,9/0,2

*Примечание: * – форма сооружений условная.*

В северной части группы впадин Самсоновское 12 было заложено 2 раскопа и 10 шурфов, площадь аварийно-спасательных работ составила 470 кв. м (рис. 4, 5 – 1) [1].

Раскоп № 1. Сооружение № 1. В раскопе № 1 северная и центральная части сооружения № 1, на участках ЛП–Л/131–133, полностью сnivelированы в ходе строительства и эксплуатации автосимника. Относительно не поврежденная часть обваловки на дневной поверхности сохранилась лишь на участках Л/131–132. На верхних горизонтах фиксации, на фоне элювиального и иллювиально-железистого горизонтов, хорошо прослеживается материковый выкид (обваловка) – песок желто-серо-коричневый с редкими включениями угольков, реже с пятнами черного, серо-белого или серого цвета, отделяется от естественной почвенной колонки узкой прослойкой шириной до 0,03 м – тем-

но-серая супесь с включениями угольков – погребенная поверхность. Очертания ямы довольно четко прослеживаются с уровня фиксации «-1.15 м» от условного «0», форма – округлая. При дальнейшем понижении объект приобретал овальную форму, на последних уровнях фиксации – прямоугольную, вытянутую по линии северо-восток – юго-запад. Размеры ямы на уровне фиксации «-1.30 м» составили 3,39 × 3,24 м. На горизонте «-2.40 м» от условного «0» в плане начали фиксироваться остатки конструкций – деревянные колья, яма ориентирована по линии СВ – ЮЗ, размеры – 1,22 × 2,48 м. На данном уровне фиксации хорошо дифференцируются два основных заполнения объекта – крупномешанный серый песок с пятнами серо-коричневого, желто-коричневого цвета и находящийся с внешней стороны серо-коричневый песок с прослойками и линзами белого, светло-серого, желтого цвета [1].

Контур сооружения № 1 на уровне фиксации «-2.55 м» от условного «0» существенно не изменился. Во внутреннем заполнении сооружения зафиксировано 24 фрагмента деревянных кольев, имеющих затесы на одном из торцов. Они плотно поставлены друг к другу и забиты в основание ямы, их размеры – 0,65 × 1,63 м, форму имеют прямоугольную со слегка скругленными углами. Сооружение сориентировано по направлению СВ – ЮЗ. Контуры внешнего заполнения довольно сильно размыты грунтовыми водами, их размеры – 0,85 × 21,23 м, форма – прямоугольная вытянутая, ориентировка имеет небольшое отклонение к ВСВ – ЗЮЗ. При разборе заполнения ямы, ниже уровня грунтовых вод, в ее центральной части обнаружен кол, имеющий четырехгранную заточку нижней и, возможно, верхней части. В западной и юго-западной части сооружения колья наклонены вовнутрь либо сильно деформированы в верхней части – надломлены в процессе руинирования сооружения. Земляные работы осложнились активным размыванием культурного слоя и материка грунтовыми водами. Погодные условия не способствовали длительному дренированию и арефакции почвенного слоя (рис. 7, 8) [1].

В профиле ямы под валом корчевания фиксируются остатки естественного напочвенного покрова, который слегка поврежден корнями деревьев. В верхней части сооружения зафиксированы два оплывших пятна материкового выкида, подстилающим его горизонтом является погребенный подзол. Кроме того, материковый выкид зафиксирован в центральной части ямы под слоем элювиального горизонта и напочвенного покрова, его подстилает серый песок с линзами и прослойками бело-серого, темно-серого, желтого, серо-коричневого цвета и углистые прослойки. В участке LI/133 материковый выкид прорезает линза темно-серой супеси с включениями угольков. В стратиграфии сооружения № 1 фиксируются два заполнения. По краю объекта залегает нижнее заполнение – серо-коричневый песок с прослойками и линзами белого, светло-серого и желтого цвета, во внутренней части ямы его частично перекрывает верхнее – крупно мешанный серый песок с пятнами серо-коричневого и желто-коричневого цвета. В нижней части ямы фиксируется деревянный кол № 18. В профиле яма имела выпуклые стенки. Дно фиксируется на уровне «-2.69 м» – «-2.72 м», на глубине около 1,77 м от современной поверхности, ниже уровня грунтовых вод на 0,12–0,15 м, края немного скругленные. Анализируя профиль сооружения № 1 и характер его заполнения, следует предположить, что объект функционировал довольно длительное время и несколько раз (не менее 2-х) подвергался перестройке – укреплению стенок и углублению дна (рис. 9) [1].

Внешние морфологические признаки, особенности планиграфии и стратиграфии сооружения позволяют однозначно идентифицировать его как остатки звероловной ямы.

Группа впадин Самсоновское 13. Памятник расположен в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в 30,4 км к ЮЮЗ от п. Салым, в северо-восточной части обширного останца левобережной террасы р. Самсоновской, в 1,7 км

к югу от устья р. Навьем. Рельеф местности пологоволнистый, склоны возвышенности слабопокатые, заторфованные. Памятник занимает участок террасы, протяженность которого с юга на север составляет 140 м, а ширина в центральной части достигает 105 м. Площадка памятника археологии располагается на восточном склоне останца. Повышение рельефа идет в западном – северо-западном направлении. Высота от заболоченной подошвы составляет 1,0–1,25 м. В центральной части территории памятника находится заболоченный участок поверхности размером 57 × 33 м. Растительность на сухих участках гривы представлена кустарничками, лишайниками и мхами. Заболоченный участок покрыт низкорослым сосновым лесом и влаголюбивыми мхами. В границах объекта культурного наследия на поверхности фиксируются 4 впадины овальной формы (табл. 4) с ярко выраженной обваловкой [2].

Таблица 4

**Характеристики визуально выраженных в рельефе
археологических сооружений группы впадин Самсоновское 13**

№ п.п.	Вид сооружения	Форма*	Ориентация	Размер (м)	Глубина (м)	Обваловка ширина/ высота (м)
1	Впадина	Овальная	СВ – ЮЗ	4,1 × 3,8	0,5	1,6–2,8/0,3
2	Впадина	Овальная	С – Ю	4,0 × 2,7	0,4	0,6–2,1/0,1–0,3
3	Впадина	Овальная	С – Ю	4,5 × 2,9	0,3	1,5–2,6/0,2
4	Впадина	Квадратная	З – В	4,5 × 3,2	0,6	1,8–2,4/0,2

*Примечание: * – форма сооружений условная.*

В южной и юго-западной части группы впадин Самсоновское 13 было заложено 4 раскопа и 4 шурфа, площадь исследований составляет 573 кв. м (рис. 5 – 2) [2].

Раскоп № 1. Сооружение № 1. После разборки верхних горизонтов вокруг сооружения был выявлен слой материкового выкида, формирующий обваловку ямы и представленный слоем неоднородного желто-коричневого песка с прослойками и линзами светло-серого, серого и серо-желтого цвета, отдельными углистыми фракциями, оконтуренный фрагментами древней (погребенной) поверхности – слоем темно-серой, реже черной супеси. Ширина слоя материкового выкида относительно равномерная – 1,25–1,3 м, мощность – 0,15–0,2 м. Подстилающим горизонтом является слой погребенного элювиального песка. В пределах центральной части раскопа его мощность сильно варьируется – 0,15–0,37 м, контуры в значительной степени повторяют очертания материкового выкида, граница с современным подзолистым горизонтом достаточно условная. В северо-восточной части обваловка и верхняя часть заполнения сооружения № 1 были повреждены тремя крупными разновременными выворотнями. На уровне фиксации «-1.60 м» на фоне белого песка с пятнами бледно-желтого цвета и элювиального горизонта в участках ХСV–ХСIII/132–135 хорошо прослеживается мощный слой материкового выкида (обваловка), с внешней стороны которого залегает тонкая прослойка погребенной поверхности – темно-серая супесь с включениями угольков. В участке ХСIII/133 обваловка к югу образует своеобразный выступ с небольшой перемычкой; форма выступа – овальная, размеры – 1,74 × 0,65 м. Нижняя часть сооружения № 1 фиксируется с уровня «-1.70 м» от условного «0». Очертания овальной формы на уровне «-2.00 м» изменяются на прямоугольные, ориентированные по линии запад – восток, размеры в нижней части – 1,53 × 2,84 м. В центральной части заполнения котлована сильно оподзолено, на верхних горизонтах фиксации частично нарушено выворотнем. Основу верхнего заполнения котлована составляет оплывший слой материкового выкида, нижнего – слой желто-коричневого песка с прослойками и лин-

зами светло-серого, серого и серо-желтого цвета, отдельными углистыми фракциями. Выделенные в составе слоя углистые включения, вероятнее всего, являются остатками деревянных элементов конструкции – верхнего перекрытия. На уровне фиксации «-2.60 м» заполнение сооружения и окружающий горизонт почвообразующей породы сильно увлажнены, контуры размыты. В процессе снятия почвенного слоя на уровень «-2.65 м» грунтовые воды начали проступать в планиграфии участков. Уровень «-2.70 м» от условного «0» – верхняя отметка горизонта стояния грунтовых вод. Осуществить фиксацию планиграфии на данном уровне не представлялось возможным. В стратиграфии участков ХСIII–ХСIV/133 под элювиальным горизонтом фиксируется прослойка материкового выкида, прорезанная на участке ХСIII/133 остатками истлевшей древесины. Материковый выкид подстилают линзы древней погребенной поверхности и прослойка погребенного подзола. Следует обратить внимание, что материковый выкид разделен на два уровня множеством небольших линз темно-серой супеси с включениями угольков, к югу условно соединяющихся с погребенной поверхностью. Данный факт подтверждается планиграфическими наблюдениями на горизонте «-1.60 м» – выступ овальной формы в обваловке. Наличие двух ярусов материкового выкида может свидетельствовать о повторном (многократном) использовании постройки. Восточная стенка ямы более отвесная, слегка выпуклая, западная – более покатая, сильно выгнута, в нижней части имеются небольшие уступы, дно ровное, слегка выпуклое, на 0,23 м ниже уровня грунтовых вод. Северная и южная стенки ямы практически отвесные, глубина от уровня дневной поверхности – около 1,50 м (рис. 10–12) [2].

Выраженные в микрорельефе памятника впадины не обладают особенностями взаиморасположения, характерными для системы ям-ловушек. При сравнении внешних морфологических особенностей, а также планиграфии и стратиграфии изученных раскопами объектов на территории группы ям Самсоновская 5 и группы впадин Самсоновское 12, исследованное сооружение № 1 группы впадин Самсоновское 13 может быть интерпретировано как яма-ловушка.

Результаты радиоуглеродного датирования. Из заполнения построек собрано 9 образцов древесины, угля и почвы для проведения радиоуглеродного датирования. Забор проб был осуществлен из нижнего заполнения сооружения № 7 группы ям Самсоновская 5, внутреннего контура (верхний ярус) и деревянного каркаса в сооружении № 1 группы впадин Самсоновское 12. Также были собраны фрагменты обгоревших конструкций верхнего и нижнего яруса сооружения № 1 группы впадин Самсоновское 13. Результаты радиоуглеродного датирования представлены в таблице 5.

Таблица 5

Результаты радиоуглеродного датирования

№ п.п.	Шифр	ОКН	Образец	¹⁴ C; BP	68,2 %; AD	95,4 %; AD
1	SPb_2997	Самсоновское 12 сооружение № 1	деревянные колья	285±25	1524–1559 (40,2 %) 1631–1653 (28,0 %)	1514–1599 (58,9 %) 1617–1663 (36,5 %)
2	SPb_3047	Самсоновское 12 сооружение № 1	деревянные колья	297 ± 25	1523–1572 (50,0 %) 1630–1647 (18,2 %)	1495–1507 (2,20 %) 1512–1601 (66,1 %) 1616–1654 (27,1 %)
3	SPb_3035	Самсоновское 12 сооружение № 1	деревянные колья	267 ± 25	1529–1544 (14,8 %) 1634–1663 (53,4 %)	1521–1575 (31,2 %) 1585–1590 (0,70 %) 1626–1669 (57,2 %) 1782–1798 (6,30 %)

Окончание таблицы 5

4	SPb_3212	Самсоновское 12 сооружение № 1	деревянные колья	275 ± 25	1527–1554 (29,5 %) 1633–1658 (38,7 %)	152–1593 (46,0 %) 1619–1665 (47,5 %) 1785–1794 (1,90 %)
5	SPb_2984	Самсоновское 13 сооружение № 1	уголь	805 ± 25	1220–1257	1189–1271
6	SPb_3048	Самсоновское 13 сооружение № 1	уголь	1804 ± 35	138–249	127–264 (78,8 %) 274–330 (16,6 %)

Группа ям Самсоновская 5. Масса трех отобранных из заполнения сооружений № 1, 2, 7 проб угля для датирования радиоуглеродным способом оказалась недостаточной. На основании ряда косвенных признаков: общая руинированность (выраженность на уровне дневной поверхности), степень оподзоленности верхней части почвенного профиля, характер заполнения, общая глубина и форма – яма-ловушка может быть предварительно датирована в довольно широком хронологическом диапазоне (ранний железный век – средневековье) [1].

Группа впадин Самсоновская 12. В ходе полевых исследований из заполнения сооружения № 1 было собрано 4 образца – фрагменты деревянных кольев. Согласно калиброванным значениям период функционирования верхнего яруса (внутренний контур, включая деревянный каркас) – вт. тр. XVI в. – перв. пол. XVII в., нижнего (внешний контур) – вероятнее всего, относится к периоду раннего железного века-средневековья.

Группа впадин Самсоновское 13. В процессе раскопок из заполнения сооружения № 1 было собрано две пробы угля для проведения изотопного анализа. Планиграфические и стратиграфические наблюдения позволяют выделить в заполнении ямы два яруса, верхний датируется кон. XII в. – сер. XIII в., нижний – сер. II в. – сер. III в.

Таким образом, в результате проведенных исследований на территории группы ям Самсоновская 5, группы впадин Самсоновское 12 и группы впадин Самсоновское 13 было заложено 17 раскопов и 14 шурфов общей площадью 3099 кв. м. В итоге изучено раскопками 5 археологических сооружений. Раскопанные постройки на основании многочисленных аналогий идентифицированы как остатки охотничье-промысловых объектов, именуемых звероловной ямой, ловчей ямой или ямой-ловушкой. Подобные археологические сооружения хорошо известны на территории Западной Сибири, характеризуются в основном специфической топографией памятников и морфологическими признаками археологических объектов [10, с. 162–163; 12, с. 166; 14, с. 232–236, 252–256; 15, с. 304–306; 16–18].

Детальный анализ топографии археологических объектов на территории группы ям Самсоновская 5, группы впадин Самсоновское 12, группы впадин Самсоновское 13 позволяет проследить свойственное ловчим ямам взаиморасположение довольно четко. Следовательно, изученные в 2018 г. раскопами сооружения являются составной частью большой системы ям-ловушек, которая пересекает останец коренной террасы р. Самсоновской в широтном и меридиональном направлениях. По результатам радиоуглеродного датирования можно выделить два хронологических промежутка: сер. II в. – сер. III в. и кон. XII в. – сер. XIII в. Вероятнее всего, период функционирования исследованного комплекса гораздо шире, охватывает ранний железный век – средневековье и новое время, о чем свидетельствуют данные из заполнения сооружения № 1 группы впадин Самсоновское 12.

Подавляющее большинство впадин на исследованных раскопками памятниках на дневной поверхности имеет овальную форму, реже прямоугольную или квадратную.

Ориентировка археологических объектов сильно варьируется: 9 впадин – СВ – ЮЗ, 4 впадины – С – Ю, 3 впадины – СЗ – ЮВ и 6 впадин – З – В. Их размеры не унифицированы (от $3,2 \times 2,2$ до $7,1 \times 5,7$ м), однако большая часть не превышает $4,5 \times 3$ м. В ходе раскопок контуры ям значительно изменяются, крайне важными источниками являются форма, размеры и ориентировка на уровне материка. После снятия напочвенного покрова очертания объектов приобретают более правильные округлые формы. В нижней части иллювиально-железисто-го горизонта контуры ям становятся прямоугольными. На материке размеры исследованных объектов не превышают $1,5 \times 2,8$ м. На уровне материка меняют ориентировку: сооружение № 2 группы ям Самсоновская 5 – СВ – ЮЗ, сооружение № 1 группы впадин Самсоновское 12 – СВ – ЮЗ и ВСВ – ЗЮЗ, сооружение № 1 группы впадин Самсоновское 13 – З – В. Повторяющиеся изменения вышеперечисленных параметров на разных уровнях фиксации могут свидетельствовать о длительной эксплуатации или повторном использовании постройки в более поздних периодах. Для исследованных ям изменения в характере заполнения не являются обязательным условием. Фиксируемые в раскопах углистые включения или прослойки в заполнении объектов свидетельствуют о наличии деревянных конструкций-креплений вдоль стенок или верхнего перекрытия. Глубина исследованных раскопами археологических объектов составляет 1,5–1,8 м от уровня дневной поверхности, дно ямы-ловушки располагается ниже уровня грунтовых вод.

На основании изучения как выявленных ранее, так и раскопанных сооружений можно сделать вывод, что памятники охотничье-промыслового назначения, в сходных природно-климатических и ландшафтно-топографических условиях, возможно разделить на две большие группы: системы ловчих ям и группы впадин, не образующие ансамбля, т.е. случаи, когда фиксируемые на дневной поверхности объекты относительно друг друга расположены хаотично [19, с. 338]. Анализ внешних морфологических особенностей, планиграфии и стратиграфии ям-ловушек свидетельствует, что данный тип памятников довольно сильно дифференцируется по функциональному признаку. Отсутствие археологических предметов в заполнении ямы и на ее поверхности является довольно типичной ситуацией. Все вышеперечисленные факторы значительно осложняют идентификацию памятника на стадии археологической разведки.

В настоящее время существует серьезная проблема в периодизации древней истории таежной зоны севера Западной Сибири. Разработанные в разное время несколькими группами ученых периодизации построены на основании сравнительной типологии керамического и вещевого комплексов, без репрезентативных серий калиброванных радиоуглеродных дат. В нашем случае это серьезно затрудняет идентификацию раннего горизонта сер. II – сер. III в. Отсутствие находок в заполнении ям ставит вопрос о культурной принадлежности: карымская или кулайская археологическая культура? Поздний горизонт (кон. XII – XIII в.) укладывается в рамки кинтусовского этапа нижнеобской археологической культуры [20–25].

Перспективы исследования. Продолжение исследований в среднем и нижнем течении р. Самсоновской будет способствовать решению следующих научно-практических задач: разработке классификации хозяйственно-промысловых объектов, их соотношению с поселенческими комплексами и уточнению хронологии, а также выработке принципов отнесения к археологическим культурам.

Дальнейшие раскопки позволят проанализировать расположенные на данной территории памятники поселенческого и охотничье-промыслового типов как единый археологический комплекс, проследить взаимосвязи между хозяйственной деятельностью и материальной культурой населения севера Западной Сибири в древности и средневековье.

Литература

1. Кочегов Е. И. Результаты спасательных полевых археологических исследований (раскопки) объектов культурного наследия «Группа ям Самсоновская 5» и «Группа впадин Самсоновское 12», на территории земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению ООО «Соровскнефть» в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, проведенных в 2018 г. : отчет о НИР. 9 кн. Архив НПО «СА-1». Ф. I. Д. № 561.
2. Лукиных А. А. Результаты полевых археологических исследований (раскопки) на территории группы впадин Самсоновское 13 в Нефтеюганском районе ХМАО-Югры, проведенных в 2018 г. : отчет о НИР. 3 кн. Архив НПО «СА-1». Ф. I. Д. № 572.
3. Карачаров К. Г. Отчет об археологической разведке в бассейне реки Б. Салым в южной части Нефтеюганского района Тюменской области; лето 1993 года : отчет о НИР. Екатеринбург, 1993. Архив НПО СА. Ф. I. Д. 20.
4. Бочкарев Д. В. Археологические исследования на территории Сургутского, Ханты-Мансийского и Нефтеюганского районов ХМАО-Югры в 2006 г. : отчет о НИР. Сургут, 2007. Архив МУ СР ИКНПЦ «Барсова Гора».
5. Гнатив В. О. Археологические полевые работы (разведки), проведенные в зоне обустройства месторождений ООО «РН-Юганскнефтегаз» на территории Ханты-Мансийского, Нефтеюганского, Сургутского районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2016 г. : отчет о НИР. Екатеринбург, 2017. Архив НПО СА. Ф. I. Д. 528.
6. Акт № 439 государственной историко-культурной экспертизы земель, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного кодекса Российской Федерации работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в пунктах 3, 4 и 7 части 1 статьи 25 Лесного кодекса Российской Федерации) и иных работ, по проекту «17688 «Напорный нефтепровод от ЦПС «Соровский» до узла переключения (2-я нитка)». Нефтеюганск, 2017. Архив НПО СА.
7. Акт № 705 государственной историко-культурной экспертизы земель, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного кодекса Российской Федерации работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в пунктах 3, 4 и 7 части 1 статьи 25 Лесного кодекса Российской Федерации) и иных работ, по проекту ш. 4843, «Обустройство кустов скважин №№ 24, 25 Вуемского месторождения». Нефтеюганск, 2018. Архив НПО СА.
8. Акт № 706 государственной историко-культурной экспертизы земель, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного кодекса Российской Федерации работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в пунктах 3, 4 и 7 части 1 статьи 25 Лесного кодекса Российской Федерации) и иных работ, по проекту ш. 4813 «Обустройство кустов скважин №№ 22, 23 Вуемского месторождения». Нефтеюганск, 2018. Архив НПО СА.
9. Торощина Н. В. Технический отчет. Историко-культурные изыскания на территории, отводимой под объект: «Строительство поисковой скважины 5-п Вуемского месторождения Восточно-Салымского лицензионного участка» в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югра. Томск, 2018.
10. Кокшаров С. Ф. Охотничьи ямы-ловушки на Северо-Западе Сибири // Знания и навыки Уральского населения в древности. Екатеринбург, 1993. С. 162–168.
11. Морозов В. М. Новые объекты историко-культурного наследия в центральной части Сургутского района ХМАО-Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск, 2007. Вып. 5. С. 122–123.

12. Баранов М. Ю. Работы Балинского отряда на Приобском месторождении нефти в 2007 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Тюмень ; Ханты-Мансийск, 2008. Вып. 6. С. 165–168.

13. Лукиных А. А., Никулин М. С. Результаты разведочных археологических полевых работ на территории Нефтеюганского и Сургутского районов ХМАО-Югры в 2014 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2015. Вып. 13. С. 290–307.

14. Балуева Ю. В., Коноваленко М. В. Археологический комплекс на р. Большой Салым (по материалам исследований 2014 г.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2016. Вып. 14. С. 232–258.

15. Дубовцева Е. Н., Ковригин А. А. Раскопки объектов охотничье-промыслового назначения в Сургутском районе ХМАО-Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2009. Вып. 7. С. 260–270.

16. Ковригин А. А., Морозов В. М., Погодин А. А., Сергеев А. С. Исследование историко-археологического комплекса Кушниково в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2004. Вып. 2. С. 302–317.

17. Погодин А. А. Исследование историко-культурного комплекса Кушниково в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2006. Вып. 3. С. 111–113.

18. Рудковская М. А. Ловчие звероловные ямы на р. Кедровой (Ханты-Мансийский район ХМАО-Югры) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2016. Вып. 14. С. 304–316.

19. Виноградов А. С., Кочегов Е. И. Археологические исследования на территории Вандрасско-Юганской ландшафтной провинции в Нефтеюганском и Сургутском районах ХМАО-Югры в 2014 и 2015 гг. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск ; Ханты-Мансийск, 2016. Вып. 14. С. 329–344.

20. Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. № 58. М. : Изд-во АН СССР, 1957. С. 136–245.

21. Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1991. Вып. 20. С. 126–145.

22. Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу) 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Изд-во «Тезис», 2002. С. 5–65.

23. Зыков А. П. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург ; Ханты-Мансийск : Изд-во «Чароид», 2006. С. 109–124.

24. Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Сургут ; Омск : Изд-во ОАО «Омский дом печати», 2008. 224 с.

25. Зыков А. П., 2012. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург : Изд-во «Уральский рабочий». С. 232.

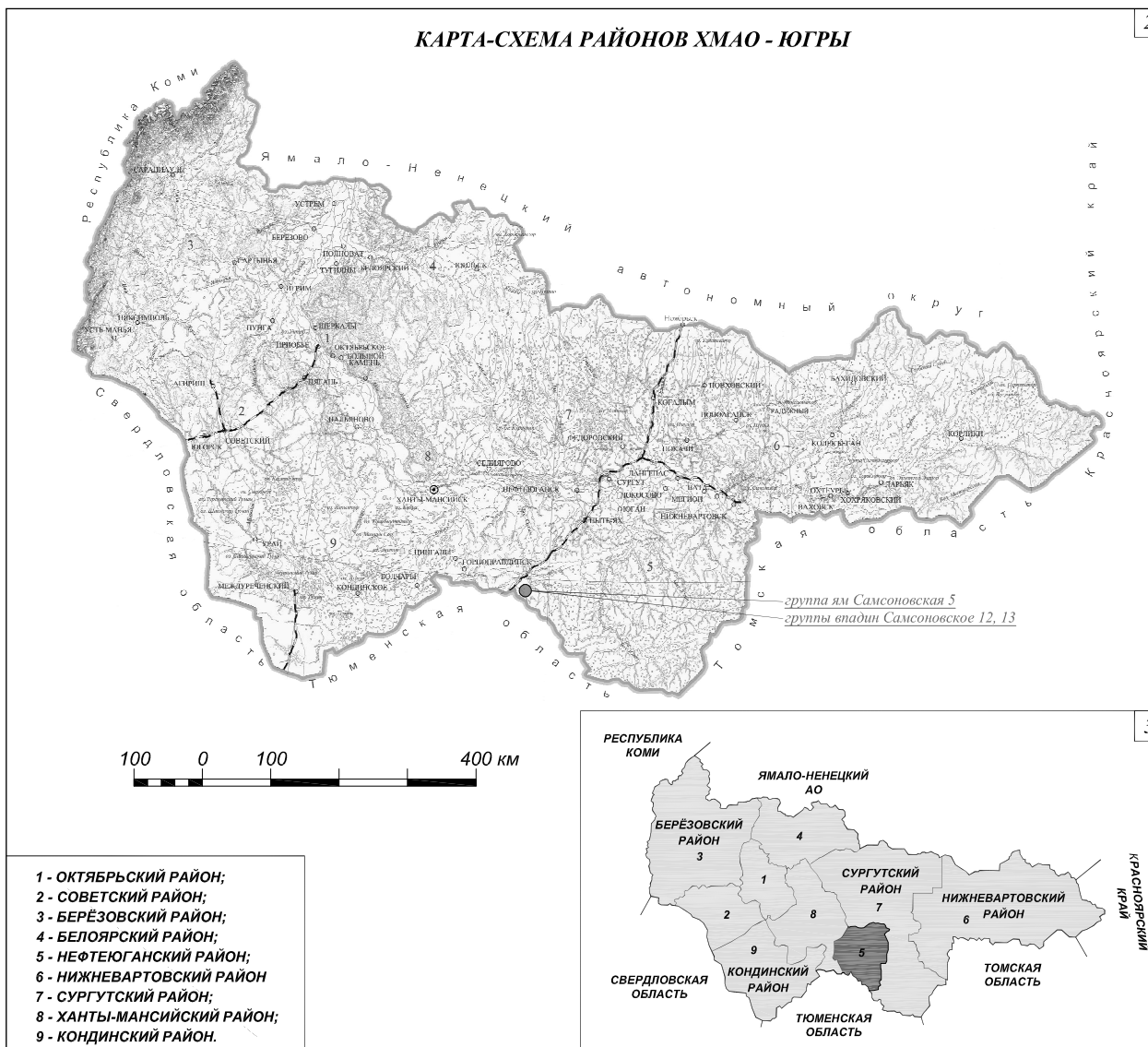

Рис. 1. Обзорные схемы: расположение группы ям Самсоновская 5 и группы впадин Самсоновское 12, 13

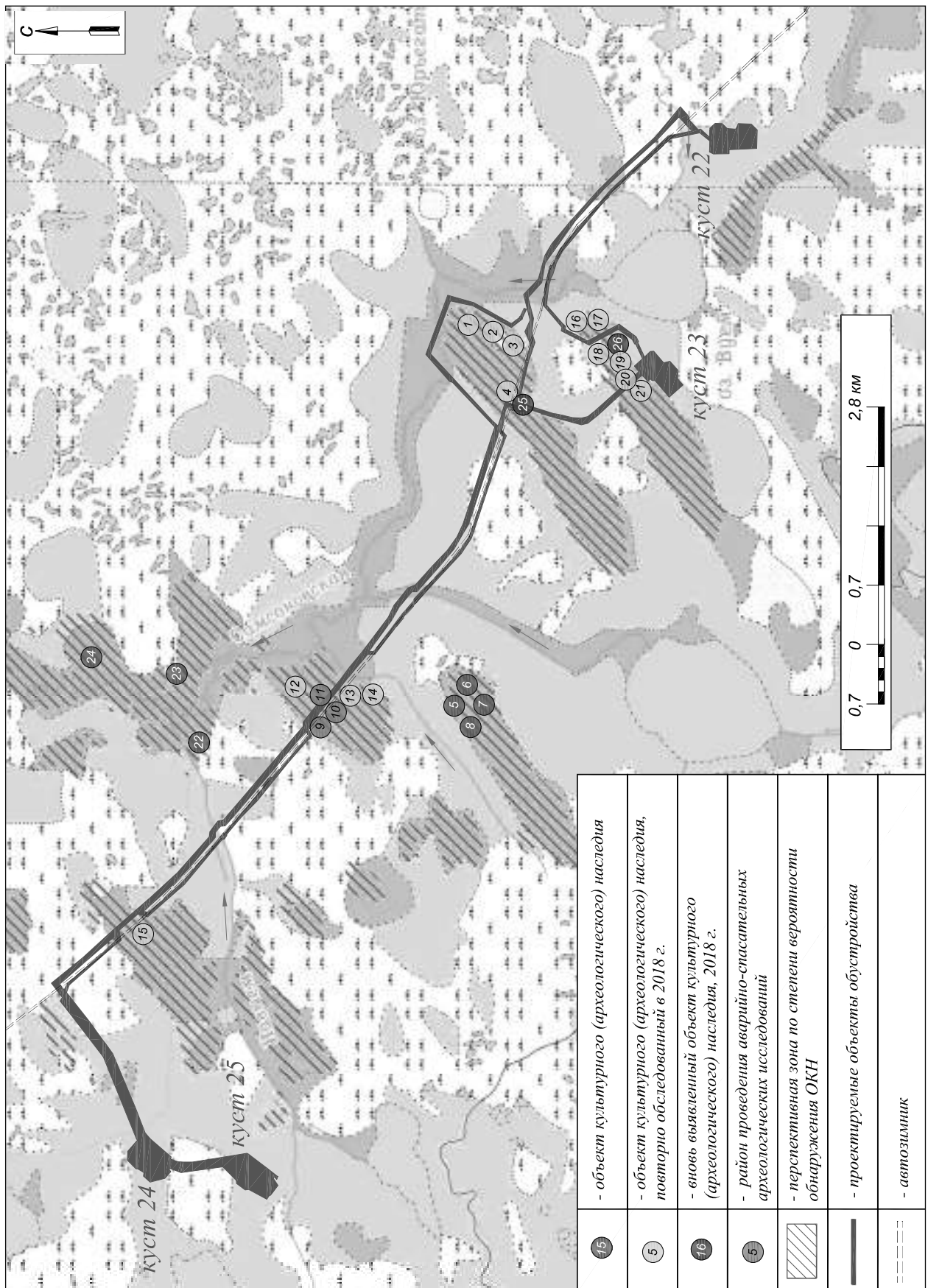

Рис. 2. Карта-схема размещения объектов культурного наследия и проектируемых объектов обустройства нефтяного месторождения

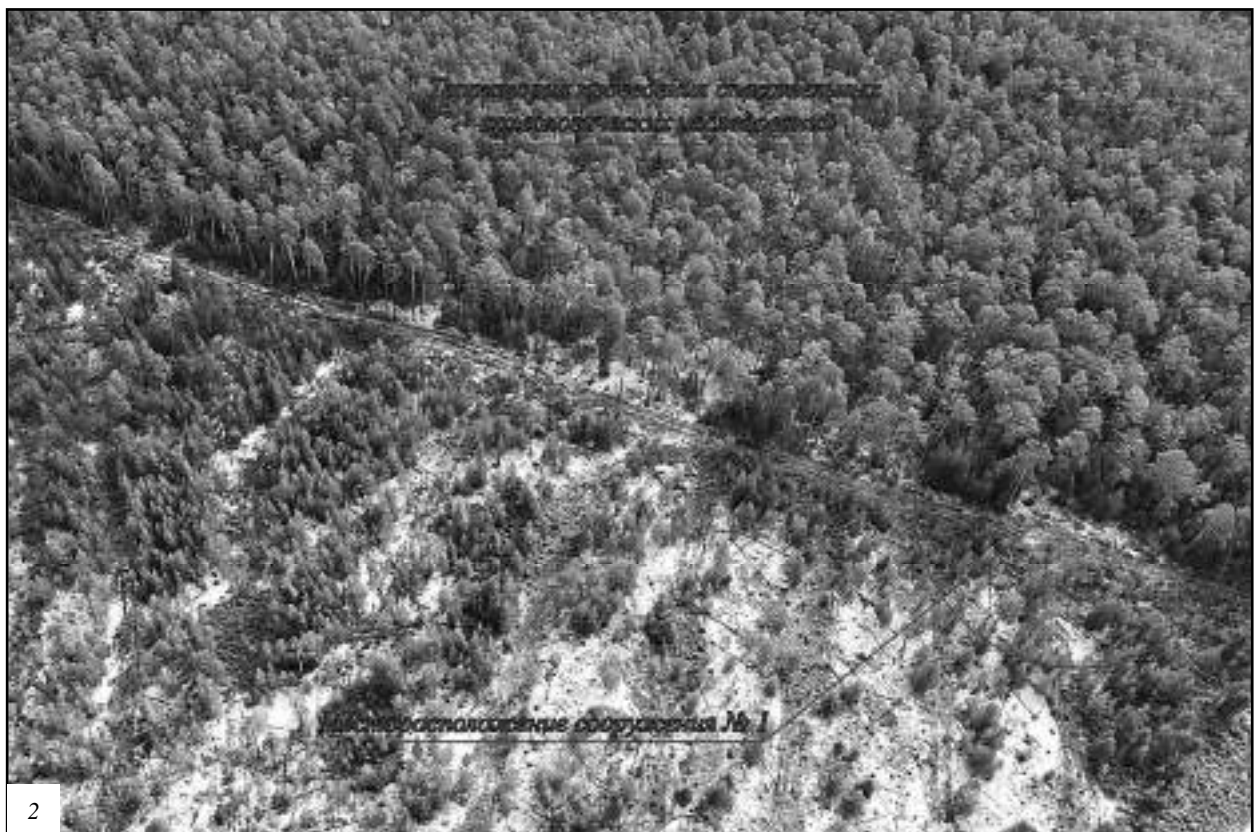

Рис. 5. Территория объектов культурного наследия перед началом раскопок: 1 – группа ям Самсоновская 5 и группа впадин Самсоновское 12, вид с юго-востока; 2 – группа впадин Самсоновское 13, вид с северо-запада

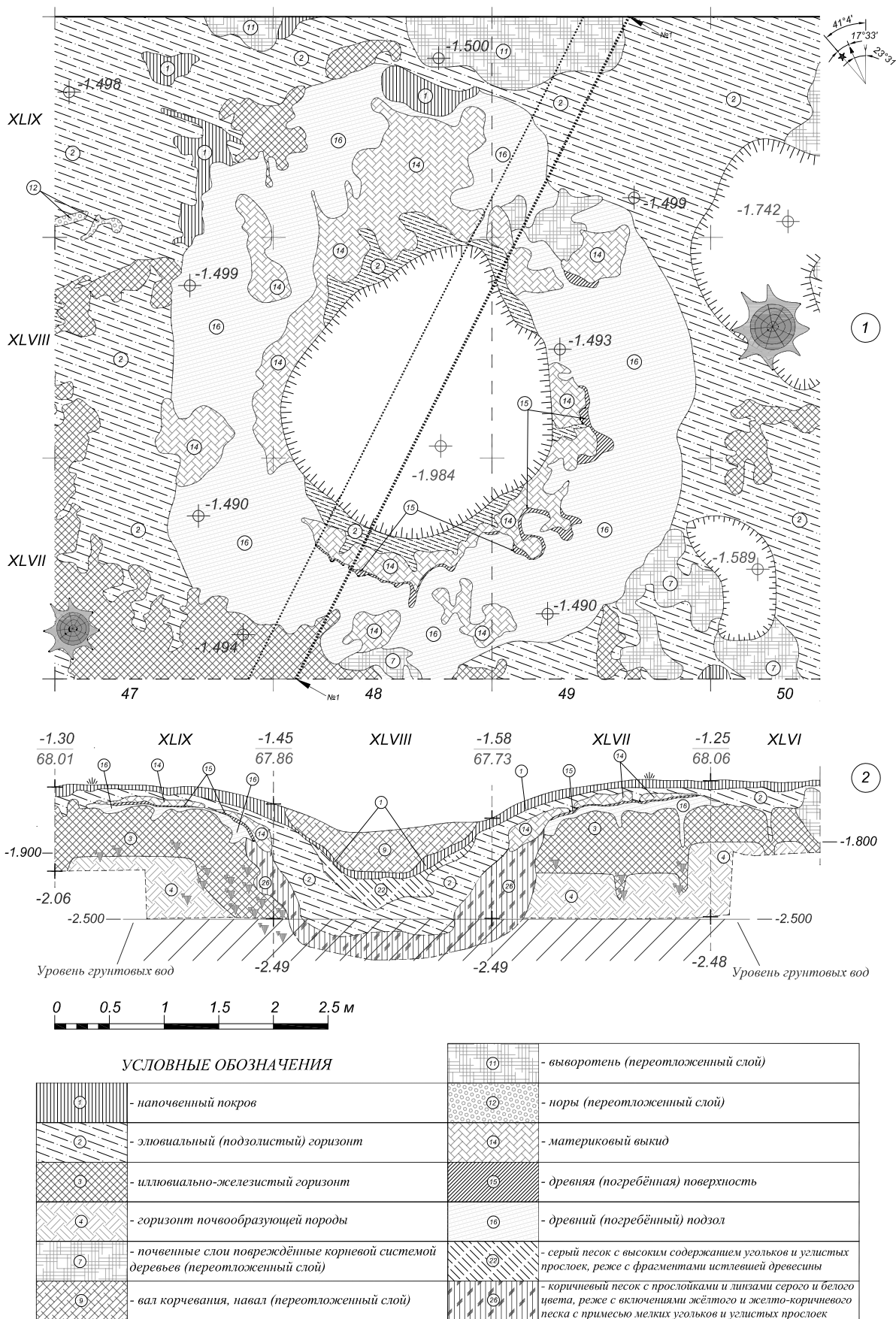
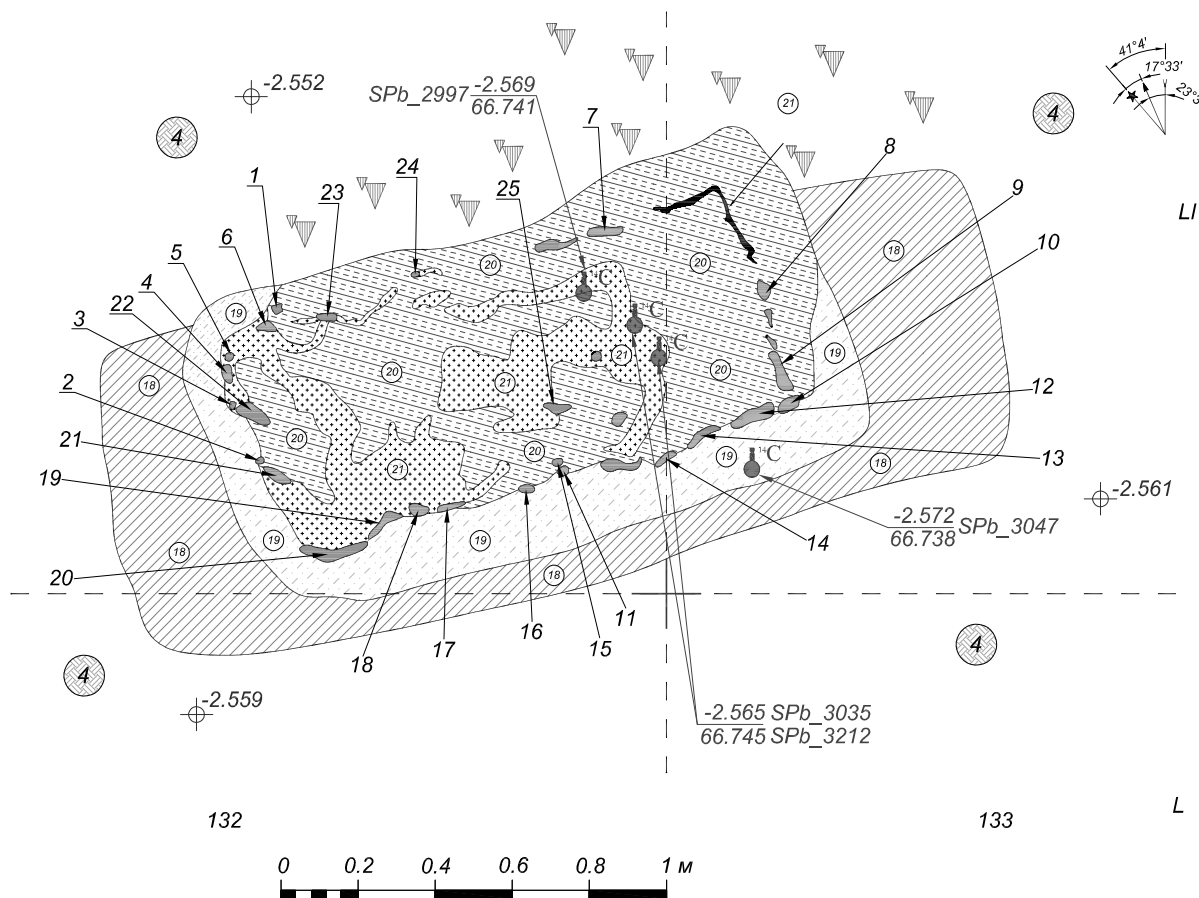

Рис. 6. Группа ям Самсоновская 5. Раскоп № 9: 1 – планиграфия, участки XLIX-XLVI/47-50, уровень фиксации – «-1.50 м» от условного «0»; 2 – дополнительный разрез № 1, участки XLIX-XLVI/47-49, юго-восточная стенка. Чертеж. М 1:50

Характеристики деревянных конструкций (колья) и их фрагментов

№	Начальная глубина	Конечная глубина	№	Начальная глубина	Конечная глубина	№	Начальная глубина	Конечная глубина
1	-2.271	-2.711	9	-2.531	-2.746	17	-2.554	-2.698
2	-2.550	-2.677	10	-2.546	-2.740	18	-2.549	-2.709
3	-2.558	-2.723	11	-2.562	-2.674	19	-2.531	-2.722
4	-2.566	-2.677	12	-2.539	-2.692	20	-2.547	-2.743
5	-2.556	-2.700	13	-2.558	-2.699	21	-2.549	-2.680
6	-2.555	-2.722	14	-2.555	-2.667	22	-2.564	-2.708
7	-2.547	-2.697	15	-2.560	-2.667	23	-2.556	-2.705
8	-2.553	-2.756	16	-2.559	-2.692	24	-2.534	-2.700

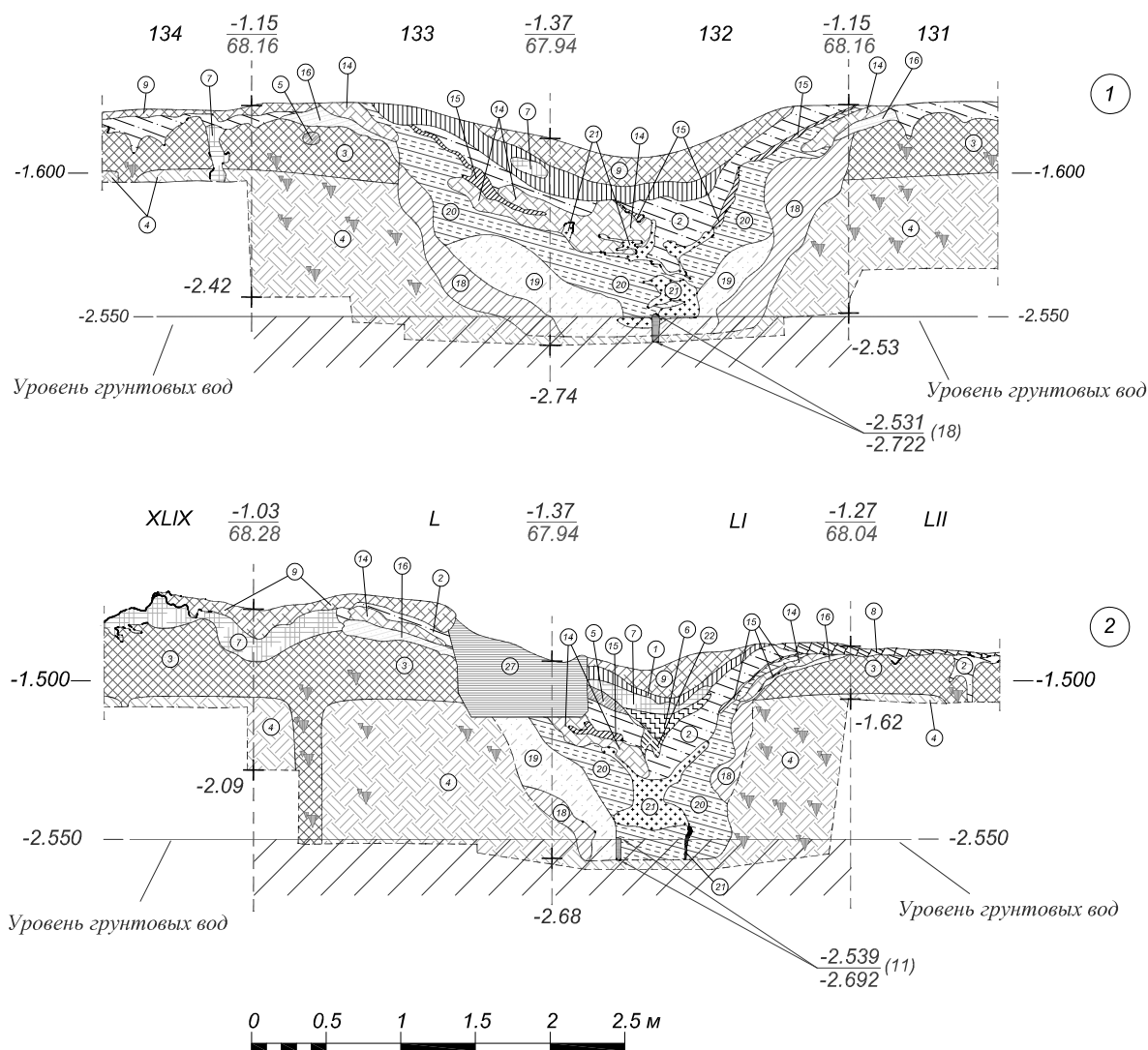
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

	- горизонт почвообразующей породы		- серый песок с линзами и прослойками бело-серого, темно-серого, жёлтого, серо-коричневого цвета
	- серо-коричневый песок с прослойками и линзами белого, светло-серого и жёлтого цвета		- уголь, углистые прослойки
	- крупномешанный серый песок с пятнами серо-коричневого и жёлто-коричневого цвета		- деревянные конструкции и их фрагменты

Рис. 7. Группа впадин Самсоновское 12. Раскоп № 1. Планиграфия. Участки L-LI/132-133. Уровень фиксации – «-2.55 м» от условного «0». Чертеж. М 1:20

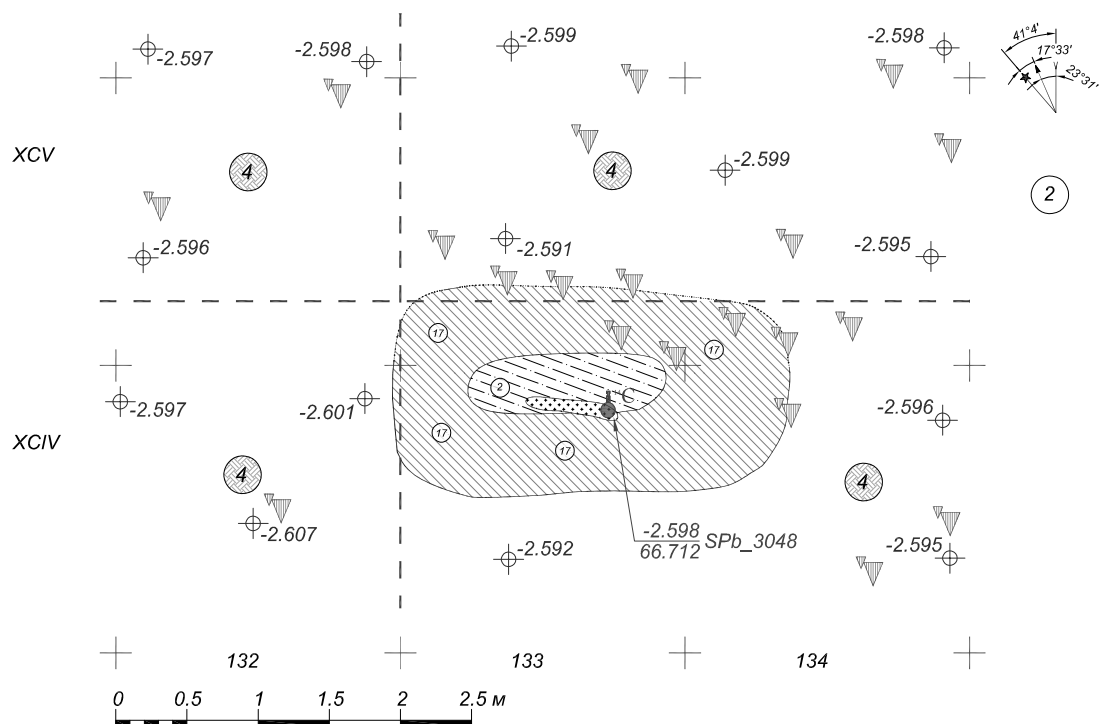
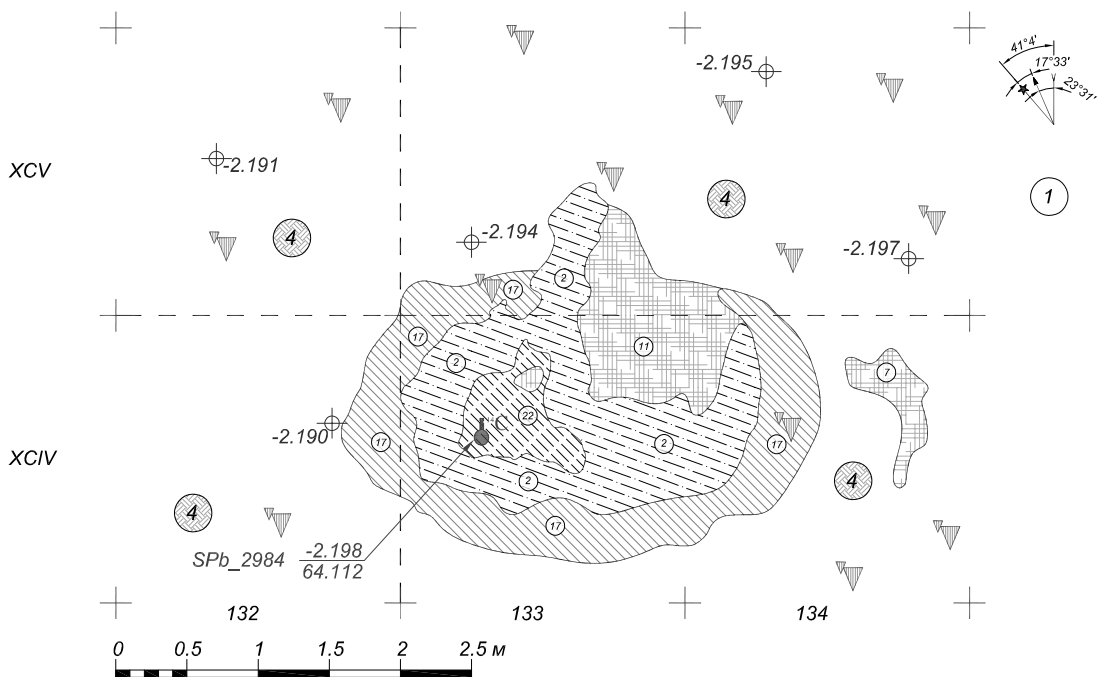
Рис. 8. Группа впадин Самсоновское 12. Раскоп № 1. Сооружение № 1: 1 – уровень фиксации «-2,55 м» от условного «0», вид с юго-востока; 2 – деревянные конструкции – «in situ», вид с северо-востока

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

	- элювиальный (подзолистый) горизонт		- материковый выкид
	- иллювиально-железистый горизонт		- древняя (погребённая) поверхность
	- горизонт почвообразующей породы		- древний (погребённый) подзол
	- корни, пни		- серо-коричневый песок с прослойками и линзами белого, светло-серого и жёлтого цвета
	- истлевшая древесина (труха)		- крупномешанный серый песок с пятнами серо-коричневого и жёлто-коричневого цвета
	- почвенные слои повреждённые корневой системой деревьев		- серый песок с линзами и прослойками бело-серого, темно-серого, жёлтого, серо-коричневого цвета
	- автозёмщик/зимник		- уголь, углистые прослойки
	- вал корчевания, навал (перемолженный слой)		- рекультивированный стратиграфический разрез

Рис. 9. Группа впадин Самсоновское 12. Раскоп № 1: 1 – южная стенка участков LI/134-131; 2 – западная стенка участков XLIX-LII/133. Чертеж. М 1:50

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

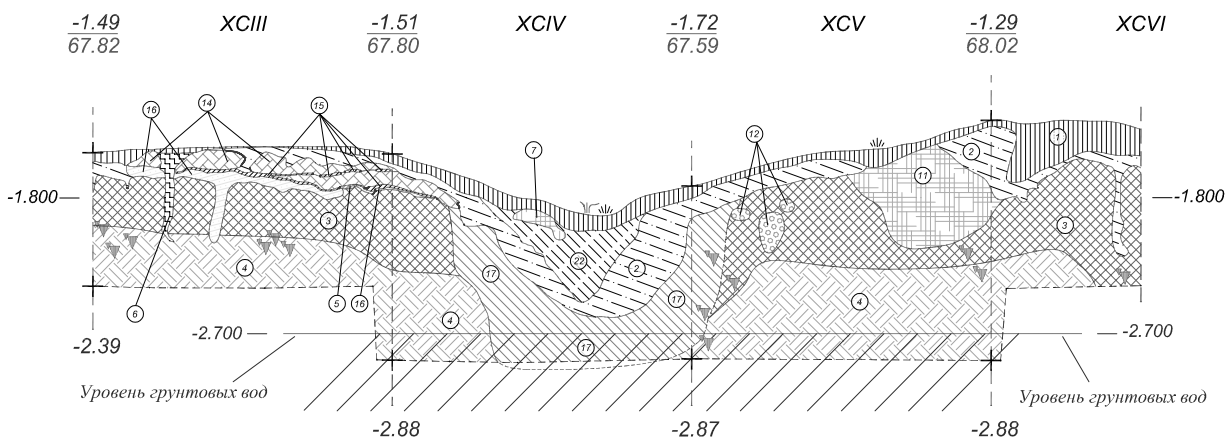
	- эллиптический (подзолистый) горизонт		- желто-коричневый песок с прослойками и линзами светлосерого, серого и серо-желтого цвета, отдельными углистыми фракциями
	- горизонт почвообразующей породы		- уголь, углистые прослойки
	- почвенные слои повреждённые корневой системой деревьев		- серый песок с высоким содержанием угольков и углистых прослоек, реже с фрагментами истлевшей древесины
	- выворотень (перетолженный слой)		

Рис. 10. Группа впадин Самсоновское 13. Раскоп № 1. Планиграфия: 1 – участки XCVI-XCVI/131-134, уровень фиксации – «-2.20 м» от условного «0»; 2 – участки XCVI-XCVI/132-134, уровень фиксации – «-2.60 м» от условного «0». Чертеж. М 1:50

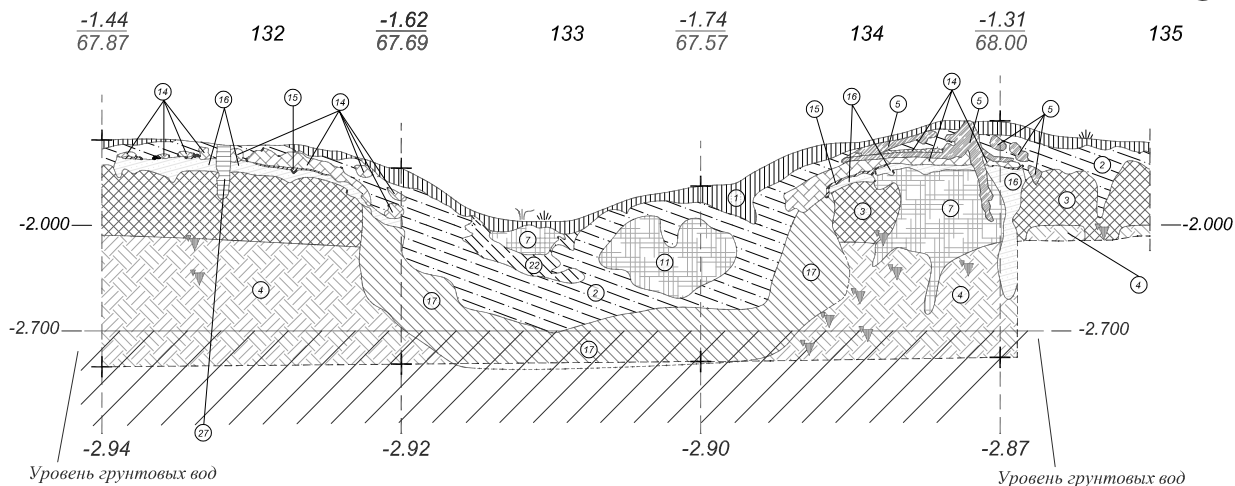

Рис. 11. Группа впадин Самсоновское 13. Раскоп № 1. Сооружение № 1: 1 – уровень фиксации «-2.60 м» от условного «0», вид с юго-востока; 2 – Северная стенка участков XCIV/131-135, уровень фиксации «-2.70 м» от уровня условного «0», вид с юга

1

2

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

	- напочвенный покров		- поры (переотложенный слой)
	- элювиальный (подзолистый) горизонт		- материковый выкид
	- иллювиально-железистый горизонт		- древняя (погребённая) поверхность
	- горизонт почвообразующей породы		- древний (погребённый) подзол
	- истлевшая древесина (труха)		- желто-коричневый песок с прослойками и линзами светло-серого, серого и серо-желтого цвета, отдельными углистыми фракциями
	- корни, пни		- серый песок с высоким содержанием угольков и углистых прослоек, реже с фрагментами истлевшей древесины
	- почвенные слои повреждённые корневой системой деревьев		- рекреированный стратиграфический разрез
	- выворотень (переотложенный слой)		

Рис. 12. Группа впадин Самсоновское 13. Раскоп № 1: 1 – западная стенка участков XCII-XCVI/133; 2 – северная стенка участков XCIV/131-135. Чертеж. М 1:50

УДК 902/904(571.122)+398(=511.142)
DOI 10.34822/2312-377X-2020-1-29-43

Гайдакова З. Г., Гаевская В. В.
Gaidakova Z. G., Gaevskaia V. V.

**СВЯЩЕННАЯ КЕДРОВАЯ РОЩА IV–XX вв.: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И БЫТОВАНИЕ
ОБРАЗА МЕДВЕДЯ В РЕЛИГИИ САЛЫМСКИХ ХАНТЫ**

**SVYASHCHENNAYA KEDROVAYA ROSHCHA IN THE 4th–20th CENTURIES:
THE ORIGINS AND USE OF BEAR IMAGE
IN THE BELIEFS OF THE SALYM KHANTY**

Ансамбль «Священная Кедровая Роща», расположенный на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, включает несколько разновременных объектов: поселение Кинтусовское 13 (II–I тыс. до н. э.), могильник «Священная Кедровая Роща» (IV–VII вв.) и святилище «Сотэм-тэ-ике» (XII–XIII – сер. XX в.). В результате раскопок могильника был получен комплекс данных о происхождении и бытовании образа медведя в культуре населения Салымского края, поминальных обрядах, связанных с захоронениями, которые фиксируются с конца IV в. После прекращения функционирования могильника обрядовая деятельность возобновляется в XII–XIII вв. с появлением святилища салымских ханты «Сотэм-тэ-ике» и продолжается до середины XX в.

The Svyashchennaya Kedrovaya Roshcha (Sacred Cedar Grove) is an archaeological ensemble, located on the territory of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra. It includes several objects of different times: the Kintusovskoe 13 settlement (the 2nd–1st centuries BC), the Svyashchennaya Kedrovaya Roshcha burial ground (the 4th–7th centuries) and the Sotem-te-ike sanctuary (12th–13th – the middle of the 20th century). As a result of excavations of the burial ground, the authors investigated the origins and use of the bear image in the culture of the inhabitants of Salymsky Krai, and memorial services which have been recorded since the end of the 4th century. After the burial ground gradually had ceased to function, the ritual activity resumed only in the 12th–13th centuries with the use of the Sotem-te-iki sanctuary by the Salym Khanty and lasted till the middle of the 20th century.

Ключевые слова: поселок Салым, Священная Кедровая Роща, могильник, святилище.

Keywords: Salym settlement, Svyashchennaya Kedrovaya Roshcha (Sacred Cedar Grove), burial ground, sanctuary.

Введение. Формирование религиозных воззрений обско-угорских народов было преимущественно сферой изучения этнографической науки, поскольку изучалось на основе вербальных источников: фольклора, легенд, обрядов. Первая обобщающая работа по религии угорских народов севера Западной Сибири была написана зарубежным исследователем К. Ф. Карьялайненом и опубликована почти 100 лет назад [1]. И сейчас это издание остается единственным обобщающим трудом, построенным на обширном этнологическом материале. Позднее выходили работы отечественных исследователей, раскрывающие локальные аспекты данной проблематики, а последнее крупное исследование принадлежит этнологу, чл.-корр. РАН А. В. Головневу [2]. Специальное исследование по религии салымских ханты, основанное на анализе фольклорных, этнологических, археологических и картографических источников, только одно [3]. Узкоспециальный подход для раскрытия темы генезиса религии угорских

народов Югры можно считать практически исчерпанным, поскольку этнологические источники показывают развитие религии на примере локальных данных. Дальнейшее изучение проблемы возможно лишь в случае нахождения новых источников и их комплексного междисциплинарного анализа. В последние годы в результате археологических исследований в Югре появляются новые данные, на основании которых в рамках комплексного анализа можно воспроизвести отдельные эпизоды, связанные с генезисом формирования религиозных воззрений. В данной работе сделана попытка комплексного анализа археологических данных в контексте как новых этнографических данных, так и ранее известных, а в качестве результата предложена ретроспекция формирования религии салымских ханты.

Появление в погребальном комплексе изображений медведя в «жертвенной позе» связано с появлением культа медведя, что согласуется с мнением других исследователей по данной проблематике. По мнению Ю. В. Ширина, этот сюжет является вполне традиционным для народов Западной Сибири, поскольку в основе почитания медведя лежит единый палеосибирский мифологический пласт [4, с. 145, 217, 220]. Сами изображения медведей «в жертвенной позе» неоднократно становились предметом специальных исследований. В целом можно выделить несколько точек зрения на происхождение этого сюжета, возникшего одновременно в приуральской, западносибирской и скифско-сарматской культурных общностях.

Первая точка зрения, к которой склонялись А. В. Шмидт, В. Ф. Генинг, В. А. Оборин, А. Ф. Мельничук, А. Н. Лепихин, относит появление самых ранних изображений медведя в «жертвенной позе» к периоду гляденовской культурной общности (Гляденовское, Юго-Камское костыща), то есть к началу I тыс. н. э. [5, с. 130–131]. Второй точки зрения придерживались Н. В. Фёдорова, Ю. П. Чемякин, А. М. Белавин, полагавшие, что изображение медведя в «жертвенной позе» появляется на рубеже эр (III в. до н. э. – II в. н. э.) и связано с кулайским миром, затем распространяется до Прикамья, где датируется уже III–V в. н. э. [6, с. 36; 7, с. 240; 29, с. 226; 8]. Третью идею о возникновении медвежьего сюжета у кочевников и заимствовании его ананьинцами разрабатывали в своих исследованиях Е. К. Максимов, Ю. В. Ширин и Ф. И. Мец. На связь прикамского искусства со скифским и савроматским указывала в своей монографии «История населения Прикамья в ананьинскую эпоху» и А. В. Збруева [9]. В своих работах Ф. И. Мец объясняет проникновение в Западную Сибирь сюжета «медведь в жертвенной позе» из кочевнической среды, где он возник как атрибут воинской (вождистской) идеологии в IV в. до н. э., а также связью его с «фракийской модой на украшение парадных конских уборов» [10, с. 129–132]. Необходимо отметить, что во всех перечисленных работах анализируются ранее опубликованные материалы.

Настоящая работа посвящена вводу в научный оборот бронзовых изделий с изображением медведя в «жертвенной позе» в результате археологического исследования ансамбля «Священная Кедровая Роща»¹ в 2013–2019 гг., а также их анализу и соотнесению с этнографическими данными по религии салымских ханты. Сам ансамбль расположен на восточном берегу озера Сырковый Сор, к западу от северной части жилой застройки поселка Салым, в 180 км южнее районного центра – г. Нефтеюганска Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (рис. 1; 2 – 1).

История изучения. Первое исследование на берегу озера Сырковый Сор было проведено сотрудниками Тобольского губернского музея Р. Л. Шульцем и Б. Н. Городковым в 1911 г. во время экспедиции по р. Большой Салым [11]. Современное архео-

¹ Ансамбль «Священная Кедровая Роща» внесен в «Список выявленных объектов культурного наследия» за № 5234 приказом Службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО-Югры № 109-ПП от 25.10.2016. Данный ансамбль состоит из разновременных объектов археологического наследия – поселения Кинтусовское 13 (II–I тыс. до н. э.), могильника «Священная Кедровая Роща» (IV–VII вв.) и святилища «Сотэм-тэ-ике» (XII–XIII – сер. XX в.).

логическое изучение территории пос. Салым и его окрестностей началось в 1978 г. под руководством В. И. Семеновой, описавшей четыре городища на юго-восточном берегу оз. Сырковый Сор, получивших название Кинтусовское I, II, III, IV [12]. Ансамбль «Священная Кедровая Роща» был выявлен в 1993 г. в результате археологической разведки под руководством В. А. Арефьева [13]. А в 2007 г. проводилось дополнительное обследование в рамках проекта создания охранных зон объектов культурного наследия в поселке Салым, в результате которого были определены границы памятного места «Священная Кедровая Роща» [14].

Перед началом стационарного исследования ансамбля «Священная Кедровая Роща» в 2012 г. сотрудниками АНО «Институт археологии Севера» был составлен проект мероприятий по сохранению данного объекта культурного наследия [15]. В 2013 г. были начаты стационарные исследования на ОАН «Священная Кедровая Роща» на площади 300 кв. м, была собрана коллекция предметов VII–XX вв. [16]. В 2015 г. исследования были продолжены: посредством раскопок было изучено еще 100 кв. м площади; получена коллекция, состоящая из 437 находок; впервые был исследован погребальный комплекс могильника «Священная Кедровая Роща», относящийся к зеленогорской культуре VII в. н. э., состоящий из 8 погребений² [17]. В 2016 г. в результате работ площадь исследований составила 211 кв. м, изучены 11 погребений могильника «Священная Кедровая Роща» и связанного с ними поминального комплекса³ [18]. В 2018 г. раскопки были продолжены на территории общей площадью 290 кв. м. В результате было исследовано 21 погребение, в которых зафиксированы останки 23 индивидуумов. В ходе археологических работ зафиксированы как статусные захоронения, так и погребения рядовых общинников⁴ [19]. В 2019 г. исследования были продолжены на территории общей площадью 170 кв. м. В погребальном комплексе зафиксировано и изучено 14 погребений, в которых обнаружены останки 15 индивидуумов⁵ [20].

По результатам сравнительно-типологического анализа керамические сосуды, обнаруженные на могильнике «Священная Кедровая Роща», относятся к зеленогорскому этапу (VI – нач. VII в.) [21, с. 61], или к зеленогорской археологической культуре [22, с. 48]. Следует отметить, что хронологические рамки этой культуры были основаны на периоде бытования бронзовых предметов.

В результате проведенного по 20 образцам радиоуглеродного датирования в РГПУ им. А. И. Герцена были получены калиброванные даты с периодом функционирования – кон. IV – рубеж VII–VIII вв.

Помимо самих захоронений был также зафиксирован поминальный комплекс, с которым, скорее всего, связан ряд предметов, обнаруженных вне погребений. Следует отметить, что они были синхронны могильнику. Были обнаружены железные черешковые наконечники стрел, железный нож, керамический сосуд, пряжка, пронизь стержневидная бронзовая, птероморфные подвески и драхмы – Драхма, Хосров II Парвиз 594–595 гг. и Драхма, Хосров II Парвиз 617–618 гг. Наконечники стрел были обнаружены между

² Финансирование работ осуществлялось РГНФ в рамках грантового соглашения № 15-11-86603/15 от 22 мая 2015 г.

³ Исследования осуществлялись на основании договора на оказание услуг по теме «Стационарное археологическое изучение выявленного объекта культурного наследия ансамбля «Священная Кедровая Роща» с БУ ХМАО-Югры «Музей Природы и Человека».

⁴ Финансирование работ было консолидированным, осуществлялось за счет предоставления гранта ФГБУ «РФФИ» (договор № 18-49-860016/18 от 15.06.2018) и гранта, предоставленного Департаментом образования и молодежной политики ХМАО-Югры (договор № 07/18.0393 от 23.07.2018) и Фондом Президентских грантов по заявке № 18-2-007554.

⁵ Финансирование работ осуществлялось Фондом Президентских грантов по заявке № 18-2-007554.

могилами, воткнутыми в грунт или отдельно лежащими. По результатам сравнительно-типологического анализа данные предметы датируются сер. VI – сер. VII в., что подтверждает и нумизматический материал.

Описание предметов. За все время исследований раскопками была вскрыта площадь 1071 кв. м, на которой были обнаружены: 1351 артефакт, относящийся к поселению Кинтусовское 13 бронзового – раннего железного веков; 1085 артефактов – к поминальному и погребальному комплексу, среди которых обнаружены предметы с изображением медведя в «жертвенной позе»; 1061 артефакт – к святилищу «Сотэм-тэ-ике». Особо среди них выделяются артефакты: ложка с зооморфным декором, бляха, накладки с изображением медведя.

Накладки с изображением медведя (8 экз.) (рис. 2 – 2, 3; рис. 3 – 1, 2; погр. 31). Все найденные предметы практически идентичны: на прямоугольной основе с нешироким веревочным орнаментом по периметру натуралистично изображена голова медведя, практически полностью вписанная в площадь изделия, сверху видны обе передние лапы, лежащие по бокам морды. Уши по краям головы широко расставлены, оформлены выпуклым ободком сегментовидной формы с тремя овалами в каждом. Теменная, лобная часть и морда до кончика носа, особенности анатомии которого не показаны, – наиболее высокая часть рельефа изделия, а контур глаз узкой линзовидной формы в передней части морды выполнен в низком рельефе. Кончики лап вытянуты с четырьмя узкими заостренными пальцами. На некоторых накладках на каждой лапе видны по 3–4 поперечных выпуклых валика. Для закрепления к основе на тыльной стороне по углам – по одной небольшой загнутой пластинке. Все предметы (некоторые из них незначительно фрагментированы), выполненные в технике штамповки и имеющие размеры 5,5 × 7,9 × 0,3 см, найдены в погребении, датированном в интервале сер. VI – сер. VII в. по изотопному анализу группы рядом расположенных погребений.

Ложка с зооморфным декором (1 экз.) (рис. 3 – 5; погр. 2) – литая, размером 14,1 × 4,3 × 0,5 см, с зашлифованной внутренней поверхностью черпака и рукояти, имеющей уплощения, с изгибом при переходе к черпаку овальной формы, вытянутой по продольной оси. Зооморфное изображение медведя в «жертвенной позе» нанесено на рукоять ближе к черпаку в повышенном рельефе, а конец декорирован перлами. Артефакт найден в погребении, датированном в интервале сер. VII – нач. VIII в. по изотопному анализу.

Бляха (2 экз.) (рис. 3 – 3, 4, погр. 11) представляет выпуклое, литое из бронзы изделие прямоугольной формы с закругленными углами, размером 10,4 × 5,5 × 0,1 см. С внутренней стороны, по углам, расположены петли для крепления, а вся лицевая поверхность заполнена изображением. По краю бляха украшена кантом в виде линии «жемчужин», а в центре – три одинаковых зооморфных изображения медведя «с головой, лежащей на лапах», образующих вертикальный ряд. Глаза, уши, нос, холка, лапы зверя и контур изделия тщательно декорированы в пермском зверином стиле. Аналоги такого декора найдены на территории Томского Приобья: на Тимерязевском курганном могильнике-I [23], датированном в интервале кон. VI – нач. VII в. по нумизматическому материалу.

Обсуждение. Синхронные изображения медведя в «жертвенной позе» и иные изображения медведя, воплощенные в бронзовых изделиях, известны в Прикамье (ломоватовская культура периода VI–X вв.) [24], в Сургутском Приобье (Барсовский V могильник VI–VII вв.) [21], в Томском Приобье (Тимерязевский курганный могильник-I V–X вв.) [23]. В бронзе они продолжают бытовать до конца XI в. и локализуются на Средней и Верхней Оби и Прикамье. Но изображение медведя с головой между лап встречается и позднее, только уже вырезанное на дереве и бересте. На памятниках с мерзлым культурным слоем самое раннее изображение медведя в «жертвенной позе» зафиксировано на

деревянном гребне (рис. 6 – 1) в городище Бухта Находка XIII – начала XIV в. [25]. Также встречается изображение медведя на бересте – это так называемый «летающий медведь». Изделия с процарапанным изображением медведя, скорее всего, предназначались для ритуальных целей и были также обнаружены в Надымском городке XVI–XVIII вв. [26], Полуёвском мысовом городке XVI–XVIII вв. [27], Войкарском городке XVII–XVIII вв. [28] и на городище Березово XVI–XVIII вв. (рис. 7). Все эти изображения, несомненно, связаны с культом медведя.

Этнографические данные. В этнологической литературе почитание медведя зафиксировано у всех народов таежной зоны Сибири. Представления о медведе как божественном персонаже подробно описаны в фольклорных источниках [29]. Но для определения происхождения и бытования образа медведя в культуре населения Салымского края важны отдельные черты, связывающие фольклорный образ с археологическими артефактами. Поэтому культ медведя – это не только представление его облика, но и тотемические верования, обряды, связанные с охотой, поеданием мяса и хранением костей.

Одним из таких обрядов является «медвежий праздник» – это комплекс действий, выполняемых обычно после добычи медведя, так называемые «медвежьи поминки»: «пляски», «игрища» и т. д. Ритуал начинался в тайге около места промысла. На дереве (обязательно сосне), у тропы, делали «медвежью зарубку», изображающую медведя с головой между двух передних лап (рис. 4, рис. 5 – 1–3). Найденная зарубка, помимо практических сведений – сколько охотников и собак участвовало в охоте, какое количество медведей добыли, – вероятно, содержала определенный сакральный смысл. Подъезжая с убитым медведем к деревне, стреляли из ружья в воздух. Когда обдирали медведя, то обязательно в шкуре оставляли лапы и голову, а шкуру сворачивали таким образом, чтобы задние лапы заворачивались внутрь, а голова лежала между двумя передними лапами (рис. 5 – 4). Затем с помощью специальных дощечек окуривали помещение дома охотника, добывшего медведя, после чего шкуру вносили и расстилали на лавке в том углу, где стояли иконы, при этом передние лапы и голову клали на стол. Перед головой в особом корыте ставили угощение – самую вкусную пищу. В юртах Кинтусовых и Лемпиных, когда шкура медведя лежала на столе, возле нее ставили маленькие деревянные изображения медведя – пубе и змеи – ай-пубе. После этого варили мясо, а вечером родственники охотника и соседи собирались для чествования медведя: пили брагу, пели песни, исполняли «медвежьи пляски». Это были своеобразные пантомимы, в которых медведь изображался в разные моменты жизни: в поисках добычи, при встрече с охотником, во время ухаживания за медведицей и т. д. «Медвежьи песни», которых было до трехсот, считали особыми бирками. После окончания праздника голову медведя ставили в лабазе или в бане охотника, где его «кормили»: перед головой ставили еду в тарелке, меняя ее каждый день. Самца кормили пять дней, самку – четыре.

Имеется еще одно этнографическое свидетельство, фиксирующее использование на реке Большой Юган частей скелета медведя в ритуальных и даже магических целях. Считается, что голова и шкура этого зверя, представленные в сакральной позе (голова с поднятыми лапами), защищают души живых людей от мертвых родственников, способных унести душу живого человека в нижний мир [30, с. 130, 131]. Это согласуется с религиозными представлениями о медиативных функциях религиозно-космологической сущности медведя как посредника (привратника, охраняющего проход) между «средним» и «нижним» мирами [31, с. 15, 18]. При этом отношение к медведю как «божественному существу» было одинаковым как у ненцев, так и у ханты. Тем не менее охоту на бурого медведя, особенно в ритуальных целях, практиковали только ханты или ненцы хантыйского происхождения, к их числу относятся салымские ханты Каюковы, считающие себя Пупи-сир – «родом медведя» [32, с. 461].

Культовые ритуалы проводились и на святилищах. На территории «Священной Кедровой Рощи» изготавливали скульптуры, предназначенные для различных общинных святилищ. Каждые семь лет в «Священной Кедровой Роще» на западном берегу оз. Имн-тор (современное название – Бол. Сырковый Сор) из кедровых плах делали изображения тонха, его четырех помощников или братьев и двух жен, а также изображения медведя, змеи и юра [33]. В культовых ритуалах на святилище практиковалось как бескровное «угощение» тонхов, так и жертвоприношение животных: либо домашних, белой масти (жеребца, барана, петуха), либо добытых в лесу (медведя, лося) [2, с. 96]. На святилище «Сотем-тэ-ике» в результате археологических работ были найдены кости медведя [14].

Заключение. Таким образом, значение находок ансамбля «Священная Кедровая Роща» в определении бытования образа медведя в религии салымских ханты говорит о том, что у населения бассейна реки Салым образ медведя в «жертвенной позе» существовал с конца IV в. и продолжает существовать в традиционной культуре ханты до сих пор, изменился лишь материал, на который он был нанесен. Этот образ существовал в рамках религиозной практики, близкой к той, что зафиксирована в этнографических исследованиях. Археологические данные позволяют с определенной долей вероятности перенести этнографические данные в раннее средневековье: в конец IV в. Эта практика не была неизменной, так были зафиксированы динамические изменения в XII–XIII вв., которые выразились в трансформации погребальной и культовой обрядности.

В материалах могильника и святилища есть данные, которые требуют дальнейшего осмысления и анализа, например археологические материалы: элементы погребального костюма, изготовленного из меха медведя, и костные останки медведя на святилище. Соотнесение антропологических данных из могильника «Священная Кедровая Роща» с более поздними могильниками на территории Салымского края позволят более полно представить картину возникновения, развития религиозной практики, связанной с образом медведя.

Литература

1. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов : в 3 т. Пер. с нем. Н. В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 247 с.
2. Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. 600 с.
3. Визгалов Г. П., Кардаш О. В. Святилище Ай-орт-ики на реке Малый Салым: историко-этнологическое исследование // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Вып. II. Нефтеюганск ; Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2010. 216 с.
4. Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
5. Мельничук А. Ф., Лепихин А. Н. Медно-бронзовое культовое литье Гляденовского костыща и проблема соотношения гляденовских и кулайских древностей в археологии раннего железного века Евразии // Северный археологический конгресс (9–14 сент. 2002 г., г. Ханты-Мансийск) : тезисы докладов. Екатеринбург : Академкнига, 2002. С. 130–132.
6. Фёдорова Н. В. «Рогатый медведь» // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург : Аква-Пресс, 2002. С. 35–41.
7. Чемякин Ю. П. Изображения медведей на кулайских сосудах с Барсовой Горы // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург : Аква-Пресс, 2002. С. 21–29.

8. Чемякин Ю. П. Образ медведя на прямоугольных бляхах Урала и Западной Сибири // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003. С. 225–226.
9. Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии СССР. № 30. М. : [б. и.], 1952. 326 с.
10. Мец Ф. И. О возможности балканской параллели одному из сюжетов западносибирской металлопластики («медведь в жертвенной позе») // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 2. Томск ; Ханты-Мансийск, 2004. С. 125–136.
11. Шульц Л. Р. Краткое сообщение об экскурсии на реку Салым Сургутского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1913. Вып. 21.
12. Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск : Наука, 2001. 296 с.
13. Арефьев В. А. Отчет о НИР: Об археологической разведке в Нефтеюганском районе Тюменской области в районе поселка Салым, озера Сырковый Сор, в верхнем течении р. Большой Салым летом 1993 года. Т. 1, 2. Екатеринбург, 1994 // Архив НПО «СА-1». Ф. I. Д. 25.
14. Визгалов Г. П., Пальянова М. Н., Петрова Е. Н., Рогозина Л. Ю. Проект зон охраны объектов культурного наследия в поселке Салым в прибрежной зоне озера Сырковый Сор для обустройства зоны отдыха. Нефтеюганск, 2007 // Архив НПО «СА-1». Ф. I. Д. 235.
15. Липс С. А. Проект проведения работ по сохранению объекта культурного наследия с целью сохранения объекта культурного наследия «Памятное место «Священная Кедровая Роща»», расположенного в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Нефтеюганск, 2013 // Архив НПО «СА-1». Ф. IV. Д. 27.
16. Маракулин В. А. Отчет о НИР «Комплексные научно-исследовательские работы на территории объекта культурного наследия «Памятное место «Священная Кедровая Роща»». Нефтеюганск, 2015 // Архив НПО «СА-1». Ф. I. Д. 421.
17. Пономарева Т. М. Научный отчет о выполненных полевых археологических работах по теме: «Археологические раскопки объекта культурного наследия ансамбль «Священная Кедровая Роща» в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского АО – Югры летом 2015 года». Нефтеюганск, 2016 // Архив НПО «СА-1». Ф. I. Д. 475.
18. Кардаш О. В. «Археологические раскопки выявленного объекта археологического наследия «Могильник «Священная Кедровая Роща» в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2016 году» : отчет о НИР : в 2 кн. Нефтеюганск, 2016 // Архив НПО «СА-1». Ф. I. Д. 619.
19. Кардаш О. В. «Археологические раскопки выявленного объекта археологического наследия ансамбля «Священная Кедровая Роща» в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2018 году» : отчет о НИР : в 2 кн. Нефтеюганск, 2019 // Архив НПО «СА-1». Ф. I. Д. 620.
20. Гайдакова З. Г. Археологические раскопки выявленного объекта археологического наследия могильника «Священная Кедровая Роща» в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2019 году // Архив НПО «СА-1». Ф. I. Д. 609.
21. Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2012. 232 с.
22. Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу) : науч.-истор. очерки. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Тезис, 2002. С. 6–73.
23. Плетнева Л. М. Погребения IX–X вв. в Томском Приобье // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. С. 64–87.
24. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1985. 280 с.

25. Кардаш О. В. Отчет о НИР : Комплексные археологические исследования городища Бухта Находка XII–XIV вв. II этап. Нефтеюганск, 2014. 241 с. // Архив НПО «СА-1». Ф. I. Д. 25.
26. Кардаш О. В. Надымский городок князей Большой Карачеи (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура). Екатеринбург ; Салехард : Магеллан, 2013. 360 с.
27. Кардаш О. В. Полуийский мысовой городок князей Тайшиных (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура) Екатеринбург ; Салехард : Магеллан, 2013. 380 с.
28. Новиков А. В. Отчет об археологических раскопках на территории объекта культурного наследия федерального значения «Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок)» в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа в 2016 году (по открытому листу № 1164, сроком действия с 18.07.2016 по 31.08.2016): в 3-х томах. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2017.
29. Легенды и сказки хантов / Записи, введ. и примеч. В. М. Кулемзина, Н. В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. 216 с.
30. Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. 192 с.
31. Шмидт Е. А. Традиционное мировоззрение северных обских угров по материалам культа медведя : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. 18 с.
32. Салымский край. Екатеринбург : Тезис, 2000. 344 с.
33. Шульц Л. Р. Салымские остяки (Из материалов к этнографии южных остяков) // Записки Тюменского общества научного изучения местного края. 1924. Вып. 1.

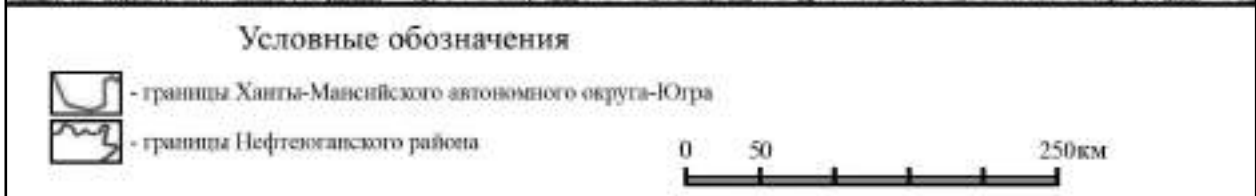
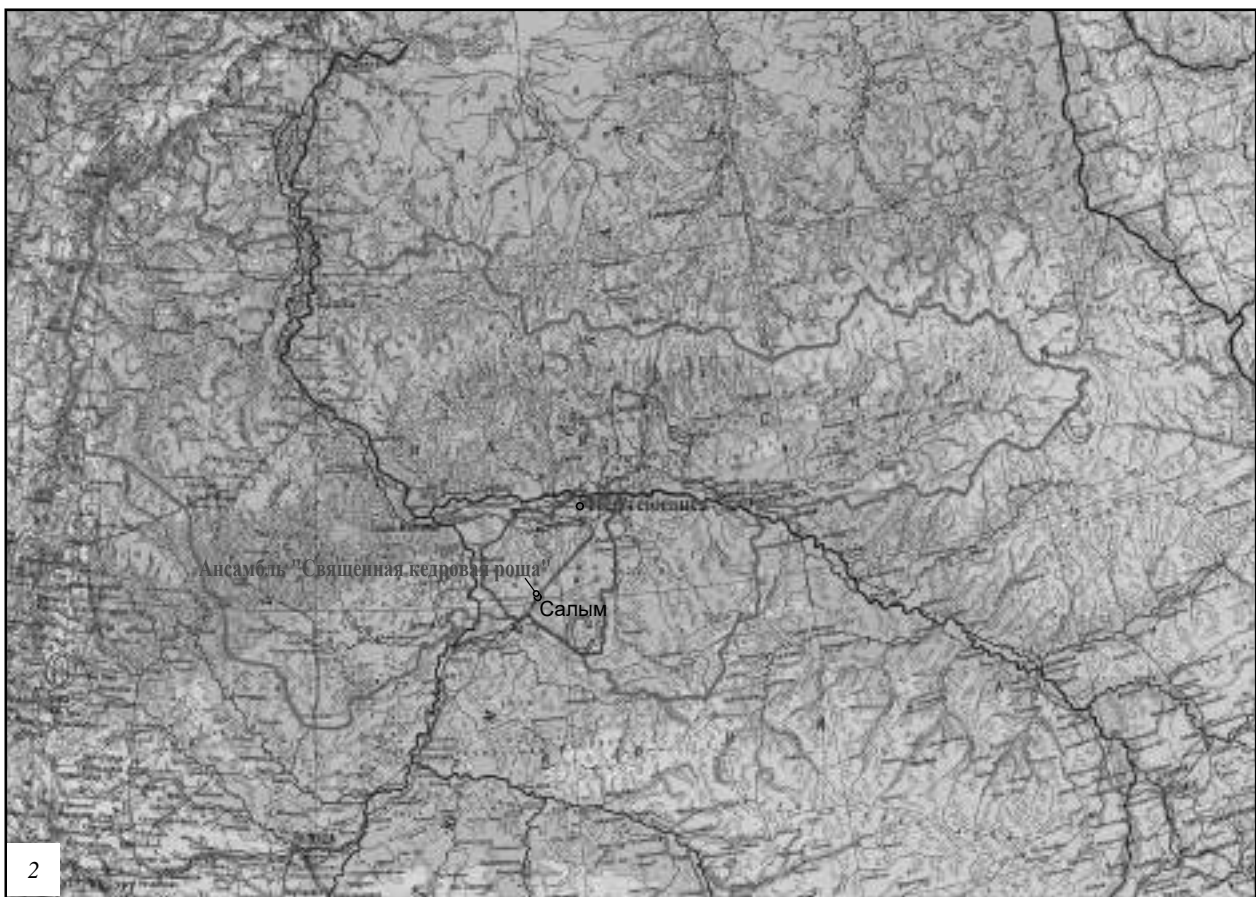

Рис. 1. Ханты-Мансийский АО – Югра, Нефтеюганский район. Ансамбль «Священная Кедровая Роща»: 1 – обзорная схема расположения в границах РФ; 2 – обзорная схема расположения в границах ХМАО-Югры, Нефтеюганского района

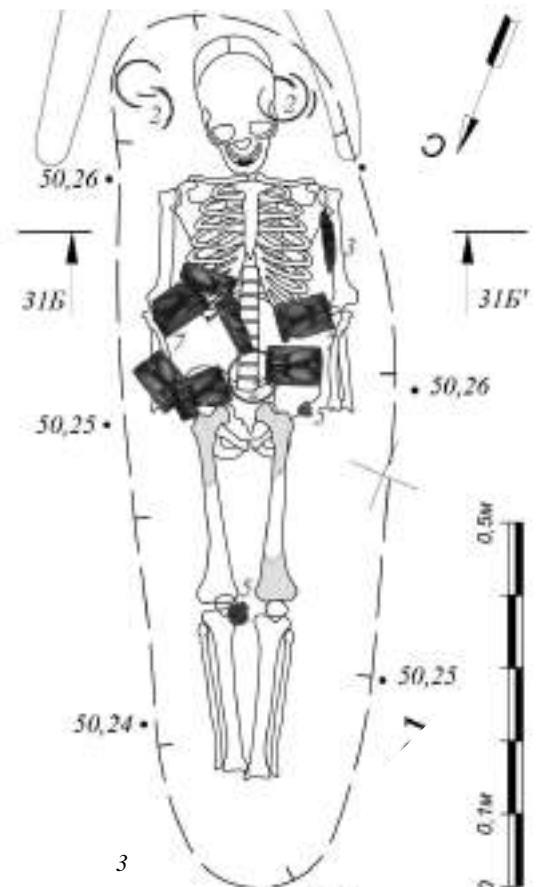

Рис. 2. Ханты-Мансийский АО – Югра, Нефтеюганский район. Ансамбль «Священная Кедровая Роща»: 1 – вид с вертолета на восточную часть берега оз. Сыровский Сор и с.п. Салым; 2 – бронзовые накладки. Фиксация in situ; 3 – погребение 31

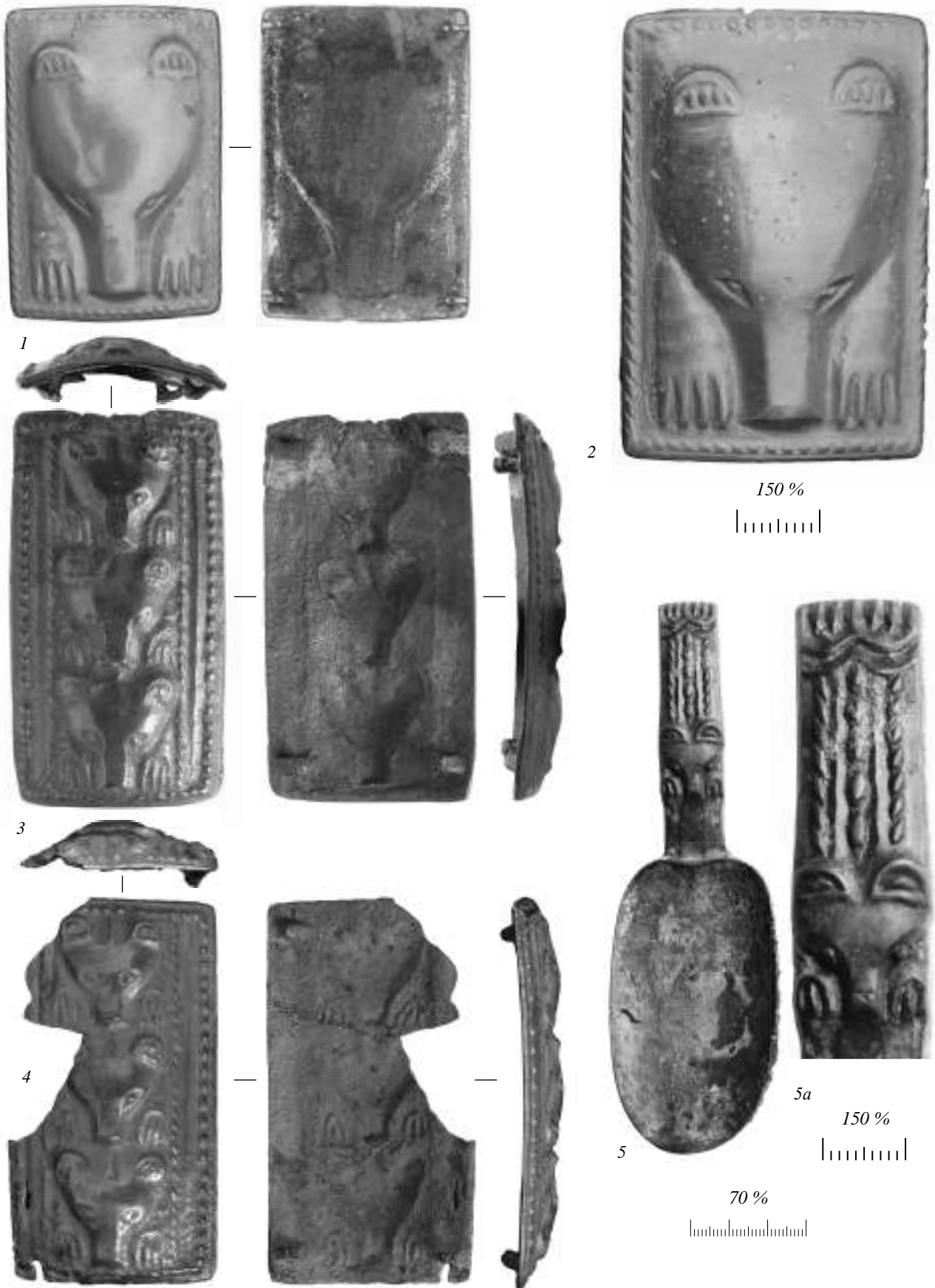

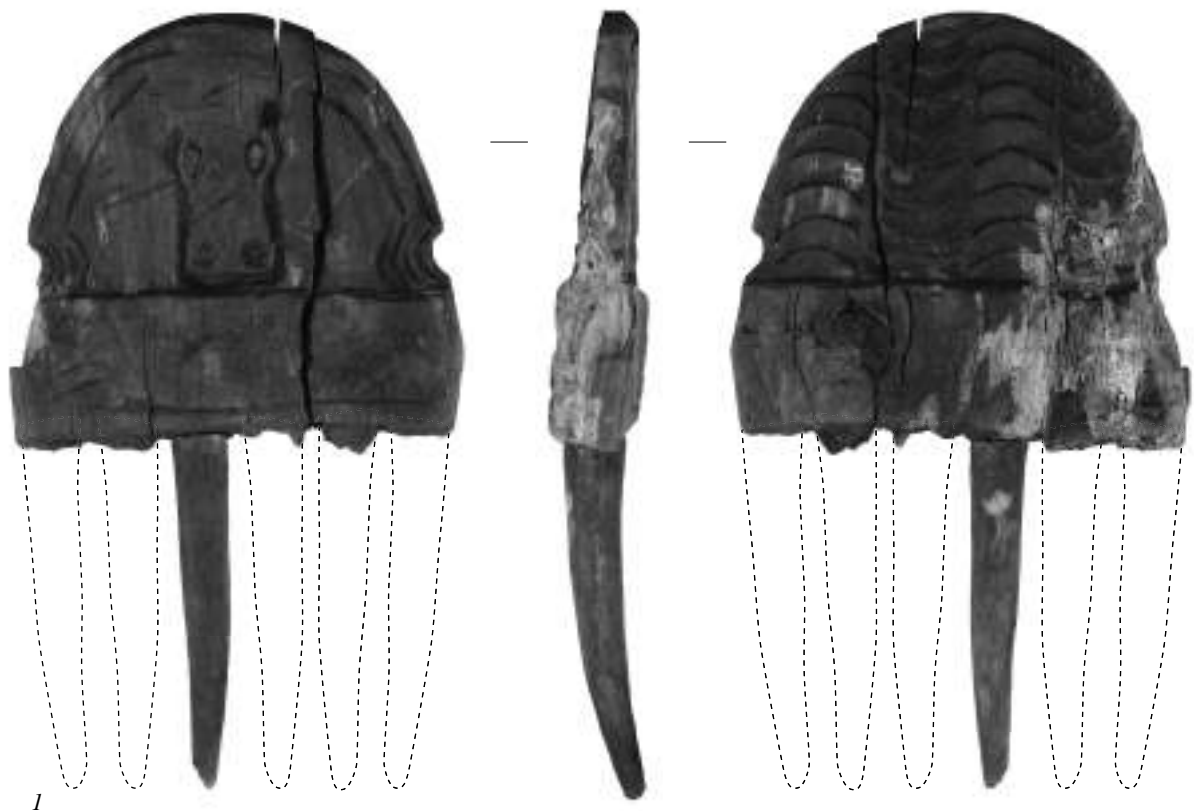
Рис. 3. Ханты-Мансийский АО – Югра, Нефтеюганский район. Могильник «Священная Кедровая Роща». Сопроводительный инвентарь: 1, 2 – ременная накладка с изображением медведя; 3, 4 – бляха с изображением медведя; 5 – ложка с изображением медведя (бронза)

Рис. 4. Ханты-Мансийский АО – Югра, Нефтеюганский район, юрты Каюковы. Зарубки на деревьях

Рис. 5. Ханты-Мансийский АО – Югра, Нефтеюганский район, юрты Каюковы: 1–3 – зарубки на деревьях; 4 – медвежья шкура в «жертвенной позе»

1

100 %

2

50 %

Рис. 6. Изображения медведей в «жертвенной позе» на деревянных изделиях: 1 – гребень (Городище Бухта Находка, Строительный горизонт XIII – нач. XIV в.); 2 – дощечка для окуривания (Надымский городок, сер. XV – кон. XVI в.)

Рис. 7. Изображения медведей в «жертвенной позе» на берестяных изделиях: 1 – куженька (городище Березово, кон. XVI – нач. XVIII в.); 2 – крышка туеса (Надымский городок, кон. XVI – нач. XVIII в.); 2а – графическая реконструкция изображения; 3 – корыто (Полуйский мысовой городок, кон. XVI – нач. XVIII в.); 4 – куженька (Войкарский городок, XVII – нач. XVIII в.); 4а, 4б – графическая реконструкция изображения

УДК 902/904(571.122)

DOI 10.34822/2312-377X-2020-1-44-61

*Кардаш О. В., Гаевская В. В.**Kardash O. V., Gaevskaia V. V.***ТЫВЬ-ЕГА-1. РЕЗУЛЬТАТЫ ОХРАННЫХ РАСКОПОК
ПОСЕЛЕНИЯ КОНЦА IV – V в.****TYV-EGA-1: RESULTS OF RESCUE EXCAVATION
FOR SETTLEMENT OF THE LATE 4th – 5th CENTURIES**

Тывь-ега-1 – археологический памятник в бассейне реки Большой Салым, притока Оби. В рамках принятой научной археологической периодизации признаки орнаментации керамических сосудов позволяют определить принадлежность поселения зеленогорскому, релкинскому и кучиминскому этапам развития культурно исторической общности населения севера Западной Сибири, а введение в научный оборот новых материалов позволяет по-иному воспринимать общепринятую периодизацию археологических эпох раннего средневековья.

Tyv-ega-1 is an archaeological site in the basin of the Bolshoy Salym river, which is a tributary of the Ob river. In the framework of the accepted scientific archaeological periodization, the signs of ceramic vessel ornamentation make it possible to determine the belonging of the settlement to three stages of the cultural and historical development of the population in the North of Western Siberia. These stages are Zelenogorsky, Relkinsky and Kuchiminsky. The introduction of new materials into scientific use allows us to perceive the generally accepted periodization of the archaeological era of the Early Middle Ages in a different way.

Ключевые слова: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Нефтеюганский район, река Обь, река Большой Салым, поселение Тывь-ега-1, раннее средневековье.

Keywords: Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra, Nefteyugansky District, the Ob river, the Bolshoy Salym river, Tyv-ega-1 settlement, the Early Middle Ages.

Введение. Археологический памятник «Поселение Тывь-ега-1» находился под угрозой разрушения в связи с реконструкцией автомобильной дороги федерального значения Тюмень – Ханты-Мансийск на участке от 785 до 794 км в месте пересечения с рекой Тывь-ега, поэтому охранные раскопки проводились по заявке Нефтеюганской региональной дирекции Дорожного департамента ХМАО-Югры летом 2002 г. В результате раскопок памятник был полностью изучен. Коллекция артефактов содержала керамическую посуду, которая объединяла признаки нескольких археологических культур эпохи раннего средневековья.

Известно, что первая периодизация средневековых археологических культур бассейна среднего и нижнего течения р. Оби была сделана в 1957 г. В. Н. Чернецовым. Следующая была выполнена археологами Уральского университета Н. В. Федоровой, А. П. Зыковым, В. М. Морозовым, Л. М. Тереховой в 1991 г. Позднее, с 2002 по 2008 г., периодизацией также занимались уральские археологи Ю. П. Чемякин, К. Г. Карачаров, в 2006 и 2012 г. – А. П. Зыков [1–6]. Но ни одна из предложенных периодизаций, даже по мнению их авторов, не является безупречной и окончательной, потому что основана на сравнительно-типологическом анализе предметов вещевого комплекса, который

не является абсолютно достоверным, так как датировки памятников не верифицированы на основе изотопного анализа ^{14}C . К тому же в основе всех концепций лежит последовательное развитие археологических культур на данной территории. Но на Крайнем Севере, например в XIX в., на одних и тех же территориях проживали и самоеды, и северные остяки, и коми-зыряне, и русские. А во всех предложенных периодизациях возможность сосуществования различных археологических культур синхронно и параллельно практически не рассматривалась.

Ряд археологических культур Западной Сибири периода раннего средневековья начал свое формирование еще в III–IV вв. в гуннскую эпоху. Сложно поделить одну культуру, которая существовала на территории Западной Сибири, в рамках европейской периодизации. Потому существует проблема хронологии периодизации археологических культур I половины – середины I тыс. н. э., а также проблема соотношения этих культур с европейской и общеевразийской периодизациями. Пока периодизацию культур I тыс. н. э. никто не рассматривал в контексте общеевропейской периодизации, поскольку существует проблема обоснования хронологии этих культур, сосуществования и последовательного развития. Однако очевидно, что многие ранние средневековые культуры Западной Сибири сформировались на рубеже гуннского времени и раннего средневековья. Это предмет дальнейшего обсуждения, и это та проблема, которую авторы хотели обозначить.

Тывь-ега-1 – единственный из памятников, имеющий радиоуглеродную датировку и материал, который в последующем может послужить для уточнения и изменения периодизации средневековья севера Западной Сибири. В этой связи цель данной публикации – введение в научный оборот результатов охранных раскопок поселения Тывь-ега-1 кон. IV – V в. и пересмотр периодизации этапов развития археологических культур в свете новых открывшихся фактов.

Задачи работы: опубликовать результаты исследования памятника, поставить проблему пересмотра этапов периодизации археологических культур.

История изучения. В результате натурного обследования на левом берегу р. Тывь-ега было открыто три археологических объекта: поселение Тывь-ега-1, поселение Тывь-ега-2 и группа ям-ловушек Тывь-ега-3 [7]. Тогда же, в 1992 г., проведено первое обследование выявленных памятников: выполнена привязка к картоматериалам в М 1:25 000, сделана глазомерная съемка каждого объекта в М 1:500 и комплекса из трех памятников в М 1:1000, осуществлена привязка археологического памятника к существующей автодороге и к проектируемой оси ее спрямления. Раскопки были проведены автором в 2002 г.

Описание памятника. Поселения на реке Тывь-ега расположены в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в 12 км к юго-востоку от пос. Лемпино на площади Салымского месторождения нефти, разрабатываемого НГДУ «Правдинскнефть», вблизи действующих объектов обустройства месторождения, в 34 км к северо-востоку от пгт Пойковский. Район раскопок был ограничен с юга Среднеобской низменностью Западно-Сибирской равнины, слева – верхним течением реки Большой Салым, справа – р. Тывь-ега шириной в среднем 12–18 м. Поселение расположено на высоком (5 м от среднегодового уреза воды или 34.0 м в балтийской системе высот) мысу коренного берега, не затопляемого даже в самые высокие паводки. Естественная растительность на поверхности мыса (сосновый бор) выгорела в результате пожара начала 90-х гг. прошлого столетия, и в момент исследования он был покрыт густой порослью березы и осины, пойма реки густо заросла ивой, тальником, и лишь по краям сохранились отдельно стоящие высокоствольные сосновые деревья [8].

В соответствии с целью полного исследования территории памятника, подлежащего разрушению в процессе строительных работ, первоначально были проведены археолого-

геодезические исследования, а раскоп был заложен так, что охватил максимально большую поверхность мыса.

Так как проведение дополнительных археолого-геодезических исследований памятника было вызвано необходимостью максимально зафиксировать особенности микрорельефа в связи с неизбежным изменением ландшафта в месте расположения памятника при проведении строительных работ, а строительная топосъемка местности недостаточна для фиксации археологического объекта, т. к. не учитывает микрорельеф местности, по которому, в частности, можно определить руины самого археологического объекта и связанные с ним особенности окружающего ландшафта, археолого-геодезические исследования были проведены в два этапа.

На первом этапе была выполнена съемка топографического плана местности общей площадью 4,5 га в М 1:500000, с сечением горизонталей 50 см, а также привязка археологического памятника к существующей автодороге и к проектируемой оси ее спрямления. За высотное обоснование было взято обоснование с точки 44 трассы изыскания участка реконструкции автодороги [8].

На втором этапе археолого-геодезических работ на археологическом объекте с его периферией был размечен раскоп и выполнена нивелировка его поверхности с интервалом 1 м. План нивелировки археологического объекта выполнен в М 1:50 с сечением горизонталей 10 см. Площадь съемки этого масштаба составила 206 кв. м. Высотное обоснование с точки 44 было перенесено ближе к раскопу, где был заложен репер с отметкой 34.43 (в балтийской системе высот). Высотные обоснования приведены в единую систему. В дальнейшем при раскопках от него производились нивелировочные отметки найденных артефактов и фиксируемых очертаний [8].

В результате проведения археолого-геодезических исследований на поверхности мыса зафиксирована яма (впадина) прямоугольной формы размером 3,5 × 4 м и глубиной 0,2–0,3 м от уровня окружавшей ее валообразной насыпи, которая более отчетливо фиксировалась с восточной и северной сторон, где ее ширина составляла не менее 1,5 м. С южной и западной сторон ширина насыпи не превышала 1 м, она была менее выражена, так как здесь начинался уклон рельефа к реке и стрелке мыса. По магнитному направлению впадина ориентирована по оси северо-запад – юго-восток и имеет склонение 16–18 градусов. С учетом этого склонения ее реальная ориентировка будет практически соответствовать оси «запад – восток». В результате съемки были зафиксированы еще две ямы, примыкающие к обваловке центральной впадины. Одна яма, округлая, диаметром 1,5 м, находилась с южной стороны, другая, овальная, размером 1 × 4 м, – с северной. На поверхности мыса на различном расстоянии от центральной впадины были зафиксированы также небольшие бугорки и ямы от выворотней. Происхождение некоторых из них до начала раскопок казалось искусственным [8].

Описание исследований. Раскоп прямоугольной формы (кв. 5–13/Д–Л) был наложен на впадину с учетом ее формы ориентировки и расширен в сторону ровной площадки мыса к северо-западу от впадины. Предполагалось, что здесь была какая-либо функциональная зона поселения. С учетом того, что раскопом нужно было охватить как можно большую площадь для максимально полного исследования памятника, а форму раскопа в виде прямоугольника не везде удавалось соблюсти из-за мешающих выворотней и больших пней, общая площадь раскопа составила 206 кв. м [8].

Сооружение. На первом уровне фиксации очертания постройки начали проявляться на отметках 33.80–33.85. На этом уровне на квадратах А–Д/4–5 были зафиксированы остатки сгоревшей стены в виде углистых полос, пятен и углей от сгоревших плах, остатки одной

такой плахи были зафиксированы на квадрате Г/4–5. Они довольно хорошо сохранились под мощным слоем насыпи, образовавшейся, скорее всего, от разрушения дерновой кровли и обкладки стен. По сохранившейся плахе можно определить структуру волокон и направление элемента строительной конструкции. Что касается других стен постройки, строительные конструкции сохранились в лучшем случае в виде скоплений крупных углей, как в южной стене. На первом уровне фиксации проявился фрагмент западной стены постройки в виде серой супеси и скопления углей. На этом же уровне фиксации на квадратах Г–Е/6–7 проявился очажный слой в виде коричневых пятен нечетких очертаний. На участках В–Г/6–7 вокруг очажных пятен проступила серая неровная прослойка – пол жилища, земляной, без какого-либо покрытия.

В целом же культурный слой в раскопе на уровне первой фиксации выглядел как перемешанный: его пестрый цвет образовали белый погребенный подзол, рыжая зона оглеивания, серая супесь пола, коричневые пятна очажного слоя, серо-желтый культурный слой. Эти пестрые пятна и выделяли постройку на фоне окружающей светло-коричневой материковой супеси [8].

На втором уровне фиксации очертания постройки отчетливее оформились на отметках 33.70–33.75. Достаточно хорошо стали различимы стены, столбовые ямы и очаг. Стало возможным в какой-либо степени определить форму и размеры постройки. Выяснилось, что постройка была наземной, т. е. без котлована. Видимость углубления создавали неровность слоя и валообразная насыпь по периметру. Особенно хорошо отсутствие какого-либо углубленного котлована было видно в стратиграфическом разрезе центральной бровки.

На квадратах Д–Е/7 находилось очажное пятно размером 1,5 × 1 м буро-коричневого цвета, насыщенное органикой и мелкой кальцинированной костью. Здесь были найдены несколько мелких фрагментов керамических сосудов и куски обожженной глины. Судя по стратиграфическому разрезу, очаг толщиной 10–15 см располагался непосредственно на полу, под ним находился слой прокаленной супеси.

Внутри периметра постройки было зафиксировано 6 ям от столбов, которые, очевидно, являлись опорными элементами каркасно-столбовой конструкции исследованного жилища. Столбовые ямки стали видны только на уровне материка, т. к. заполнение их по цвету не отличалось от заполнения культурного слоя.

Столбовая яма № 1 зафиксирована на границе квадратов В–Г/5–6. Наиболее четко очертания проявились на уровне 33.68. В плане и в профиле ямка округлая, диаметром 40 см, в центре более насыщена углем и уменьшена до 30 см. Видимо, именно этот диаметр отражает ширину стоявшего в яме столба (ствола).

Столбовая яма № 2 находилась на участке Ж/5–6 и была зафиксирована на уровне 33.73. В плане яма почти округлая, размером 48 × 45 см, в разрезе ее основание плоское.

Столбовая яма № 3 почти круглая, размером 35 × 36 см, зафиксирована на уровне 33.78 на участке Ж/8.

Столбовая яма № 4 диаметром 32 см была расположена на участке Г/9 и зафиксирована на уровне 33.72.

Столбовая яма № 5 круглая в плане и в профиле, диаметром 28 см, зафиксирована на уровне 33.73 на участке Г/4.

Яма № 6, зафиксированная на квадратах Е–Ж/4–5 на уровне 33.70, отличается от столбовых значительно большими размерами. В плане это вытянутый овал 50 × 30 см, подзольный затек по окружности еще увеличивает размеры ямы. Однозначно связать ее назначение с функцией столбовой нельзя из-за неправильного профиля. Возможно, это была ямка естественного происхождения, заполненная для нивелировки поверхности.

Даже учитывая то, что диаметр столбов был меньше, чем диаметр столбовых ям, столбы были довольно мощными, хотя и не очень высокими, т. к. все они незначительно углублены в землю. Мощные столбы должны были служить опорами для поддержания чего-то тяжелого, скорее всего, обложенных дерном стен.

Стены постройки, набранные из плах, реконструируются по стратиграфии и остаткам обогранных плах и очертаний. Их основание ставилось прямо на поверхность земли. Верхняя часть стен опиралась, очевидно, на какую-то поперечную балку, которую поддерживали вертикальные опорные столбы. Остатки сгоревших стен перекрывал мощный слой супеси. Скорее всего, это дерновая обкладка стен, которая обсыпалась. Она преследовала две цели: за счет давления слоя земли плахи жестко фиксировались и придавали дерну отличные гидроизоляционные свойства.

По периметру постройки под валообразной насыпью зафиксированы отдельные пятна культурного слоя, насыщенного углем. Эти пятна подстилает погребенный подзол. Скорее всего, судя также по профилю центральной бровки, подзол сохранился по периметру за счет того, что вдоль стен были нары. В центре постройки, около очага, погребенного подзола нет. Возможно, здесь он был снят вместе с дерном и использован для обкладки стен и перекрытия постройки.

Таким образом, постройка реконструируется как наземная, с каркасно-столбовой конструкцией, имеющая форму прямоугольника, вытянутого по оси запад-восток по магнитному склонению, соответствующему 16–18 градусам. Правильную форму с точными размерами постройки определить, к сожалению, не удалось, т. к. фиксация очертаний недостаточно четкая из-за отсутствия углубленного котлована. Но даже по тем очертаниям, которые сохранились, реконструируются размеры постройки по основанию стен – 5 × 6 м. К югу от постройки начинается склон мыса к реке. Именно на краю этого склона, на относительно ровной площадке была поставлена постройка без какой-либо предварительной инженерной подготовки. Наличие очага определяет функциональное назначение постройки как жилой, не имеющей четко выраженного выхода, который мог быть на востоке и обращен к реке. С этой стороны подход к реке менее обрывистый, здесь же находилась хозяйственная яма № 3, заполненная массовым скоплением остатков керамической посуды. Возможно, выход из жилища был на южной стороне дома, а внешняя яма № 5 была как-то связана с конструкцией входа. В любом случае выход не был ярко выражен и не отделен по очертаниям от стен постройки.

Внешние ямы, которые раскопаны близ жилища, связаны либо с его конструкциями (яма № 5), либо с жизнедеятельностью населения (ямы № 3, 4). Заполнение последних отличалось коричневыми пятнами, связанными с культурным слоем, а также наличием фрагментов керамической посуды.

Яма № 3 находилась на некотором удалении от жилища, на квадратах А–А'/11–13, была почти округлой в плане, размеры ее на уровне 33.90–33.91 составляли 2 × 2 м. На уровне 33.80 размеры уменьшились до 1,2 × 1,1 м. Судя по профилю, происхождение ямы естественное: возможно, небольшой ложок был использован жителями поселения. Яма до самого нижнего уровня была наполнена фрагментами керамических сосудов.

Яма № 4 зафиксирована на квадратах В–Е/11–12, примыкала к внешней стороне валообразной насыпи вытянутой прямоугольной формы и образовалась, вероятно, от вынута для подсыпки стен жилища грунта. На отметке 33.85 она не имела четких очертаний, размеры ее составляли 5,5 × 1,5 м. Более четкие очертания проявились на уровне 33.70: изменились размеры – 3,2 × 1 м, глубина от современной поверхности составила 0,6 м. Судя по коричневым затекам, связанным с культурным слоем, и находками фрагментов керамических сосудов, яма использовалась жителями в хозяйственных целях.

Яма № 5 находилась на квадратах Г–Д/2–4. Ее происхождение, скорее всего, как и ямы № 4, связано с подсыпкой стен жилища, после чего яма в хозяйственных целях не использовалась. Об этом свидетельствует отсутствие характерных пятен культурного слоя и артефактов. Размеры ямы на уровне 33.68 составляют 1,5 × 1,2 м, глубина – 0,25–0,3 м от современной поверхности.

Периферия поселения представлена значительным раскопом в северной части на большой площади за пределами жилой постройки. Культурный слой, за исключением отдельных ям, не выявлен. Находки тоже единичны и, по-видимому, случайны. Несмотря на близость к жилищу, эта территория не использовалась населением. Возможно, особенностью функционирования поселения была его сезонность и кратковременность существования.

Яма № 7, узкая, прямоугольная, шириной 0,8 м и глубиной 0,3 м от уровня современной поверхности, с плоским дном, заполненным пятнами коричневой супеси, абсолютно аналогичной содержимому *ямы № 4*, дает основание связывать ее с деятельностью жителей поселения и определить как яму хозяйственного назначения.

Ямы № 1 и 2 первоначально зафиксированы на самом верхнем уровне после снятия дерна и представляли собой одну большую яму. Но в дальнейшем, на уровне 33.90, очертания изменились и стало понятно, что ямы две. Заполнение их не отличалось от материкового слоя. Это подтвердил стратиграфический срез профиля ямы: это две ямы естественного происхождения, образованные, очевидно, от древних выворотней двух расположенных рядом деревьев. До раскопок на поверхности эти ямы не фиксировались. Остальные ямы от выворотней были очень неглубокими и после снятия дерна на уровне зачистки уже не фиксировались.

Стратиграфия стенок раскопа, кроме ямы № 7, не зафиксировала культурный слой за пределами постройки. Если он и был когда-то, то, вероятно, выщелочен подзолом ввиду своей незначительности. Стратиграфия всех стенок раскопа одинакова: дерн, подзол, переложенный материковый слой, образовавшийся от многочисленных выворотней, и материковая супесь светло-коричневого цвета. В северо-восточной и восточной стенках раскопа фиксируется переложенный материковый слой (расплывшаяся обваловка постройки), связанный со строительством жилища. Но вскрыть эти участки не было возможности из-за пней и слишком крутого склона [8].

Комплекс артефактов, собранный в процессе раскопок, состоит из 308 предметов. Из них 306 составляют фрагменты от 14 керамических сосудов. И только два предмета каменного инвентаря. Два сосуда (№ 1 и 2) реконструированы практически полностью, сосуды № 3–12 выделены по крупным или многочисленным фрагментам венчиков и стенок. В коллекции имеются также отдельные фрагменты венчиков или стенок от нереконструируемых сосудов. Выделенным сосудам присвоена индивидуальная нумерация [8].

Развал *сосуда № 1* был найден внутри постройки близ очага на границе квадратов В–Г/5–6 (уровень 33.81–33.78). Характер залегания фрагментов, последовательно и плотно примыкавших друг к другу, свидетельствует о том, что сосуд был целым и развалился только в момент разрушения постройки. Он был собран практически полностью, представляя собой круглодонный горшок с короткой выделенной шейкой: диаметр открытой горловины – 14 см, с округлым, слегка раздутым туловом диаметром 18 см, высотой 13 см и толщиной стенок от 0,3 до 0,7 см. Венчик прямой, с внешней стороны его край оформлен насечками наклонно поставленной гребенки, создающей иллюзию ребристости. Орнаментом покрыта только верхняя треть внешней поверхности сосуда, на который узор нанесен короткими оттисками гребчатого штампа. Выделяются четыре горизонтальные

орнаментальные зоны: верхняя, под горловиной, заполнена одним рядом вертикальных оттисков штампа; ниже зона состоит из четырех горизонтальных рядов отступающего гребенчатого штампа и пояса ямочных вдавлений; зона перехода к тулову украшена двумя параллельными рядами наклонно поставленных оттисков гребенчатого штампа; и заключают орнаментальную композицию удлиненные наклонные столбики этого же штампа. В целом этот сосуд как по форме, так и по орнаментальной композиции близок образцам зеленогорских комплексов.

Сосуд № 2, как и *сосуд № 1*, реконструирован практически полностью. Скопление многочисленных фрагментов венчика и стенок этого сосуда было найдено внутри постройки близ очага, на границе квадратов Д–Е/5–6 (уровень 33.79–33.83). Фрагменты лежали последовательно и плотно примыкали друг к другу. Скорее всего, этот сосуд, как и первый, был раздавлен уже при разрушении самой постройки. Параметры сосуда при реконструкции: высота – 11 см, открытая горловина диаметром 15 см и округлое тулово диаметром 18 см, толщина стенок колеблется в пределах 0,3–0,6 см. Край венчика слегка скошен внутрь. Орнаментом покрыта верхняя треть внешней поверхности. Узор расположен горизонтальными зонами. Верхняя, под краем венчика, заполнена одним горизонтальным рядом уголкового (полулунного) штампа, нанесенного методом отступания. На следующую зону, отделяющуюся от первой горизонтальным рядом отступающего гребенчатого штампа, нанесен орнамент оттисков полулунного штампа в виде коротких наклонных, как бы спускающихся от пояса ямочных вдавлений. Через два разделительных горизонтальных ряда гребенчатого штампа идет следующая орнаментальная зона, узор в которой представляет собой своеобразные фестоны подтреугольной формы с центральным столбиком, опускающимся на выпуклую часть тулова. Выполненные полулунным штампом треугольные фестоны характерны для орнаментов посуды зеленогорской археологической культуры [2, с. 132, 134].

Сосуд № 3 реконструируется по фрагментам венчика и стенок, большинство которых было найдено в скоплении керамики за пределами постройки в яме № 3 на квадратах А–А'/12–13, а отдельные фрагменты находились также внутри самой постройки и в промежутке между ней и ямой № 3. Сосуд представляет собой открытый горшок с диаметром горловины не менее 22 см, диаметром округлого тулова 26 см и толщиной стенок 0,4–0,5 см. Высота сосуда не реконструируется. Край венчика заострен и со стороны тулова украшен насечками-оттисками короткого гребенчатого штампа. Сосуд орнаментирован в верхней трети внешней поверхности узором, расположенным горизонтальными зонами. Для его нанесения использованы короткий гребенчатый и уголкового штампы. Разделительными зонами служат горизонтальные прочерченные линии – желобки. На шейке сосуда, под венчиком, узор состоит из двух горизонтальных линий, образованных оттисками полулунного штампа, ниже нанесен пояс ямочных вдавлений, под которым следует ряд вертикально поставленных оттисков гребенчатого штампа. Через прочерченный желобок следует зона, заполненная узором из наклонных оттисков полулунного штампа, затем еще желобок и горизонтальный ряд вертикально поставленного гребенчатого штампа. Орнаментальную композицию завершают свисающие фестоны – два параллельных коротких оттиска гребенчатого штампа с подтреугольным окончанием в виде стрелки, образованным тремя оттисками полулунного штампа. В целом орнаментальная схема и присутствие прочерченных желобков придают сосуду № 3 сходство с посудой кучиминской археологической культуры [2, с. 132, 136].

Сосуд № 4 представлен фрагментами венчика и стенок, найденными внутри жилой постройки, в частности в очажном слое, а также в ямах № 3 и 4 за пределами жилища.

Часть фрагментов венчика и стенок этого же сосуда была найдена при обследовании памятника еще в 1992 г. При реконструкции сосуд представляет собой открытый горшок с диаметром горловины 13 см и толщиной стенок 0,3–0,6 см. Край венчика округлый, с внешней стороны оформлен косыми насечками-оттисками короткого гребенчатого штампа, придающими краю ребристость. Внешняя поверхность сосуда покрыта узором только в верхней трети, где орнамент расположен горизонтальными зонами: под венчиком – ряд вертикальных оттисков гребенчатого штампа; сразу под ним – поясок глубоких ямочных вдавлений; ниже расположен ряд коротких наклонных оттисков гребенчатого штампа, далее, через прочерченный желобок, – длинные наклонные линии из оттисков того же штампа, и завершает композицию горизонтальный ряд вертикально поставленных коротких оттисков штампа.

Фрагменты венчиков и стенок *сосуда № 5* найдены в скоплении керамики в яме № 3 на квадратах А–А'/12–13 (уровень 34.00–33.78). Судя по осколкам, это был сосуд с диаметром горловины не менее 28 см и толщиной стенок 0,4–0,6 см. Край венчика сосуда уплощен, по внешней стороне нанесены гребенчатым штампом образующие ребристость насечки. Орнамент покрывает верхнюю треть внешней поверхности сосуда. Венчик отделен прочерченным желобком, ниже следует орнаментальная зона, заполненная двумя горизонтальными рядами вертикальных оттисков гребенчатого штампа, между которыми нанесен поясок глубоких ямочных вдавлений. Через желобок следует ряд наклонных оттисков штампа, еще желобок – и ряд коротких вертикальных оттисков. Завершают орнаментальную схему длинные вертикальные столбики, образованные отступающим полукруглым штампом.

Большая часть фрагментов венчика и стенок *сосуда № 6* находилась в скоплении керамики ямы № 3, кв. А–А'/12–13 (уровень 34.12–33.69), а несколько – в очаге жилища на кв. Д–Е/7. По фрагментам реконструируется сосуд с открытой горловиной диаметром 15 см, толщиной стенок 0,5 см. Край венчика скошен внутрь, а снаружи образует небольшой карнизик. По внешней стороне края венчика нанесены наклонные короткие насечки. Узор расположен в верхней трети внешней поверхности сосуда горизонтальными орнаментальными зонами: верхняя, под горловиной, заполнена двумя горизонтальными рядами оттисков углового штампа, затем следует поясок глубоких ямочных вдавлений, ниже – наклонные линии гребенчатого штампа, следующая через желобок зона заполнена короткими, наклонными в другую сторону оттисками того же гребенчатого штампа, и завершает композицию горизонтальный поясок оттисков отступающего углового штампа.

Сосуд № 7 реконструирован по фрагментам венчика и стенок, найденных в очаге жилища на квадрате Д–Е/7 (уровень 33.69–33.78), вблизи очага на уровне 33.80–33.81 и в промежутке между С–В углом жилища и внешней ямой № 3, на уровне 33.88. Это был сосуд с диаметром горловины не менее 12 см, округлым туловом диаметром 13,5 см и толщиной стенок от 0,4 до 0,6 см. Край венчика закруглен, с внешней стороны с насечками, образованными оттисками гребенчатого штампа, верхняя треть сосуда орнаментирована тремя горизонтальными зонами, отделенными друг от друга прочерченными желобками. Верхняя треть заполнена узором из двух рядов наклонных оттисков гребенчатого штампа, между которыми нанесен поясок глубоких ямочных вдавлений, средняя представляет собой ряд коротких вертикальных оттисков того же штампа, а нижняя заполнена длинными, редко поставленными вертикальными оттисками штампа – столбиками.

Сосуд № 8 представлен крупным фрагментом венчика, который был найден внутри жилища, на квадрате Е/6 на уровне 33.77. Диаметр горловины составляет не менее 27 см и в профиле имеет неярко выраженный поясок глубоких ямочных вдавлений. Толщина

стенки – 0,6 см, край венчика закруглен. Орнамент на сосуде выполнен оттисками полулунного штампа и штампа в виде змейки.

Сосуд № 9 реконструирован по фрагментам венчика и стенок, найденным частью в скоплении керамики в яме № 3 на квадрате А/12, уровень 33.93, а также между этой ямой и С-В углом жилища на квадратах А/9 и Г/11 на уровне 33.93 и 33.91 соответственно. Это был сосуд открытой формы с диаметром горловины не менее 18 см, толщиной стенки 0,5–0,6 см, с закругленным краем венчика. С внешней стороны в верхней ее трети сосуд украшен узорами. Горизонтально расположенные орнаментальные зоны разделены прочерченными линиями – желобками. Под самым краем венчика нанесен ряд наклонных оттисков штампа в виде змейки, прямо под которым – горизонтальный поясок отступающего гребенчатого штампа. Слабо выраженная в профиле шейка украшена разнонаправленными наклонными оттисками штампа и пояском глубоких ямочных вдавлений. Ниже зона заполнена двумя рядами оттисков уголкового штампа, еще ниже – горизонтальным пояском коротких наклонных линий гребенчатого штампа.

Сосуд № 10 представлен двумя фрагментами венчика, найденными на полу жилища, у очага на квадрате Ж/6 (уровень 33.73). Судя по фрагментам, это был сосуд с открытой горловиной диаметром 32 см, толщиной стенок 0,4–0,5 см, с плоским краем венчика. Орнаментальные зоны в верхней трети расположены горизонтально, композиция довольно простая: чередование наклонных и горизонтальных оттисков штампа, нанесенных плотно и выполненных гребенчатым штампом, за исключением пояска глубоких ямочных вдавлений под горловиной.

Два фрагмента венчика и несколько фрагментов стенок *сосуда № 11* были найдены за пределами жилой постройки на квадрате В/12 на уровне 34.10. Скорее всего, это был сосуд с открытой горловиной диаметром не менее 14 см, округлым туловом и толщиной стенок до 0,5 см. Отчетливо виден орнамент, который покрывал только верхнюю треть внешней поверхности сосуда и был выполнен оттисками гребенчатого и полулунного штампов. Орнаментальные зоны располагались горизонтально, в одной из них нанесен поясок ямочных вдавлений.

Сосуд № 12. Фрагмент венчика этого сосуда, найденный в заполнении очага на квадрате Д–Е/7 на уровне 33.69–33.82, и еще несколько фрагментов венчика и стенок от этого же сосуда были найдены в 1992 г. при первом обследовании поселения. У сосуда с открытой горловиной диаметром 15 см нанесен поясок глубоких ямочных вдавлений. Толщина стенок достигает 0,7 см, а прямой венчик с насечками по внешнему краю образует характерную ребристость. Горизонтальные орнаментальные зоны, разделенные прочерченными желобками, заполнены вертикальными или наклонными оттисками гребенчатого штампа.

Сосуд № 13 представлен единственным фрагментом венчика. Реконструировать полностью его форму сложно, восстанавливается только то, что это был сосуд с открытой горловиной диаметром не менее 19 см, толщиной стенок от 0,4 до 0,6 см, с прямым краем венчика. Орнамент на внешней поверхности расположен горизонтальными зонами и нанесен гребенчатым штампом, а под горловиной – поясок ямочных вдавлений.

В процессе раскопок внутри постройки и за ее пределами найдены единичные фрагменты еще нескольких сосудов. Форму сосудов по фрагментам реконструировать невозможно, но орнаменты и способ их нанесения типичны для всей рассмотренной выше посуды.

В целом посуда поселения Тывь-ега-1 представляет собой однородный комплекс. Это круглодонные керамические сосуды небольших размеров, с открытой горловиной диаметром от 12 до 32 см, тулово большинства из них округлое, иногда слегка раздутое, что при незначительной высоте делает их немного приплюснутыми. Сосуды либо вообще не

профилированные (как № 1 и 2, 3–5), либо слабо профилированные (№ 6, 8). Толщина стенок не превышает 0,7 см. Внешняя поверхность всех сосудов орнаментирована в верхней трети зонами, расположенными горизонтально. Узоры состоят из рядов наклонных и прямых вертикальных или горизонтальных линий, образованных различными штампами – гребенчатым, уголковым и полулунным, в редких случаях использован штамп в виде змейки (на сосудах № 8, 9). Везде в орнаментальную схему включен поясok глубоких ямочных вдавлений. Иногда он наносился уже поверх орнамента (например, на сосудах № 1 и 9). Нередки в узорах прочерченные желобки. Характерно также специфическое оформление края венчиков некоторых сосудов: венчик скошен внутрь, образуя карнизик; по краю венчика с внешней стороны сосуда нанесены насечки, придающие краю венчика своеобразную ребристость.

Культурно-хронологическая атрибуция. Вышеописанные керамические сосуды поселения Тывъ-ега-1 однозначно нельзя отнести к какому-либо одному типу раннесредневековой керамики, этапу или археологической культуре. Форма и орнаментация одновременно близки сразу нескольким типам раннесредневековой посуды, характерной, по периодизации А. П. Зыкова, для зеленогорского (VI – начало VII в.), релкинского (конец VI – VII в.) и кучиминского (VIII–IX вв. н. э.) этапов развития нижеобской культуры (Сургутского Приобья). Сочетание композиций и формы, например оформление края сосуда (карнизик с внутренней стороны, насечки с внешней), характерно для посуды зеленогорской археологической культуры [2, с. 131–134; 3, с. 46; 6, с. 61–68], а прочерченные желобки сближают сосуды с комплексами кучиминской культуры [2, с. 132, 136; 3, с. 52; 6, с. 77–87]. Более всего орнаментация и форма горшков поселения Тывъ-ега-1 соответствуют релкинскому типу сосудов, выделенному А. П. Зыковым [6, с. 68–77].

В целях уточнения хронологической принадлежности памятника в ходе полевых работ на поселении Тывъ-ега-1 было отобрано два образца из конструкций жилища. Образец 1 – квадрат Г/4, конструкция юго-западной стены; образец 2 – квадрат Б–В/6–7, конструкция северо-западной стены. Образцы прошли процедуру изотопного радиоуглеродного анализа в лаборатории СОАН. В результате этого исследования определен радиоуглеродный возраст образцов:

- СОАН-5128 Образец № 1: 2225 ± 25 лет (кон. III в. до н. э.);
- СОАН-5129 Образец № 2: 1545 ± 40 лет (сер. V в. н. э.).

Первая дата (образец № 1) явно отношения к памятнику не имеет, по-видимому, это были более древние сгоревшие деревья. Заслуживает внимания дата образца № 2: несмотря на то что дата не откалибрована, это 405 год ± 40 лет, то есть середина V в. н. э. В целом даже в широком диапазоне она позволяет датировать памятник в пределах конца IV – начала VI в. н. э. Однако по всем ныне существующим периодизациям это время карымского этапа (III–IV – начало VI в. н. э.) развития нижеобской культуры (Сургутского Приобья). Особо отметим, что сосуды поселения Тывъ-ега-1 значительно отличаются по орнаментации от карымских. Логично возникают вопросы: кто же ошибся и к какому этапу или археологической культуре отнести поселение Тывъ-ега-1?

А. П. Зыков выделил релкинский этап (конец VI–VII вв.) как группу памятников с керамической посудой, совмещающей черты орнаментации зеленогорских (VI – начало VII в.) и кучиминских (VIII–V вв.) сосудов двух указанных этапов. Возможно, он ошибся с хронологическими рамками релкинского этапа, и этот период несколько древнее, например начинается с V в.

Результаты изотопного анализа образцов поселения Тывъ-ега-1 нельзя считать в полной мере репрезентативными. Вместе с тем тот факт, что ни одна из ныне применяемых

на территории севера Западной Сибири периодизаций не имеет в своей основе репрезентативных серий радиоуглеродного датирования возраста памятников, все же позволяет говорить о необходимости пересмотра ныне существующих археологических периодизаций на основе новых данных.

Таким образом, можно оперировать хронологией V в. н. э, но уверенно отнести поселение Тывь-ега-1 к определенной археологической культуре или этапу пока нельзя.

Археозоологические материалы. Всего из очага постройки было отобрано 16 фрагментов кальцинированных костей [8]. Видовой состав по результатам анализа приведен в таблице.

Таблица

Видовой состав фаунистических остатков поселения Тывь-ега-1

№	Вид	Кол-во костей	Кол-во особей
1	Лисица	2	1
2	Соболь	4	1
3	Млекопитающие indet (размера северного оленя, лося)	10	?
	Итого	16	–

Анализ видového состава позволяет предположить, что данное поселение было сезонным охотничьим населенным пунктом, функционировавшим в зимнее время.

Заключение. В настоящее время на территории севера Западной Сибири исследовано намного больше долговременных укрепленных поселений-городищ и неукрепленных поселений вблизи городищ. Крайне редко кратковременные сезонные памятники периода раннего средневековья специально изучаются стационарными раскопками и тем более вводятся в научный оборот.

Тывь-ега-1 – это поселение, состоявшее из одного жилого строения, функционировавшего в период с конца IV по середину V в. (возможно до нач. VI в.). Судя по незначительному количеству артефактов и мощности культурного слоя, поселение существовало на протяжении небольшого промежутка времени, не более 30–40 лет. Вероятнее всего, это было сезонное – зимнее охотничье-промысловое поселение, связанное с добычей крупных копытных животных (лось, олень) и пушных видов.

Вызывает затруднение определение его культурной принадлежности в рамках общепринятой археологической периодизации. Проведенный сравнительный анализ материалов раскопок других комплексов позволяет отнести Тывь-ега-1 к зеленогорскому этапу (VI – начало VII в.) и релкинскому этапу (конец VI – VII в.) развития нижнеобской культуры населения Сургутского Приобья. Хронологическое несоответствие позволяет поставить вопрос о необходимости пересмотра археологической периодизации в дальнейшем как минимум для периода раннего средневековья на территории севера Западной Сибири.

Таким образом, раскопки поселения Тывь-ега-1 помогают расширить представления о хозяйстве и жизнедеятельности населения Западной Сибири в раннесредневековое время. Почти с уверенностью можно утверждать, что жители более крупных населенных пунктов, например, городищ, где проживали до 10–12 семей, могли вести индивидуальную (семейно-родовую) промысловую деятельность на сопредельных территориях. Сезонная охота была призвана обеспечить население пищевыми ресурсами и пушниной. Последняя могла иметь также ценность для меновой торговли.

Тывь-ега-1 – один из статистически значимых памятников, который поможет в будущем решить вопрос пересмотра и уточнения существующей периодизации этапов развития археологических культур на севере Западной Сибири.

Литература

1. Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. № 58. М. : Изд-во АН СССР, 1957. С. 136–245.
2. Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. 1991. Вып. 20. С. 126–145.
3. Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу) 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Тезис, 2002. С. 5–65.
4. Зыков А. П. Средневековье таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры : пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24-30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург ; Ханты-Мансийск : Чароид, 2006. С. 109–124.
5. Чемякин Ю. П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Сургут ; Омск : Омский дом печати, 2008. 224 с.
6. Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2012. С. 232.
7. Ивасько Л. В. Отчет об археологической разведке в зоне нефтеразработок НГДУ «Правдинскнефть» в Нефтеюганском районе Тюменской области в бассейне р. Тывъ-ега летом 1992 года. Екатеринбург, 1993. Архив МУ ЦИКН.
8. Кардаш О. В. Аварийные археологические раскопки поселения Тыв-Ега-1 в Нефтеюганском районе ХМАО летом 2002 года : отчет о НИР // Архив НПО СА. Ф. 1. Д. 77.

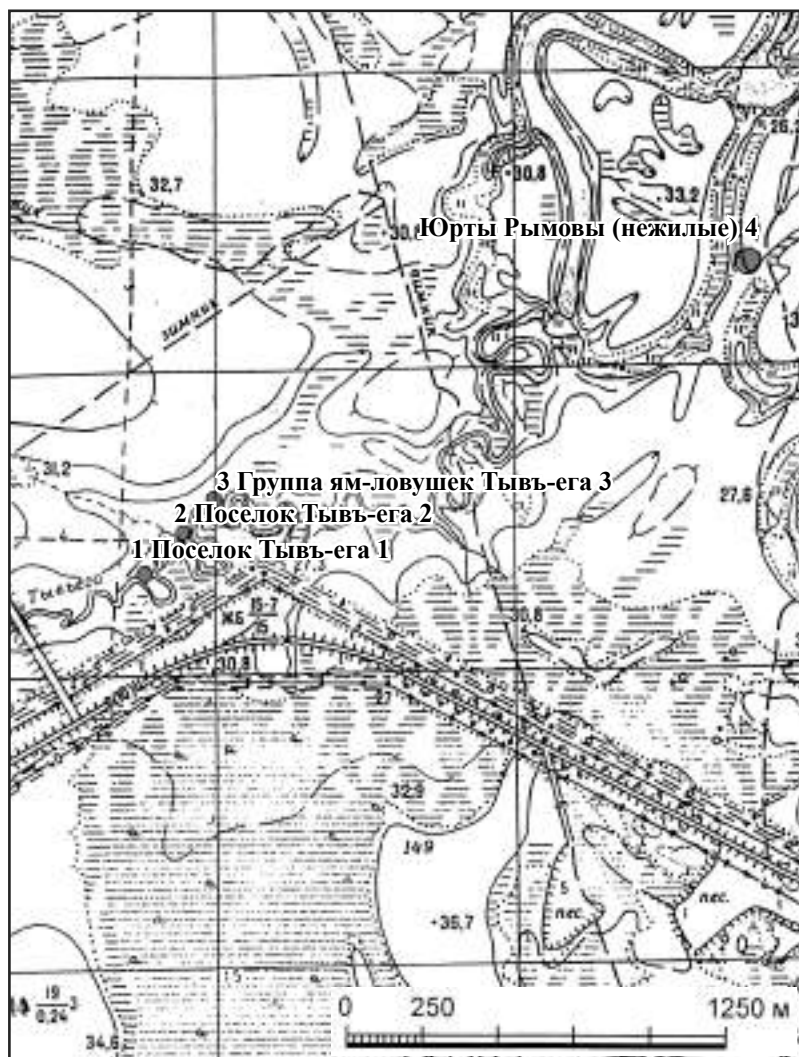

Рис. 1. Поселение Тывь-ега-1, кон. IV – V в. Топографический план памятника

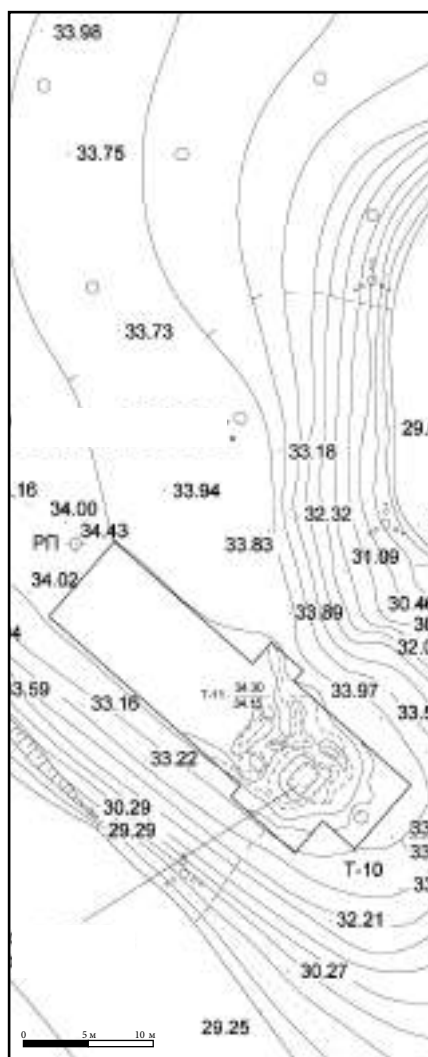

Рис. 2. Поселение Тывь-ега-1, кон. IV – V в. Топографический план памятника. М 1:500

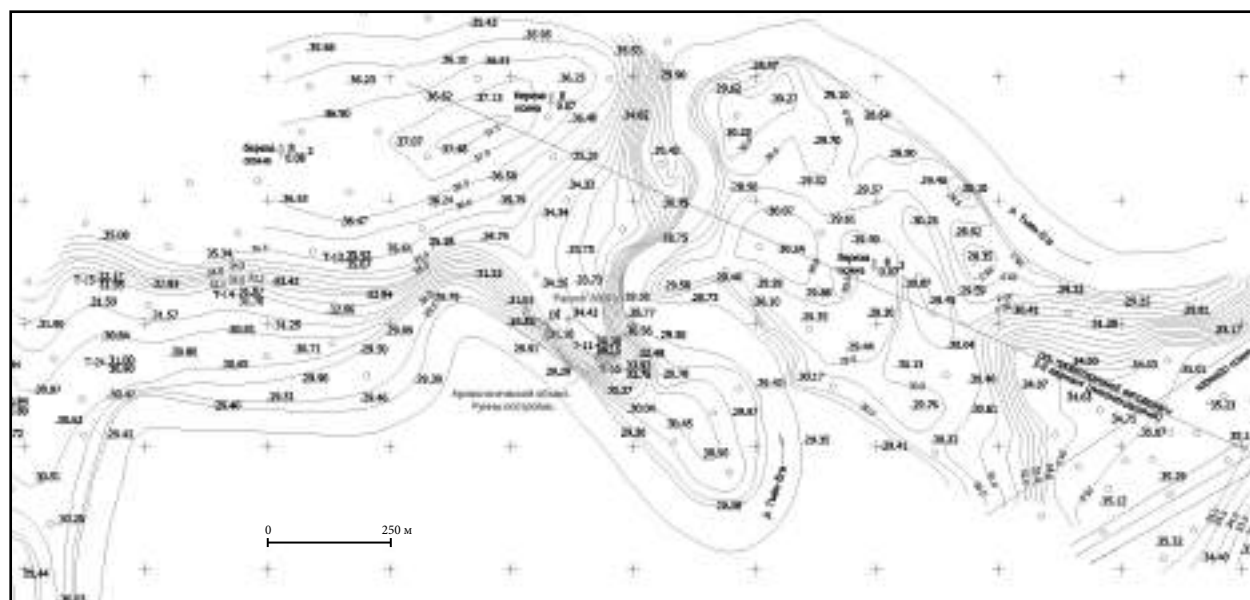

Рис. 3. Поселение Тывь-ега-1, кон. IV – V в. Ситуационный план памятника. М 1:2500

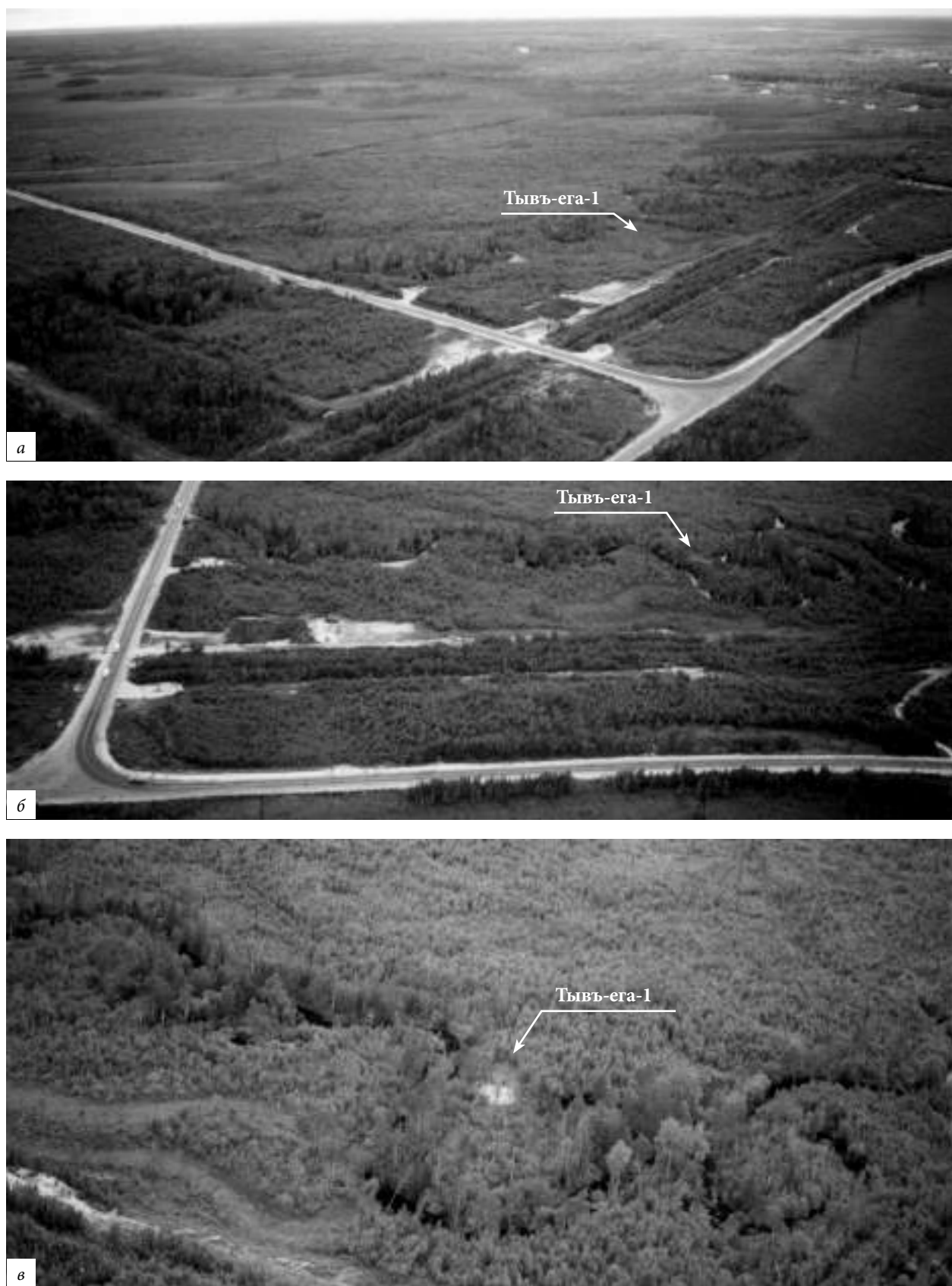
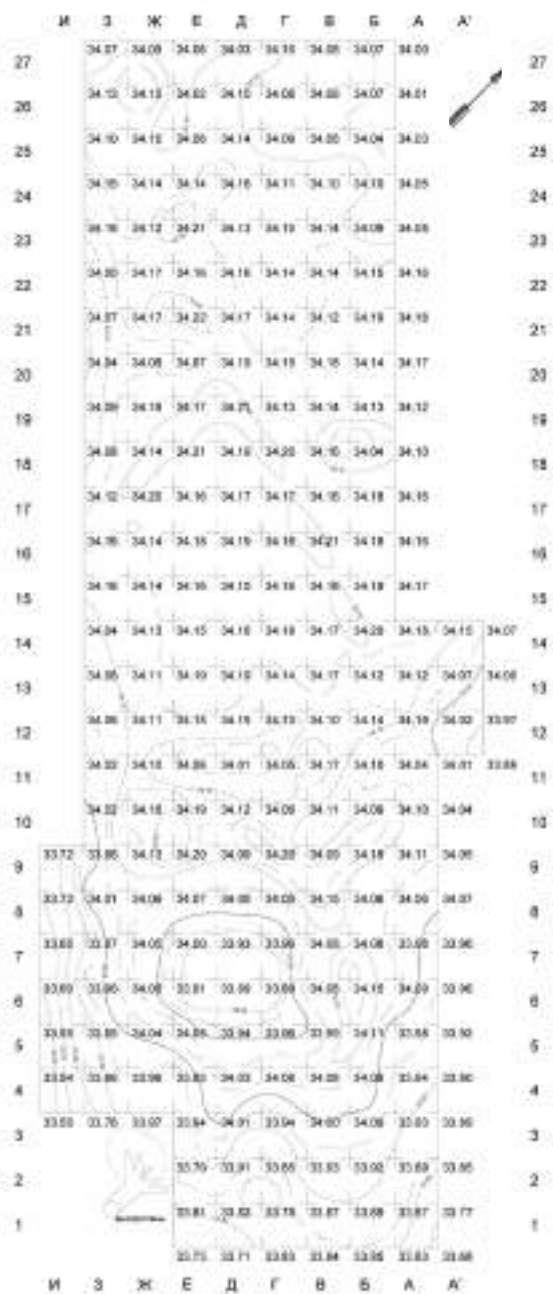

Рис. 4. Поселение Тывъ-ега-1, кон. IV – V в. Место проведения работ – участок реконструкции автодороги 785–794 км в месте пересечения с р. Тывъ-ега: *а* – вид с юга; *б* – участок реки от моста до поселения Тывъ-ега-1, вид с юго-востока; *в* – поселение Тывъ-ега-1, вид с юго-востока

Сплошные горизонталы
 проведены через 0,1 м,
 полугоризонталы - через 0,5 м

0 1 2 3 4 5 м

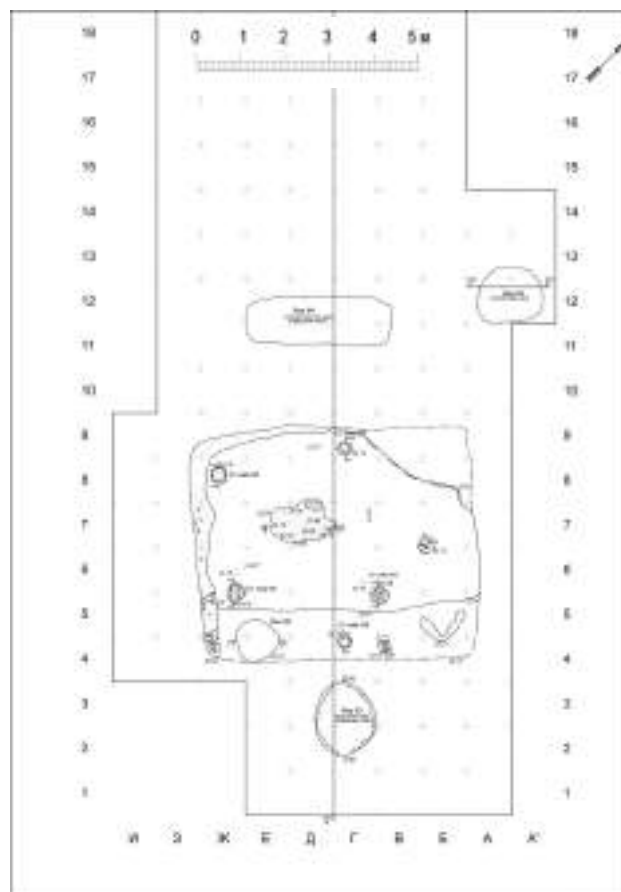

Рис. 5. Поселение Тывь-ега-1, кон. IV – V в.
 План нивелировочных отметок

Рис. 6. Поселение Тывь-ега-1, кон. IV – V в.
 План раскопа

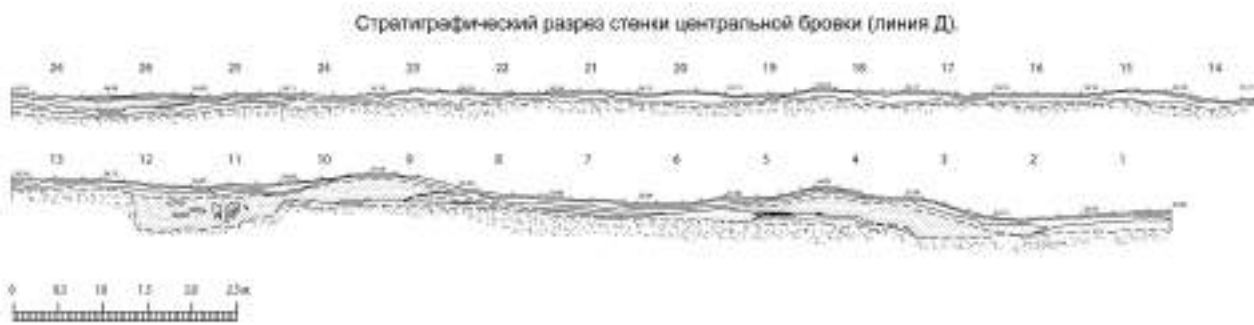

Рис. 7. Поселение Тывь-ега-1, кон. IV – V в. Стратиграфический разрез

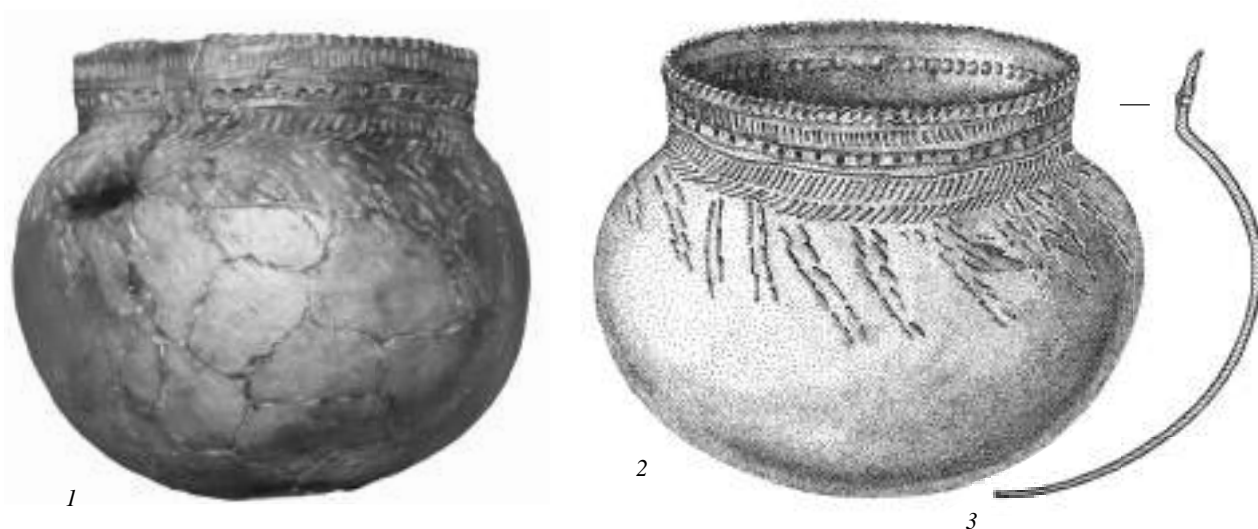

Рис. 8. Поселение Тывъ-ега-1, кон. IV – V в. Материалы раскопа: 1 – сосуд, фото; 2 – реконструкция сосуда; 3 – сечение профиля керамического сосуда

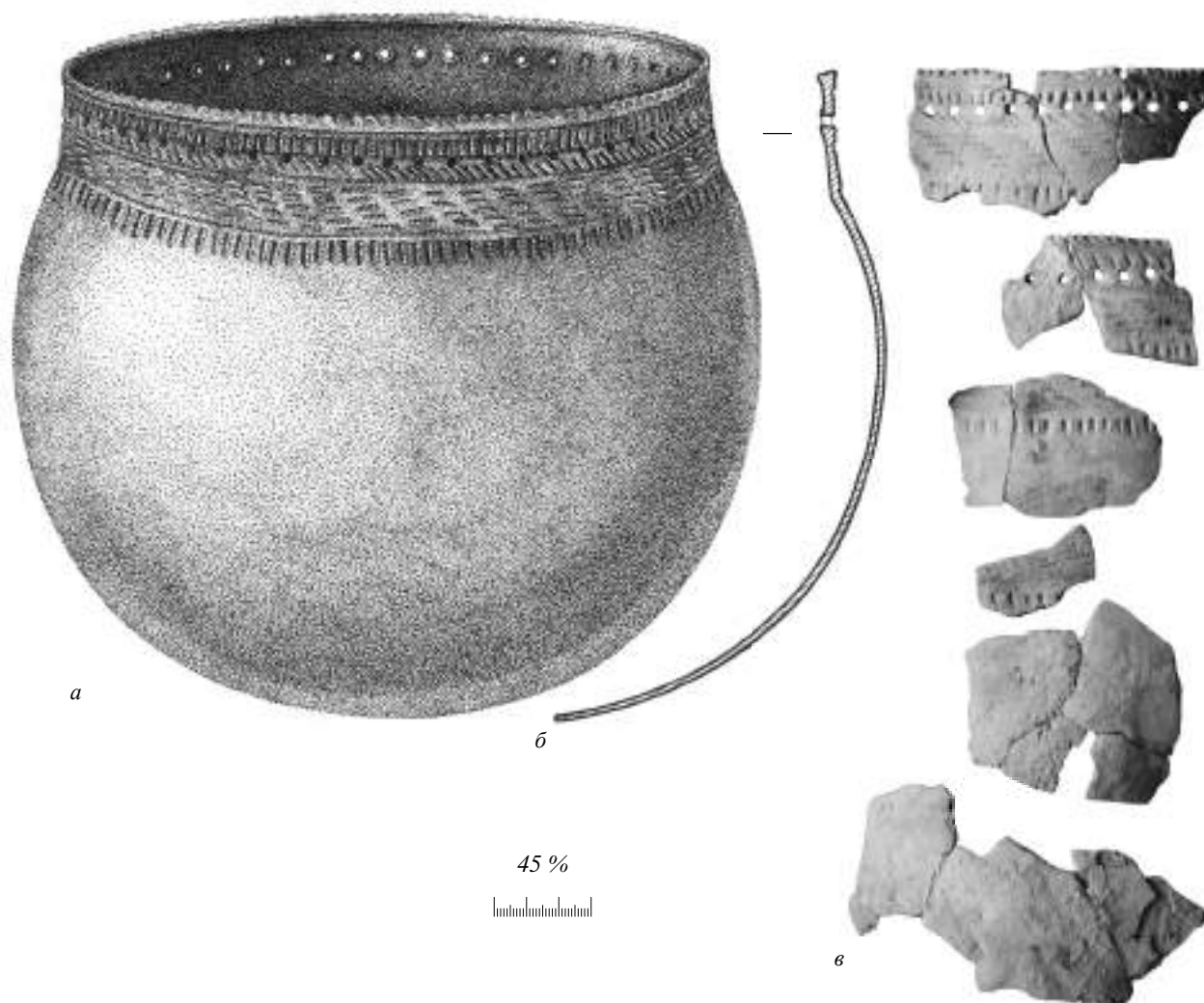

Рис. 9. Поселение Тывъ-ега-1, кон. IV – V в. Материалы раскопа: а – сосуд 4, реконструкция; б – сечение профиля керамического сосуда; в – сосуд 4, фрагменты

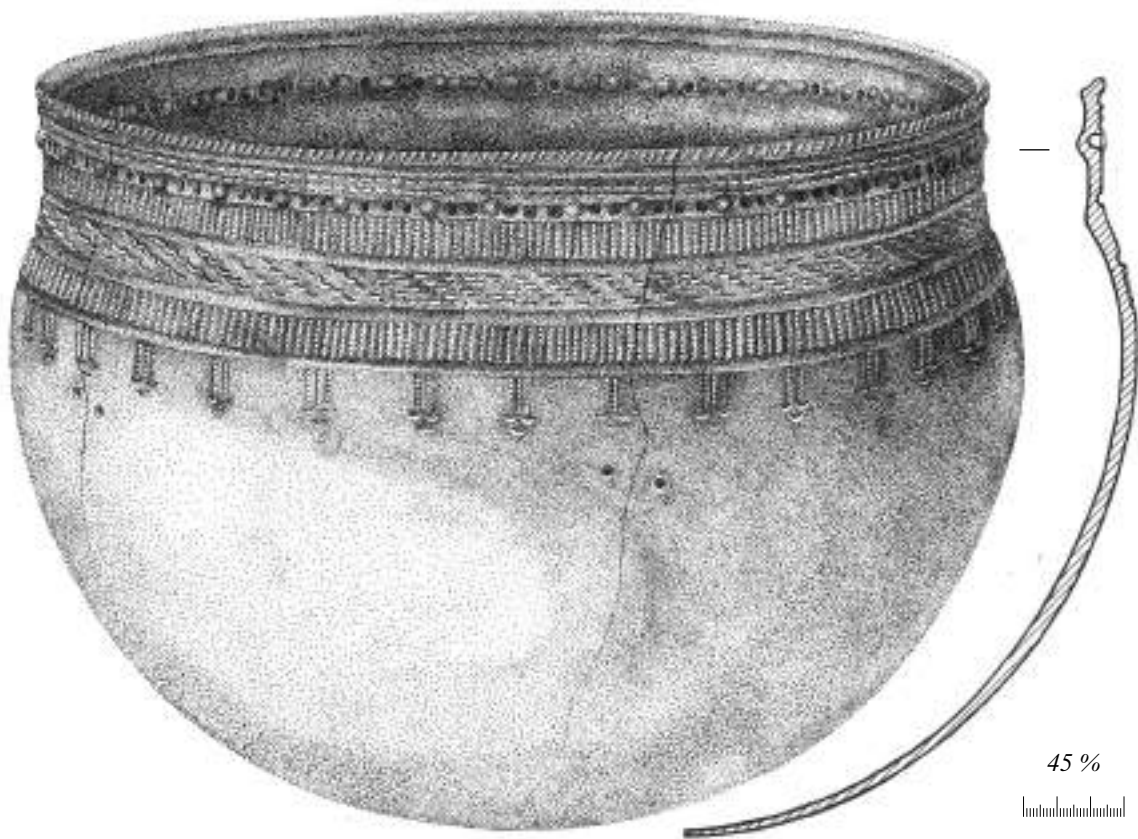

Рис. 10. Поселение Тывъ-ега-1, кон. IV – V вв. Материалы раскопа. Реконструкция сосуда

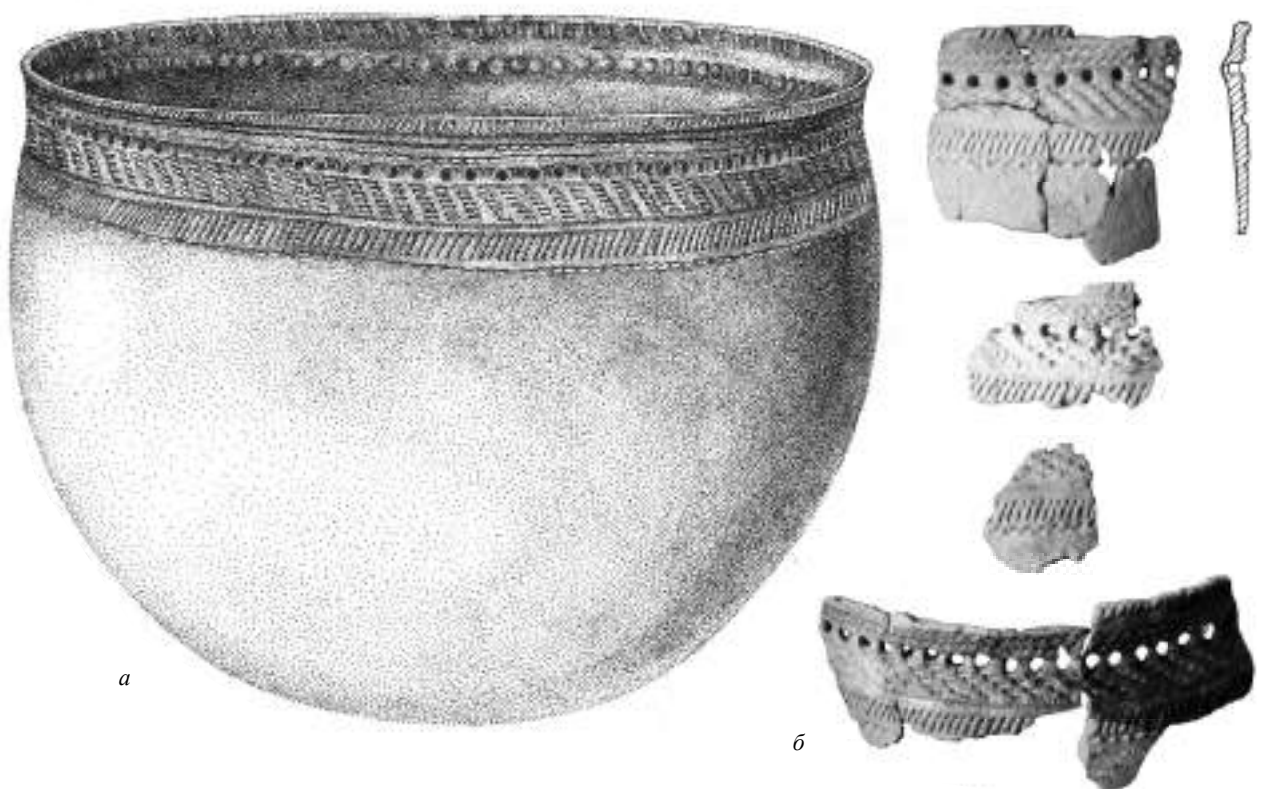

Рис. 11. Поселение Тывъ-ега-1, кон. IV – V в. Материалы раскопа: а – сосуд 6, реконструкция; б – сосуд 6, фрагменты

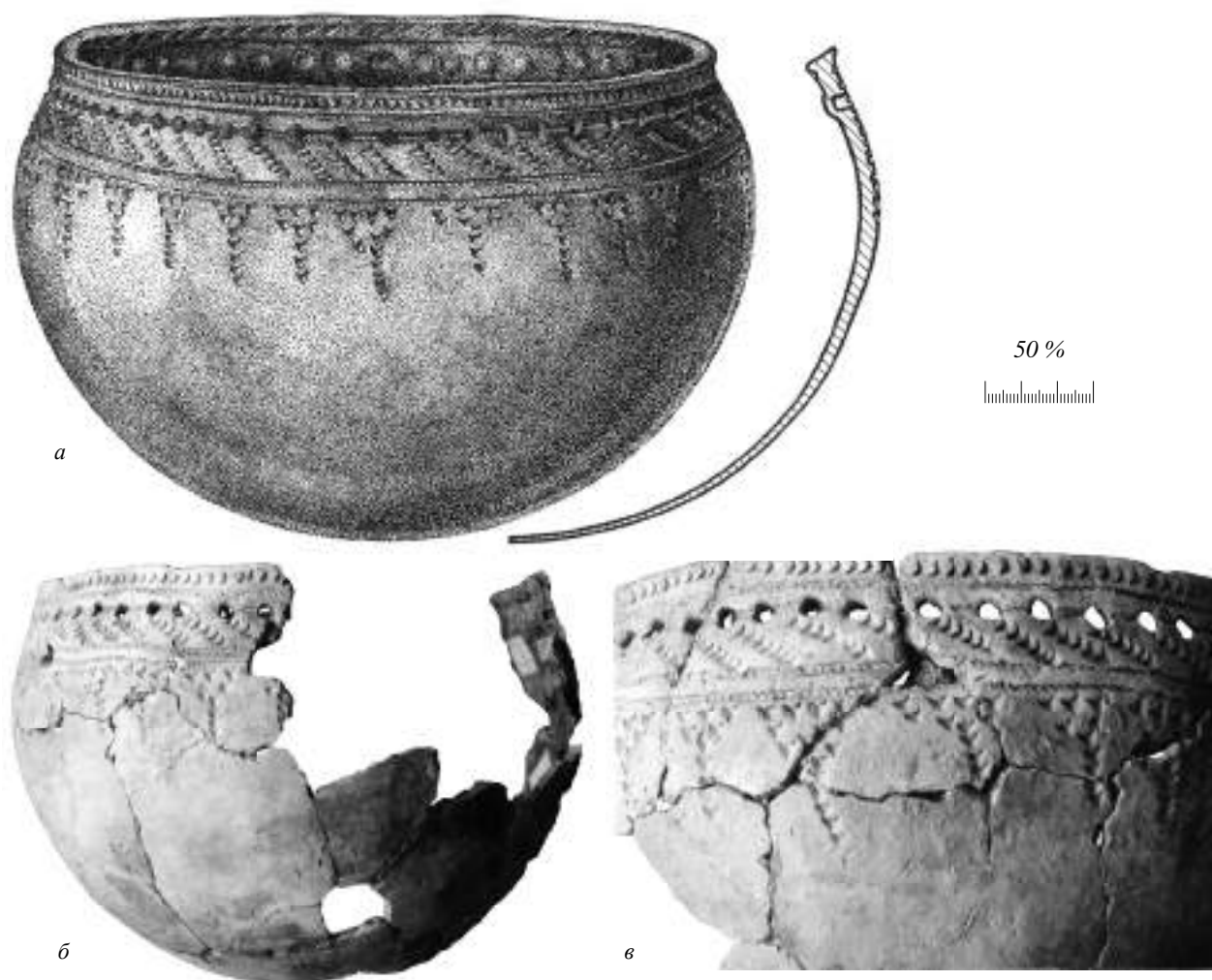

Рис. 12. Поселение Тывъ-ега-1, кон. IV – V в. Материалы раскопа: а – сосуд 2, реконструкция; б, в – развал керамического сосуда 2

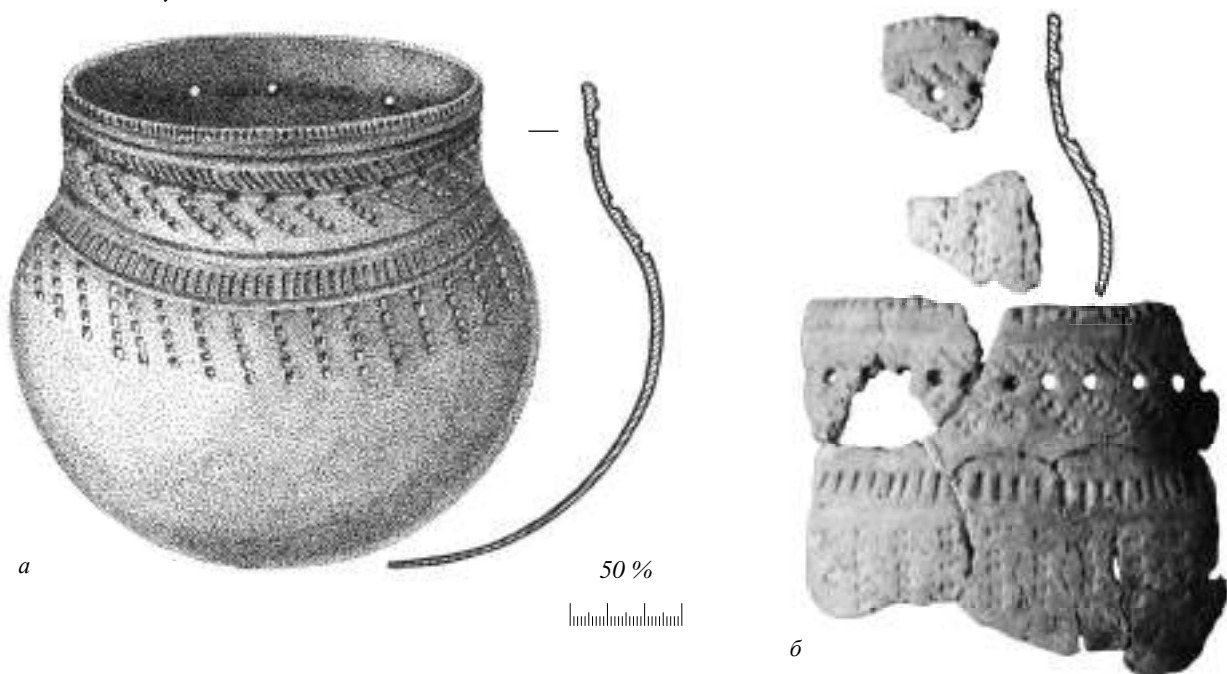

Рис. 13. Поселение Тывъ-ега-1, кон. IV – V в. Материалы раскопа: а – сосуд 7, реконструкция; б – сосуд 7, фрагменты

УДК 904:59(571.122)

DOI 10.34822/2312-377X-2020-1-62-71

Лобанова Т. В., Бачура О. П., Мартынович Н. В., Гимранов Д. О.
Lobanova T. V., Bachura O. P., Martynovich N. V., Gimranov D. O.

**ГОРОДИЩЕ ШЕРКАЛЫ 1 (XI–XVII вв.):
АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК 2018 г.**

**SHERKALY 1 SETTLEMENT (11th–17th CENTURIES):
ARCHAEOZOOLOGICAL MATERIALS 2018**

Приведен видовой состав костных остатков животных из раскопок г. Шеркалы 1. Определены 2925 костей от 5 видов домашних и 13 видов диких млекопитающих, 17 видов птиц, 5 видов рыб. Основную роль в хозяйстве средневекового населения играл промысел крупных копытных – дикого северного оленя и лося. На городище содержали домашних лошадей, мясо которых использовали в пищу. Было развито собаководство. Добывали 11 видов пушных млекопитающих. Наиболее многочисленные – бурый медведь, бобр, заяц-беляк, лисица. Промысел птиц не играл существенной роли в хозяйстве городка. Главным объектом рыболовства была щука.

The species composition of the animals bone remains from the excavations of Sherkaly 1 settlement is given. The 2925 bones from 5 species of domestic and 13 species of wild mammals, 17 species of birds, 5 species of fish were identified. The hunting of large ungulates – such as reindeer and elk played main role in the economy of the medieval population. The people contained domestic horses, the meat of which was used as food. Dog breeding was developed. The most numerous were the brown bear, beaver, white hare, and fox. Bird hunting did not play a significant role in the economy of the settlement. The main object of fishing was a pike.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Ханты-Мансийский автономный округ, средневековье, аборигенное население, промысловая деятельность.

Keywords: Western Siberia, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug, the Middle Ages, the original population, commercial activities.

Введение

В июле 2018 г. в рамках реализации Президентского гранта (заявка № 18-2-007554) по теме «Археологические древности Югры: от начала расселения человека до эпохи Российского государства. 2 этап» экспедицией АНО «Институт археологии Севера» под руководством А. В. Кенига были проведены раскопки городища Шеркалы 1. В задачи экспедиции входило проведение археологических исследований на территории раскопов № 1 и № 2, работы на которых были начаты под руководством В. М. Морозова в 1978–1983 гг. [1–3]. На раскопе № 1, расположенном на самой большой площадке памятника, ранее был изучен культурный слой мощностью от 1 до 2,5 м, по археологическим данным вскрыты слои XIII–XVII вв. [4]. В верхней части раскопа 2, расположенного на другой площадке, было найдено скопление костных остатков от ритуального комплекса, ниже которого располагались слои жилой застройки VI–XIII вв. [2]. Остеологический материал из этих объектов был определен П. А. Косинцевым и опубликован ранее [5].

В результате новых раскопок было продолжено всестороннее археологическое исследование уникального памятника населения Югры периода Средневековья [6].

Целью статьи является анализ остеологической коллекции, собранной в результате этих работ. Изучение данной коллекции позволит охарактеризовать некоторые аспекты хозяйства и способов взаимосвязи с окружающей средой средневекового населения таежной зоны Западной Сибири.

Материал и методы

Городище Шеркалы 1 (59°04' СШ, 55°25' ВД) находится в южной части Нижнего Приобья в подзоне среднетаежных лесов Западно-Сибирской равнины, в 3 км к север-северо-западу от с. Шеркалы (рис. 1). Памятник расположен на правом берегу р. Оби на четырех холмах, вытянутых цепочкой в направлении с юго-востока на северо-запад (рис. 2).

Общая площадь раскопок в 2018 г. составила 206 кв. м, но большая часть остеологической коллекции была собрана при переборке грунта, оставшегося после консервации на территории раскопов № 1 и № 2 прошлых лет (в таблицах – отвал раскопа № 1, отвал раскопа № 2), меньшая часть (около 25 %) – при раскопках новых объектов на территории раскопа № 1 (стратифицированный материал).

Общий объем остеологической коллекции составил 2925 костных остатков. Были определены 7 костей человека, 2495 костей млекопитающих, 156 костей птиц, 267 костей рыб (табл. 1).

Для определения костных остатков млекопитающих и рыб была использована эталонная коллекция музея Института экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург). При описании остеологической коллекции млекопитающих производилось исследование костных остатков, определялась их видовая принадлежность, элемент скелета и степень раздробленности [7]. Для определения костных остатков птиц использована эталонная коллекция Музея Мирового океана (г. Калининград). Мелкие фрагменты животных, для которых не удалось определить видовую принадлежность, включены в категорию «млекопитающие, птицы, рыбы». Среди млекопитающих неопределимые до вида остатки составляют 19 %, среди птиц – 9 %, а среди рыб – 12 %.

Результаты и их обсуждение

Основу остеологической коллекции составляют остатки млекопитающих. Собрано небольшое количество костей птиц и рыб, доли практически равны. Значительная доля костей рыб происходит из раскопа № 1 (табл. 1).

Таблица 1

**Таксономический состав остеологической коллекции
городища Шеркалы 1**

Таксон	Раскоп						Всего	
	1				2			
	Отвал		Новые площади		Отвал			
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Млекопитающие	808	76	212	91	1475	91	2495	86
Птицы	23	2	13	6	120	7	156	5
Рыбы	237	22	9	3	21	2	267	9
Всего	1068	100	234	100	1616	100	2918	100

Млекопитающие – Mammalia

Домашние животные

Среди млекопитающих кости домашних копытных составляют 19 %, большая часть из которых принадлежит лошади, остатки которой по численности уступают лишь остаткам северного оленя (табл. 2). Кости копытных довольно сильно раздроблены и по большей мере представляют собой кухонные отходы.

Все элементы скелета лошади, кроме частей головы, представлены практически в равных долях (рис. 3а). Такое соотношение отличается от естественного распределения отделов тела в одном скелете (рис. 3а) за счет высокой доли остатков верхних отделов ног, что в археологических материалах, как правило, обусловлено очень высокой степенью фрагментации костей этого отдела, по сравнению с другими частями тела.

Большую часть составляют костные остатки взрослых и старых особей. Но найдены также отдельные кости от молодых животных и одна кость от новорожденной особи. Этот факт может указывать на разведение лошадей местным населением.

Лошадь известна в таежной зоне с эпохи бронзы [6, с. 130], остатки этого вида встречаются на средневековых памятниках повсеместно, но наиболее многочисленны они на поселениях южных районов Западной Сибири [5, с. 53–55], откуда, скорее всего, лошади поступали на территорию средней и северной тайги.

Кости собак были найдены на всех участках памятника (табл. 2). Представлены все части скелета. Минимальную долю составляют кости головы, а основу составляют кости тела и верхних отделов конечностей, доли которых практически равны (рис. 3). Такое соотношение в целом сходно с естественным соотношением отделов в одном скелете собаки, где минимальную долю составляют кости головы, а максимальную – кости тела (рис. 3б). Более высокая доля головы и верхних отделов конечностей в археологических материалах обусловлена тем, что часть костей этих отделов была фрагментирована и полученные фрагменты искусственно повышают количество данных элементов. В скелете собаки в естественном состоянии очень большую долю составляют кости нижних отделов конечностей (кости запястья, предплюсны, метаподии и фаланги). В материалах памятника доля этих элементов невысокая.

Собака появляется в таежной зоне задолго до средневековья. В материалах раскопок предыдущих лет среди артефактов были найдены элементы собачей упряжи [5, с. 57], что может свидетельствовать о существовании здесь упряжного собаководства.

Единичные кости крупного рогатого скота и свиньи были найдены в раскопе № 1 (табл. 2). Скорее всего, крупный рогатый скот был приведен на территорию Сургутского Приобья из Приуралья. Свинья появляется в Нижнем Приобье вместе с приуральским населением в очень небольшом количестве [5, с. 57].

Дикие животные

Северный олень по количеству костных остатков занимает первое место на всех раскопах и составляет около половины от всех найденных остатков млекопитающих (табл. 2). Подавляющее большинство остатков принадлежало взрослым особям. Кости сильно раздроблены. Различить дикую и домашнюю формы по костным остаткам невозможно. Согласно этнографическим данным население таежной зоны имело незначительное количество домашних оленей [8]. Исходя из этого, можно полагать, что существенная часть костных остатков принадлежит дикой форме. Вопрос о времени одомашнивания северного оленя в этих районах остается открытым.

Присутствуют все элементы скелета, но соотношение остатков северного оленя из различных отделов скелета отличается от естественного (рис. 3а). Более высокая доля остатков верхних отделов конечностей, вероятно, обусловлена двумя причинами. Во-первых, тем, что это кости от наиболее мясных частей тела, поэтому их концентрация гораздо выше среди кухонных отходов. Во-вторых, очень высокой степенью фрагментации костей этого отдела по сравнению с другими.

Рога, некоторые трубчатые кости ног и лопатки имеют следы обработки, то есть они использовались для изготовления орудий. Одна таранная кость имеет отверстие.

Кости лося встречаются везде, но более многочисленны они в раскопе № 2 (табл. 2). Соотношение отделов скелета сходно с таковым у северного оленя (рис. 3а). Трубчатые, грифельные кости и лопатки лося использовали для изготовления орудий.

Кости бурого медведя встречаются на всей исследованной территории, но наиболее многочисленны на раскопе № 2 (табл. 2). Преимущественно представлены кости взрослых особей, но встречаются и остатки молодых медведей. Представлены все отделы скелета. Соотношение остатков медведя из различных отделов скелета в целом сходно с естественным соотношением отделов в одном скелете (рис. 3б). Это говорит о том, что туши медведя приносили на поселение целиком и разделявали уже на территории городища. Судя по тому, что раздроблены все трубчатые кости верхних отделов конечностей, а также ребра, мясо медведей использовали в пищу.

Остатки зайца-беляка и бобра составляют такую же долю, как и остатки медведя в остеологической коллекции (табл. 2). Среди остатков зайца и бобра найдены преимущественно кости верхних отделов конечностей (70 %), несколько целых нижних челюстей, один фрагмент черепа и несколько фрагментов ребер (рис. 3б). Возможно, тушки этих животных разделялись за пределами поселения, а в городок приносили только съедобные части. Возможен и другой вариант, когда лапы и черепа в ритуальных целях складывались в каких-то определенных местах, которые не были вскрыты данными раскопками. Около половины костей бобра принадлежит молодым животным, представлены все кости скелета за исключением фаланг пальцев и костей черепа.

Таблица 2

**Видовой состав и количество костных останков млекопитающих
из городища Шеркалы 1**

Вид	Раскоп						Всего	
	1		2					
	Отвал		Новые площади		Отвал			
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Домашние животные								
Собака – <i>Canis familiaris</i>	39	27	17	20	36	17	92	21
Лошадь – <i>Equus caballus</i>	99	68	68	79	176	83	343	77
Свинья – <i>Sus scrofa domestica</i>	2	1	–	0	–	0	2	0
Крупный рогатый скот – <i>Bos taurus</i>	6	4	1	1	–	0	7	2
Всего домашних	146	100	86	100	212	100	444	100
Дикие животные								
Олень северный – <i>Rangifer tarandus</i>	356	67	59	57	460	57	875	61
Лось – <i>Alces alces</i>	45	9	13	13	157	20	215	15
Бобр – <i>Castor fiber</i>	43	8	8	8	54	7	105	7
Заяц-беляк – <i>Lepus timidus</i>	28	5	9	9	30	4	67	5
Белка – <i>Sciurus vulgaris</i>	5	0,9	–	0	3	0,4	8	0,6
Медведь бурый – <i>Ursus arctos</i>	18	3	9	9	70	9	97	7
Волк – <i>Canis lupus</i>	3	0,8	–	0	1	0,1	4	0,3
Лисица – <i>Vulpes vulpes</i>	17	3	4	4	10	1	31	2
Песец – <i>Vulpes lagopus</i>	1	0,6	–	0	4	0,5	5	0,3
Соболь или куница – <i>Martes sp.</i>	4	0,9	1	1	10	1,2	15	1
Росомаха – <i>Gulo gulo</i>	5	0,9	1	1	3	0,4	9	0,6
Выдра – <i>Lutra lutra</i>	4	0,9	–	0	3	0,4	7	0,5
Всего диких	529	100	104	100	805	100	2048	100
Млекопитающие неопределимые (Mammalia indet.)	130		22		458		610	

Остатки других пушных животных довольно малочисленны, но надо отметить, что спектр добываемых видов очень широк на всех площадках городка и во всех хронологических горизонтах (табл. 2). На раскопе № 1 были найдены нижние челюсти лисицы и соболя, а также таранные кости бобра со следами искусственных отверстий. Такой тип подвесок был распространен на севере Руси и в Пермском Предуралье в IX–XIII вв. [9, с. 419].

Птицы – Aves

Кости птиц составляют от 2 до 7 % на разных участках памятника от общего числа остатков животных в материалах городища Шеркалы 1 (табл. 1). Следовательно, промысел птиц играл небольшую роль в хозяйственной деятельности населения. Все определенные по костям субфосильные птицы являются обычными видами для этой территории (табл. 3).

Таблица 3

Видовой состав и количество остатков птиц из раскопов
городища Шеркалы 1

Вид	Раскоп			Всего	
	1		2	экз.	%
	Отвал	Новые площади	Отвал		
Боровая дичь					
Глухарь – <i>Tetrao urogallus</i>	5	–	4	9	7
Белая куропатка – <i>Lagopus lagopus</i>	4	–	1	5	4
Водоплавающие птицы					
Краснозобая казарка – <i>Branta ruficollis</i>	–	1	–	1	1
Белолобый гусь – <i>Anser albifrons</i>	5	–	11	16	12
Пискулька – <i>Ansere rhythropus</i>	3	1	16	20	15
Гуменник – <i>Anser fabalis</i>	–	4	23	27	20
Гусь – <i>Anser sp.</i>	1	1	6	8	6
Гусь белолобый – гуменник	1	–	19	20	15
Лебедь-кликун – <i>Cygnus cygnus</i>	–	–	3	3	2
Чирок-трескунок – <i>Anas querquedula</i>	–	–	2	2	1
Свистуха – <i>Anas penelope</i>	–	–	7	7	5
Шилохвость-свистуха – <i>Anas acuta – penelope</i>	2	–	3	5	4
Широконоска – <i>Anas clypeata</i>	–	–	1	1	1
Утка – <i>Anas sp.</i>	–	–	2	2	1
Гоголь – <i>Viccephala clangula</i>	–	–	1	1	1
Крохаль большой – <i>Mergus merganser</i>	–	–	1	1	1
Прочие					
Белая сова – <i>Nyctea scandiaca</i>	1	–	–	1	1
Орлан-белохвост – <i>Haliaeetus albicilla</i>	–	–	6	6	4
Серебристая чайка – <i>Larus argentatus</i>	1	–	–	1	1
Всего	23	7	108	136	100
Птицы неопределимые – <i>Aves indet.</i>	–	6	14	20	

Преобладают кости водоплавающих птиц (84 % от общего числа костей птиц), которых добывают только в весенне-летний период, поскольку эти виды перелетные. Среди водоплавающих птиц основу составляют остатки трех видов гусей: белолобого гуся, пискульки и гуменника. В значительно меньшем количестве добывали несколько видов уток, а также боровую дичь (табл. 3).

Фрагмент лучевой кости белой совы был найден на раскопе № 1 (табл. 3). Ареал гнездования в весенне-летний период у этих птиц не выходит за пределы тундровой зоны [10, с. 310]. Рядом с городищем Шеркалы 1 белую сову могли поймать только в зимнее время.

Была найдена одна кость серебристой чайки. Скорее всего, это не было случайной добычей. Для добычи чаек, например, у манси Северной Сосьвы существовал специальный снаряд – лэс [11].

Орлан белохвост, несколько костей которого были найдены в раскопе № 2, – самая крупная хищная птица Западной Сибири и Урала [10, с. 129]. Культ орла (в конкретном случае орлана-белохвоста), хорошо известный из этнографии, сформировался у населения Западной Сибири не позднее начала раннего железного века. Объяснением особого отношения населения к орлану-белохвосту, вероятно, являются его биологические особенности. Очевидно, что это одна из самых заметных птиц в Западной Сибири – самый крупный хищник, гнездящийся на вершинах деревьев. Человек не мог не обратить на нее внимание, которое проявлялось в разных формах: отлове и содержании птиц в неволе; использовании в обрядах, как на Усть-Полуе; изображении на предметах; получении перьев для стрел и, вероятно, в других формах [12, с. 217–218].

Рыбы – Pisces

Исследованный остеологический материал показывает, что объектом промысла населения городища Шеркалы 1 были не менее семи видов рыб, которые и теперь обитают в бассейне Оби (табл. 4). Добывали рыбу в прошлом, несомненно, различными способами и в разное время года. Об этом свидетельствует разнообразие видового состава: в находках из городища присутствуют кости рыб, относящихся к различным экологическим группам, как живущим в реках-озерах (щука, налим, язь, карповые), так и полупроходным (нельма, сиговые, осетр). В наибольшем количестве население городка добывало щуку.

Таблица 4

Видовой состав и количество останков рыб из городища Шеркалы 1

Таксоны	экз.	%
Налим – <i>Lota lota</i>	12	5
Нельма – <i>Stenodus leucichthys nelma</i>	14	6
Сибирский осетр – <i>Acipenser baeri</i>	9	4
Род Сиги – <i>Coregonus</i> sp.	14	6
Щука обыкновенная – <i>Esox lucius</i>	165	70
Язь – <i>Leucis cusidus</i>	18	8
Карповые – Cyprinidae	3	1
Всего определимых	235	100
Рыбы неопределимые – Pisces indet.	32	

Объемы рыболовства на данном этапе исследования оценить сложно, поскольку кости рыб хуже сохраняются в слое, а часть рыбы перерабатывается для создания зимних запасов (в виде рыбной муки) или без остатка съедается собаками. Однако расположение городка на крупной водной артерии открывает широкие возможности для рыболовства как надежного источника питания. В то же время содержание значительного количества собак требует создания кормовой базы, основу которой на севере Сибири обычно составляли рыбные запасы [6, с. 126–127].

Заключение

Изученная нами остеологическая коллекция представляет собой типичный поселенческий материал. Кости «пищевых» видов млекопитающих сильно раздроблены и, вероятно, представляют собой кухонные отходы [13]. Не фиксируется никаких скоплений черепов,

рогов и других ритуальных атрибутов, которые могли бы свидетельствовать о принадлежности этого материала к слоям из ритуальных комплексов или существовании таковых на вновь вскрытых участках городища. Поэтому мы считаем, что материал, полученный из отвалов, возможно объединить с полученным ранее из поселенческого комплекса для полной характеристики хозяйства населения г. Шеркалы 1 в различные периоды его функционирования.

На основании материалов из раскопок 2018 г. и литературных данных [5] можно говорить о том, что наибольшее значение для населения городища имел промысел млекопитающих, и главным образом добыча дикого северного оленя. В значительно меньшем количестве охотились на лосей, добывали зайцев и бобров. Рыбная ловля, несомненно, была одной из важных составляющих хозяйственного уклада и источником не только пищи для людей и собак, но и других ценных продуктов – рыбьего жира и клея из чешуи и кожи рыб. Среди рыб добывали в большом количестве щуку. Промысел птиц служил дополнительным источником пищи, но не играл большой роли в жизни населения городища. Добывали в небольшом количестве преимущественно водоплавающих птиц в весенне-летний период.

На поселении держали домашних животных, главным образом лошадей и собак. Лошадей, возможно, разводили, их мясо употребляли в пищу. Неясно, использовали ли лошадей для передвижения и каким образом коневодство развивалось и изменялось в разные периоды существования городища. Судя по наличию большого количества костей собак и элементов собачьей упряжи, на городке существовало транспортное собаководство. Собак, возможно, использовали и для пушной охоты.

Несмотря на то что остатки пушных видов млекопитающих немногочисленны, набор этих видов довольно велик, а значит, пушная охота была одной из наиболее важных отраслей экономики населения. Тем более что собранные костные остатки пушных животных не полностью отражают реальный объем их промысла, поскольку, вероятно, большая часть добычи этих животных попадала на городок только в виде шкур, а тушки оставались на месте охоты и/или служили пищей для собак и людей.

Необычным фактом является довольно большое количество остатков медведя и сильная степень раздробленности его костей. Причем соотношение отделов скелета говорит о том, что туши медведя приносились на территорию городища и использовались целиком. По этнографическим данным, у народов Западной Сибири было особое отношение к бурому медведю [14–16]. Кости медведя нельзя было раскалывать, и они захоранивались отдельно, в стороне от жилищ. В таком случае при археологическом изучении поселений костей медведя должно быть мало. Из 20 поселений раннего и позднего железных веков в лесотундровой и северо-таежной зонах его кости найдены только на пяти [17–19]. А из 21 памятника средневекового населения таежной зоны Западной Сибири на 14 найдены лишь единичные кости медведя, а значительная выборка костей этого вида собрана только в комплексе святилища XII–XIII вв. поселения Кучиминское IX и на г. Шеркалы 1 [5, с. 53–55].

Все эти выводы лишь очень обобщенно характеризуют хозяйство средневекового населения таежной зоны Западной Сибири. Особенности многослойного памятника, расположенного на нескольких площадках, диктуют необходимость дальнейших исследований, включающих в себя выявление как хронологических рамок отдельных комплексов, так и особенностей планиграфии и стратиграфии всего поселения. Для более широких палеоэкологических реконструкций необходимо продолжение работ по изучению не только остеологической коллекции, но и других органических остатков, содержащихся в культурном слое, а также химический анализ почв.

Литература

1. Морозов В. М. Работы в Нижнем Приобье // Археологические открытия 1979 года. М. : Наука, 1980. С. 222–223.
2. Морозов В. М. Средневековые памятники Нижнего Приобья // Археологические открытия 1983 года. М. : Наука, 1985. С. 231–232.
3. Морозов В. М. Средневековые поселения и постройки Сургутского и Нижнего Приобья // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск : УрГУ, 1986. С. 99–107.
4. Кениг А. В., Зайцева Е. А., Родионова А. В., Липс С. А. Результаты археологических исследований городища Шеркалы 1 в полевом сезоне 2018 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого : сб. статей / отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск ; ХантыМансийск : Изд-во Том. ун-та, 2019. Вып. 17. С. 359–378.
5. Косинцев П. А., Морозов В. М., Терехова Л. М. Млекопитающие в системе природопользования средневекового населения Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности : сб. науч. тр. Свердловск : УрО АН СССР, 1988. С. 52–64.
6. Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М. Бронзовый век Васюганья. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1979. 181 с.
7. Ерохин Н. Г., Бачура О. П. Новый подход к компьютерной формализации раздробленности костных остатков млекопитающих в археологических исследованиях // Методика междисциплинарных археологических исследований : сб. науч. ст. и метод. рекомендаций. Омск : Наука, 2011. С. 62–69.
8. Шатилов М. Б. Ваховские остяки. Томск : Изд-во Томского краевого музея, 1931. 185 с.
9. Лобанова Т. В., Кардаш О. В., Косинцев П. А. Надымский городок: амулеты и талисманы из костей животных XIII–XVIII веков // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Велико-го в XI–XV вв. Свод источников и исследований : сб. мат-лов Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Сургут, 1–5 октября 2018 года) : в 2 частях. Сургут ; Нефтеюганск ; Екатеринбург : Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. С. 407–735.
10. Рябицев В. К. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири : справочник-определитель. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2001. 608 с.
11. Источники по этнографии Западной Сибири: (полевые экспедиционные материалы, собранные в 1925–1938 гг. В. Н. Чернецовым) / ред. Г. Е. Марков, Н. В. Лукина. Томск : Том. гос. ун-т, 1987. 279 с.
12. Историческая экология населения севера Западной Сибири / Г. П. Визгалов [и др.]; под общ. ред. П. А. Косинцева. – Нефтеюганск : Институт археологии севера; Екатеринбург : Издательство АМБ, 2013. 376 с.
13. Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. М. : Изд-во АН СССР, 1956. 184 с.
14. Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. 606 с.
15. Молданов Т. А. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1999. 141 с.
16. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 104 с.
17. Косинцев П. А. Крупные млекопитающие лесотундровой зоны Западной Сибири в начале позднего голоцена // Материалы по истории и современному состоянию фауны севера Западной Сибири. Челябинск : Рифей, 1997. С. 133–164.
18. Косинцев П. А. Крупные млекопитающие и охота населения севера таежной зоны Западной Сибири в голоцене : мат-лы по истории и современному состоянию фауны севера Западной Сибири. Челябинск : Рифей, 1997. С. 165–177.
19. Косинцев П. А. Промысловая деятельность населения и млекопитающие севера Западной Сибири в голоцене // Научный вестник. Вып. 3. Салехард, 2000. С. 57–65.

Условные обозначения

- - границы Ханты-Мансийского автономного округа-Югра
- - границы Нефтеюганского района

0 50 250 км

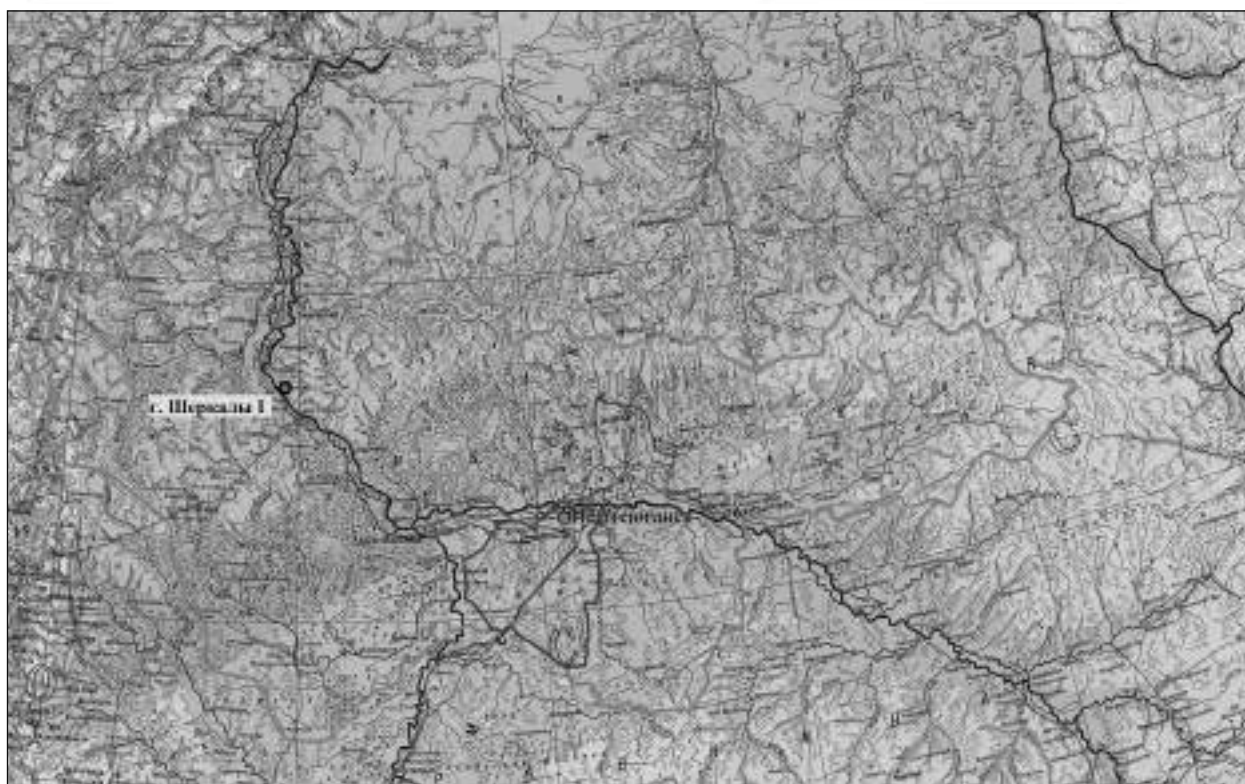

Рис. 1. Местоположение археологического памятника Шеркалы I на карте Западной Сибири

Рис. 2. Городище Шеркалы 1. Вид с юга

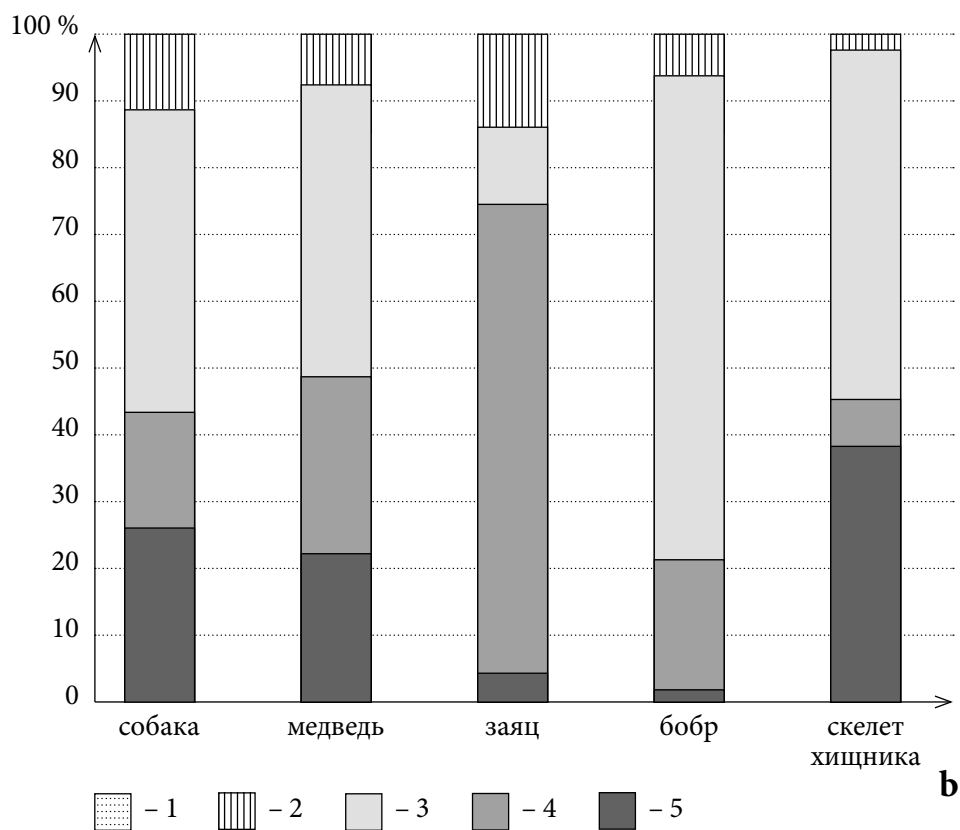
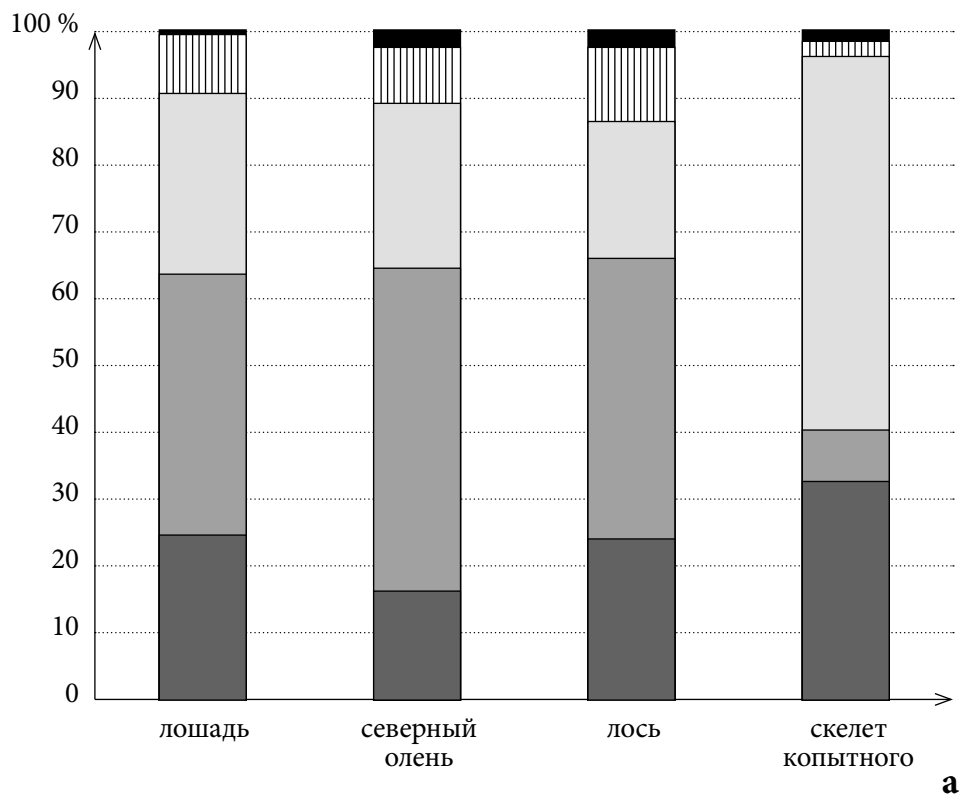

Рис. 3. Соотношение остатков частей тела копытных (а) и хищных животных, зайцев и бобров (б) из городища Шеркалы 1: 1 – рога; 2 – голова; 3 – туловище (ребра, позвонки); 4 – верхние отделы конечностей (лопатка, плечевая, лучевая, локтевая, бедренная, берцовая и тазовые кости); 5 – нижние отделы конечностей (метаподии, кости запястья и заплюсны, фаланги пальцев)

УДК 902:351.853.3(571.121)

DOI 10.34822/2312-377X-2020-1-72-86

Никулин М. С., Гайдакова З. Г., Фролов И. В.
Nikulin M. S., Gaidakova Z. G., Frolov I. V.

**СНАРЯЖЕНИЕ ЛУЧНИКА XII–XIII ВВ.
ИЗ ТАЗОВСКОГО ГОРОДКА-МАСТЕРСКОЙ**

**EQUIPMENT OF ARCHER IN THE 12th–13th CENTURIES
FROM THE TAZOVSKY SETTLEMENT-WORKSHOP**

В 2019 г. в ходе раскопок Тазовского городка-мастерской XII–XIV вв. (Тазовский район ЯНАО) был найден элемент снаряжения лучника – щиток для защиты запястья при стрельбе из лука. Щиток сделан из бивня мамонта. По бокам щитка имеются отверстия для крепления. На лицевой стороне щитка имеется точечный орнамент. Щиток найден вблизи остатков металлургического горна вместе с другими находками, среди которых костяной нож, костяная ложка и др. Подобные щитки зафиксированы в культурном слое объектов археологического наследия – Бухты Находки и Надымского городка. Введение этих материалов в научный оборот имеет важное значение для изучения материальной культуры населения Заполярья.

In 2019 in the course of excavations of the Tazovsky settlement-workshop of the 12th–14th centuries (Tazovsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug) the archer's protective gear-plate for wrist used during shooting was found. The plate is made of mammoth tusk. On the sides of the plate, there are holes for fastening. On the front side of the plate, there is a dot pattern. The archer's protective gear was found not far from metallurgical furnace along with other finds among which are a bone knife, a bone spoon, and others. Similar plates are recorded in the cultural layer of objects of the archaeological heritage of Bukhta Nahodka and Nadymsky settlement. The introduction of these materials into scientific discourse is important for the study of the material culture of the Polar region population.

Ключевые слова: север Западной Сибири, река Таз, Югра, аборигенное население, мигранты.

Keywords: the North of Western Siberia, the Taz river, Ugra, aboriginal population, migrants.

Введение

Стрельба из лука возникла в глубокой древности. Искусство стрельбы из лука прошло длинный путь развития. Есть разные виды стрельбы из лука: охота с луком и стрелами, боевая стрельба из лука, спортивная стрельба. В каждом из этих видов выделяют подвиды и ответвления.

Существует большое количество конструкций и типов луков, а также приемов их применения, выделяют различные техники стрельбы. Техника стрельбы зависит от многих факторов: конструкции лука, традиции его использования (школа стрельбы), цели применения (спортивное, боевое применение или охота).

Во многих традиционных культурах значение лука и стрел настолько велико, что их применение вышло за рамки утилитарного. Лук и стрелы, а также атрибуты, связанные со стрельбой из лука, прочно вошли в религиозно-символические представления многих народов – от первобытных обрядов до современной геральдики.

Постепенно вокруг лука и стрел, их применения сформировалась особая культура стрельбы, которая в некоторых языках отразилась в отдельном слове, ее обозначающем (например, англ. «archery» или яп. «弓道»). Неотъемлемой частью этой культуры стали не только лук и стрелы, но и предметы снаряжения лучника, которые являются материальным ее воплощением, представляют собой один из ее маркеров. Среди прочего снаряжения лучника следует обратить внимание на приспособления для защиты руки, держащей лук, от удара тетивы при выстреле. У многих народов на разных этапах исторического развития существовали различные приспособления для этой цели: кожаные, костяные, металлические. Это могли быть перчатки с крагами, полностью закрывавшие руку, щитки небольшого размера, которые защищали лишь большой палец [1, с. 67 – 1].

В последние годы в ходе археологических раскопок на Крайнем Севере Западной Сибири найдено немало предметов, связанных с применением лука и стрел. Чаще всего это наконечники стрел и отдельные детали сложносоставного лука. Элементы снаряжения лучника в материалах раскопок встречаются гораздо реже. Отличительной чертой снаряжения лучника на Крайнем Севере Западной Сибири второго тысячелетия н. э. является появление в его составе костяных (из бивня мамонта или рога) щитков.

Щитки эти представляют собой пластины (из бивня мамонта, рога, дерева или металла) овальной формы с глубоким желобком вдоль длинной оси с внутренней стороны щитка. Примерные размеры щитков колеблются в пределах 12 × 6 см. По бокам у щитков имеются отверстия для крепления. Чаще всего встречаются парные отверстия с каждой стороны. У некоторых костяных щитков с краев, где находятся отверстия крепления, имеются небольшие выступы – ушки. Подобная форма имеет аналоги на археологических памятниках культуры государства Ляо (X–XII вв.) [2, рис. 4 – 1].

Широко подобные щитки представлены в этнографическом материале обских угров: как в описаниях путешественников, так и в музейных коллекциях. Как элемент снаряжения лучника щитки продолжают бытовать у коренных народов столько же, сколько лук и стрелы. В святилищах обских угров подобные щитки находят до сих пор [3].

Несмотря на общую схожесть, стоит отметить, что среди щитков можно выделить две отличные группы, которые условно можно назвать «болгарского типа» и «пермско-новгородского типа». Первый тип назван «болгарским» ввиду того, что наиболее ранние аналогии в археологическом материале встречаются на памятниках Волжской Булгарии, а второй тип – «пермско-новгородский», так как ранние его аналогии происходят с территории современной Перми – в прошлом вотчины Новгорода Великого.

На повестке дня встает вопрос: с чем связано появление каждого из этих типов на севере Западной Сибири и вытеснение одного типа другим в каждом конкретном случае, а также когда это произошло.

История изучения. В 1969 г. Мангазейской экспедицией Ленинградского отделения Института археологии Научно-исследовательского института Арктики и Антарктики и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством М. И. Белова был выявлен памятник археологии «Тазовская литейная мастерская». Результаты исследований 1969 г. изложены в статье «Древняя «ювелирная» мастерская в Западносибирском Заполярье». Археологическая коллекция, полученная при сборах с береговой части и одного шурфа составила 59 предметов. На основании только сравнительно-типологического анализа бронзовых артефактов время функционирования «Тазовской литейной мастерской» было определено в пределах X–XIII вв. н. э. [4, с. 248–257].

Исследования «Тазовской литейной мастерской» возобновились в 2005 г.: Г. П. Визгаловым уточнено местоположение памятника и его современное состояние, выполнена

глазомерная съемка, заложены стратиграфические разрезы (два шурфа и зачистка). Археологическая коллекция, полученная при сборах с береговой части и шурфов, состоит из 21 предмета, среди них изделия из меди, украшения из бронзы и серебра, фрагменты тиглей, шлаки и крицы [5].

В сентябре 2012 г. экспедиционным отрядом под руководством М. В. Коноваленко были проведены спасательные археологические раскопки объекта культурного наследия «Тазовская литейная мастерская». В ходе противоаварийных раскопок заложено два раскопа общей площадью 23 кв. м. В раскопе № 1 изучена часть сооружения № 1, вероятно, жилища. Также в раскопе № 1 частично (из-за мерзлого состояния культурного слоя) исследованы остатки двух металлургических печей – единственные на сегодняшний день на Крайнем Севере Западной Сибири подобные сооружения эпохи средневековья. В результате работ 2012 г. получена коллекция из 85 артефактов: из них изделий из железа – 15 экз., цветных металлов – 24 экз., кости и рога – 15 экз., из керамики – 5 экз., камня – 5 экз., стекла – 9 экз., бересты – 12 экз., датирующихся по аналогиям XII–XIV вв. н. э. [6; 7].

В 2019 г. работы продолжились под руководством С. Г. Пархимовича. В продолжение исследований М. В. Коноваленко для полного изучения ямы 1 был заложен стратиграфический разрез № 8 (шурф) площадью 5 кв. м. В стратиграфическом разрезе № 8 (шурф) изучена северная часть сооружения № 1, вероятно, жилища и ямы 1 – остатки металлургической печи. Примечательно, что под металлургической печью находилась камера, заполненная углем (рис. 2).

В результате работ 2019 г. получена археологическая коллекция из 19 артефактов. В том числе: изделий из железа – 4 экз. (фрагмент ножа, две пластины, кольцо), из цветного металла – 9 экз. (фрагмент бронзовой нашивной бляшки, 6 медных пластин, фрагмент литого бронзового изделия, бронзовый слиток каплевидной формы), керамики – 1 экз. (фрагмент ножки тигля), из кости – 4 экз. (костяной нож, маленькая ложка, наконечник стрелы, прямоугольная пластина), из бивня мамонта 1 экз. – защитный щиток лучника. Данные материалы датируются по имеющимся аналогиям XII–XIV вв. н. э. Все найденные предметы концентрируются вокруг остатков металлургической печи [8].

Описание памятника. Тазовский городок-мастерская находится в Тазовском районе ЯНАО, в 132 км на восток – юго-восток от районного центра п. Тазовского и в 655 км на восток от окружного центра г. Салехарда, на правом берегу реки Таз, в 5 км к западу от фактории Надо-Марра, в 0,6 км к западу – северо-западу от устья р. Соръяхи (рис. 1).

Памятник расположен на мысу коренной террасы правого берега р. Таз, впадающей в Тазовскую губу Карского моря. Площадка мыса ориентирована по направлению запад – восток вдоль русла реки, приподнята над уровнем поймы на высоту до 14 м, шириной напольной части до 53 м, в длину от носовой части до основания – 120 м. Южный, юго-восточный, восточный и юго-западный склоны обрывистые, размываются водами р. Таз и разрушаются антропогенной деятельностью. Северный склон более пологий, задернован. У основания всех склонов проходит грунтовая дорога, разрушающая мыс.

Тазовский городок-мастерская представляет собой две площадки на оконечности мыса, с трех сторон окруженного естественным крутым склоном. Площадки разделены хорошо фиксируемым понижением рельефа глубиной около 5 м, шириной 25 м. Происхождение его пока не выяснено, не исключено, что это часть оборонительной системы – специально созданный ров с крутыми склонами, угол которых составляет около 30°.

Вероятно, ров с западной и юго-западной сторон ограничивал укрепленную часть поселения мастерской. Эти площадки получили обозначение № 1 – на стрелке мыса, и № 2 – в глубине террасы (рис. 2 – 1).

С южной стороны мыс интенсивно подмывается паводковыми водами, поэтому часть склона вдоль берега осыпается. В разрушенном откосе фиксируется культурный слой. Часть комплекса Тазовского городка-мастерской уже утрачена. Достоверно общие размеры территории памятника определить невозможно. Предполагаемые размеры площадки № 1 составляли 30 × 30 м, площадки № 2 – 15 × 15 м [7, с. 438].

На площадках Тазовского городка остатки каких-либо сооружений визуально не фиксируются. В раскопе № 1 2012 г. зафиксированы остатки сооружения № 1, исследованного лишь частично. В 2012 г. раскопом площадью 9 кв. м охвачена юго-восточная часть постройки. Реконструируемые размеры сооружения ориентировочно составляли 5 × 5 м. На исследованной территории зафиксированы 2 столбовые ямы, с восточной и северной сторон на дне котлована обнаружен древесный тлен от тонких плах, перекрытых сверху полосами бересты, вероятно, являющихся остатками настила от нар. Раскопом 2019 г. полностью исследована яма № 1 (горн) и северная часть сооружения. В планиграфии зафиксирована поддувная канавка. Оказалось, что от печи к северному склону площадки № 1 выходил поддув длиной 0,7 м. В месте выхода поддувной камеры под углом был забит деревянный кол [6, 8] (рис. 2).

По ряду морфологических признаков можно заключить, что Тазовская мастерская – это оборонительно-жилой комплекс с естественной системой фортификации в виде берегового обрыва и искусственного рва. Для определения типа памятника более подходит термин «городище» или «городок».

Хронология. В 2019 г. были получены результаты радиоуглеродного датирования шести образцов, взятых из раскопа того же года (рис. 2 – 2). Радиоуглеродный анализ образцов выполнен в Лаборатории изотопных исследований Центра коллективного пользования «Геоэкология» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» (РГПУ им. А. И. Герцена). В результате анализа были получены следующие данные:

- проба № 1 абс. возр. 1187 ± 25 ; кал. возр. 1165–1258 гг. (1211 ± 46);
- проба № 2 абс. возр. 1282 ± 30 ; кал. возр. 1224–1293 гг. ($1258,5 \pm 69$);
- проба № 3 абс. возр. 1169 ± 25 ; кал. возр. 1154–1258 гг. (1206 ± 104);
- проба № 4 абс. возр. 1164 ± 25 ; кал. возр. 1154–1254 гг. (1204 ± 100);
- проба № 5 абс. возр. 1714 ± 25 ; кал. возр. 1492–1602 гг. (1547 ± 110);
- проба № 6 абс. возр. 1723 ± 25 ; кал. возр. 1512–1601 гг. ($1556,5 \pm 89$).

Учитывая серию дат, полученных из проб № 1–4, абсолютный возраст составляет 1164–1282 гг., калиброванный возраст – 1154–1293 (1204–1258). Пробы № 5 и 6 выпадают из общего ряда. Четыре из шести образцов дали даты 1154–1293 гг., которые укладываются в промежуток второй половины XII – XIII в. Лишь два образца дали другой результат – начало XVIII в. В целом датировка коррелируется по аналогичным находкам разновременных памятников, приведенных в таблице.

Таблица

Хронологическая таблица археологических аналогий щитков лучника

Памятники археологии	Века								
	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX
Гор. Ярте VI (рис. 4:2)		■							
Гор. Бухта Находка (рис. 4:3-4)			■						
Гор. Надымский городок (рис. 4:5-8)			■	■	■	■	■		
Гор. Полуийский городок (рис. 4:11)							■	■	
Гор. Усть-Войкарское (Войкарский городок) (рис. 4:9-10)				■	■	■	■	■	■
Гор. Мангазея (рис. 4:12)							■		
Гор. Биляр [19, табл. 10:2]		■	■						
Гор. Болгар [19, табл. 10:1]		■	■						
Кыласово городище [19, табл. 10:3]		■	■	■					
Гор. Новгород [19, табл. 10:7]			■						
Родановское городище [15, рис. 1]				■	■				
Гор. Тазовский городок-мастерская (рис. 3)		■	■						

Следует отметить, что это самый ранний оборонительный комплекс из числа известных, расположенных в бассейне р. Таз. Единственное известное укрепленное поселение – это городище Мангазея XVII в., которое было основано русскими. Все известные на сегодня памятники являются поселенческими без оборонительной функции, что косвенно указывает на иноэтничность основателей Тазовского городка, который мог быть возведен выходцами из Северо-Восточной Европы.

В контексте межэтнических контактов в Заполярье эпохи средневековья особый интерес представляет изделие из бивня мамонта – щиток лучника для защиты запястья от удара тетивы при стрельбе из лука (рис. 3)

Описание предмета. Щиток найден вблизи остатков металлургической печи в слое серо-коричневого песка с включением фрагментов древесного тлена, бересты вместе с другими находками, среди которых костяной нож, костяная ложка и др. В 30 см к северу от щитка зафиксировано скопление костей, основу которого составляют челюсти зайца. К югу от щитка найдены мелкие кости конечностей зайца и фрагмент массивной кости крупного животного (северного оленя или медведя). В 10 см к северо-западу от щитка зафиксирован фрагмент железной Т-образной пластины. По сопутствующим находкам и данным радиоуглеродного анализа щиток можно датировать второй пол. XII – XIII в. (рис. 2).

Щиток для защиты руки при стрельбе из лука представляет собой пластину из бивня мамонта (рис. 3). Пластина имеет в плане форму овала, где наибольший диаметр – 12 см, наименьший – 4,9 см. Толщина пластины колеблется от 4,9 мм в центральной части до 1 мм по кромке. Пластина имеет выраженный изгиб, который повторяет естественный изгиб бивня мамонта. Внутренняя сторона пластины – вогнутая – примыкала к руке, внешняя – выпуклая – предназначена для защиты от удара тетивы при выстреле из лука. Подобные пластины иногда называют «желобчатыми», и они образуют единую группу. Глубина изгиба (выбранная часть бивня мамонта) составляет 2 см. Подобная форма позволяет более плотно прилегать защитной пластине к руке стрелка.

На внешней стороне пластины щитка имеются два параллельных ряда наколов-точек, по 4 в каждом ряду. Наколы в каждом ряду нанесены с равным интервалом – 8 мм, расстоя-

ние между рядами – 1 см. Можно полагать, что данные точки-наколы служат разметке щитка для его дальнейшего декорирования, либо сами являются точечным орнаментом. Верхний слой наружной стороны пластины отслаивается, что обусловлено естественным разрушением в результате археологизации предмета.

По бокам щитка расположены небольшие отверстия диаметром 2,4–3 мм каждое. Эти отверстия предназначались для крепления щитка на руке. На изученных аналогиях и в этнографических публикациях мы встречаем на подобных изделиях 4 отверстия, по 2 с каждой стороны. Необычными являются количество и форма этих отверстий на рассматриваемом нами экземпляре. С обеих сторон имеются отверстия сложной формы в виде 3-лепесткового отверстия с каждой стороны. Можно предположить, что они возникли в результате эксплуатации, когда ремешок перетер массив бивня между существовавшими отверстиями крепления. Либо они могли быть результатом сознательного действия мастера, который подгонял отверстие под крепление, возможно, металлическую фурнитуру кожаного ремешка, которым щиток крепился к запястью стрелка. Помимо этих трехлепестковых отверстий с каждой стороны имеются парные круглые отверстия для крепления, хорошо известные по аналогиям. С одной стороны щитка имеется дополнительно 3-е отверстие. Возможно, его появление связано с избыточным износом одного из существующих отверстий (следы износа хорошо видны невооруженным глазом).

До конца не ясным остается вопрос о расположении подобных щитков на запястье руки. Наиболее частой реконструкцией является расположение аналогичных щитков с внутренней стороны запястья, при этом нижняя фаланга большого пальца остается незащищенной [9, с. 92]. Для подобного способа защиты подходят пластины с маловыраженным изгибом, где «желобок» неглубокий (менее 1 см). Напротив, ношение щитка сверху запястья (когда щиток прикрывает основание большого пальца) требует более выраженного «желобка» (более 1 см). Средство защиты и способ его ношения зависят от конструкции лука и способа стрельбы из него (традиции стрельбы).

Археологические аналогии. До нашего времени дошли многочисленные щитки, как очень простые – из кости и бронзы, местного производства, так и роскошные – из бронзы или серебра, с чернью и позолотой, изделия ювелиров Волжской Булгарии и Западной Европы [10, с. 52–54].

В работе «Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета» приводятся исторические реконструкции воинов-лучников, использующих защитный щиток при стрельбе из лука [10, с. 55, рис. 15; с. 60, рис. 16].

В. Н. Чернецов приводит описание археологических предметов с поселения Тиутей-Сале 1 [11]. Данное поселение было датировано в 1995 г. Н. В. Федоровой и соавт. эпохой Средневековья (VI–VII вв. н. э.; XI–XII вв. н. э.) [12]. В частности, он описывает две овальные пластинки из китового уса: «...Назначение этих пластинок не совсем понятно, хотя можно предположить, что это щитки на левую руку при стрельбе из лука. Следует отметить еще три предмета, одинаковых по форме (табл. I, рис. 13): два деревянных (табл. I, рис. 4 и 6) и один костяной (табл. 1, рис. 8). Назначение этих предметов совершенно неясно» [12, с. 113–114]. Иллюстрации в статье представлены очень низкого качества, и можно лишь предположить, что это запястные щитки и напальчники для защиты от ударов тетивы лука.

С. П. Нестеров приводит необычный тип щитка-напальчника из материалов Восточного Приамурья, датируемого ранним железным веком [1]. Этот щиток отдаленно напоминает пластинки, представленные В. Н. Чернецовым в своей публикации [11, с. 68, рис. 2]. Чтобы доподлинно и достоверно утверждать о назначении данных изделий, нужно провести дополнительные камеральные исследования с археологической коллекцией – воочию изучить материал, провести аналогии, опираясь на материалы современных исследований

последних лет, что для нас в данный момент является проблематичным ввиду отсутствия доступа к коллекции предметов, описанных В. Н. Чернецовым.

Стоит отметить, что городище Ярте VI одновременно комплексу XII–XIV вв. поселения Тиутей-Сале 1 и имеет массу прямых аналогий по археологическим материалам, таких как костяные накладки на лук, скребки из черного сланца, прямоугольные двулезвийные кресала, большое количество деревянных изделий. Аналогии деревянных изделий с комплексом городища Ярте VI, датированного по дендрохронологическому методу концом XI – XII в., дают нам дополнительную уверенность в правильности подобного соотнесения. По-видимому, именно в промежутке XII–XIV вв. поселение было заселено вторично. Даты, полученные при исследовании находок из культурного слоя и в результате радиоуглеродного анализа, позволяют отнести сооружение 2 и производственные площадки поселения Тиутей-Сале 1 к XII–XIV вв. н. э. [12].

Самая ранняя и самая северная по месту находки аналогия, не вызывающая сомнений, найдена на городище Ярте VI и датируется кон. XI – сер. XII в. (рис. 4 – 2). Это территория п-ва Ямал, река Юрибей, оз. Яротато [13, с. 100, табл. 47 – 374, 375].

Две аналогии из кости найдены на городище Бухта Находка и датируются XIII – нач. XIV в. (рис. 4 – 3, 4). Одна из них орнаментирована. Орнамент нанесен по периметру пластины и представляет собой меандр из S-образных вырезанных фигур [14, с. 28, рис. 36 – 6].

Щитки с аналогичным меандром найдены на памятниках археологии Волжской Булгарии и датируются второй половиной XIII – XIV в. (Болгарское городище) [15, с. 255, рис. 1]. Подобный щиток, выполненный из бивня мамонта и орнаментированный S-овидными зигзагами, известен из случайных сборов святилища Усть-Полуй, к сожалению, точная датировка не известна [16, с. 339, рис. 1 – 6].

Подобные приспособления лучников, обнаруженные в культурном слое Надымского и Полуйского городков, имеют циркульный орнамент, аналогичный находкам с территории Волжской Булгарии (Кыласово городище) [17; 18, с. 224, рис. 3.6 – 1; 19, с. 132, табл. 10 – 3] (рис. 4 – 5–8, 11).

Ранние аналогии – XIII – нач. XV в. – найдены в ходе раскопок Надымского городка (рис. 4 – 4). К более позднему времени – сер. XV – сер. XVI в., кон. XVI – 1-я треть XVIII в. – относятся два аналогичных щитка с того же памятника (рис. 4 – 6–8), аналогия, найденная на Полуйском городке, которая датируется кон. XVI – 1-й третью XVIII в. (рис. 4 – 11), и аналогии XIV–XIX вв. с городища Усть-Войкарское (Войкарский городок) (рис. 4 – 9–10) [17, с. 209, рис. 3.14 – 3; 18, с. 224, рис. 3.6 – 1; 20].

В культурном слое объектов археологического наследия Бухта Находка, Надымский городок защитные щитки иногда обнаруживались попарно: один – орнаментированный из бивня/рога, другой – из дерева. По предположению О. В. Кардаша, щитки входили в один набор и представляли собой единое целое. Возможно, один щиток закрывал запястье и большой палец левой руки, второй находился с противоположной стороны запястья и обеспечивал удобство крепления кожаными ремнями.

Аналогичные щитки, найденные на Мангазее, относятся к XVII в. и, как пишут М. И. Белов, О. В. Овсянников и В. Ф. Старков [21], изготовлены из бивня мамонта (рис. 4 – 12). Исследователи отмечают высокое качество обработки наружной поверхности, которая отполирована до блеска. Эти щитки имеют вытянутую овальную форму и довольно сильно изогнуты вдоль продольной оси. Средняя часть наиболее толстая, к краям они заметно утончаются. Некоторые щитки имеют у краев узкие парные отверстия для привязывания ремешков крепления. На некоторых щитках отверстия отсутствуют, на одном отверстия имеются только с одной стороны. Исследователи предположили, что здесь была применена другая

система крепления либо щитки не доведены окончательно до готового изделия (рис. 4 – 12) [21, с. 74–75, 134, табл. 65 – 1–4].

Этнографические аналогии. Подобные щитки бытовали вплоть до XX в. и хорошо известны по этнографическим материалам (рис. 5).

О. Финш, А. Брэм отмечали, что во время путешествия по нижней Оби в 1876 г. в Пораватских юртах (южнее г. Салехарда) среди вещей, обыкновенно употребляемых ханты, наряду с луком («йогль») имеются некие защитные дощечки: «...во избежание ушиба от отдачи тетивы стрелок привязывает к большому пальцу левой руки овальную дощечку (постоячки *йошкар*), которая большею частью делается из оленьего рога» [22, с. 340]. Подобные аналогии были зафиксированы в 1880 г. итальянским натуралистом и антропологом Стефано Сомме и происходят с Нижней Оби из Мужей и Малой Пуйковой [23, с. 365] (рис. 5 – 10–11). Ф. Р. Мартин приводит описание и фото предохранительной накладки юганских ханты, зафиксированной во время его путешествия в 1891 г. [24, с. 52, рис. 39] (рис. 5 – 12). Защитные щитки восточных ханты в конце XIX в. описал У. Т. Сирелиус [25, с. 300, 315]. В 1915 г. Г. М. Дмитриев-Садовников описал подобные щитки у ханты: «...для стрельбы из него (лука) необходима на кисть левой руки, у большого пальца, имеющая с нижней стороны вид желобка костяная накладка, вершка 2 длиною, в вершок шириною. Накладка эта тонкая с боков, посредине имеет две дырочки – для ремешков, привязывающих ее к кисти; желобок с одного конца сделан глубже, чтобы плотнее кость прилегала к скрытому суставу большого пальца. Эта костяная накладка предохраняет во время стрельбы кисть руки от ударов тетивой» [26, с. 66].

А. В. Бауло опубликовал этнографические материалы по щиткам берёзовских ханты (дом К. В. Новьюхова) из Юхан-курта (Юхонгорт?) близ с. Теги [3, с. 35 рис. 44 – а] и манси из с. Верхне-Нильдино [3, с. 35 рис. 44 – в] (рис. 5 – 8–9).

На рисунке 5 показаны щитки для защиты запястья при стрельбе из лука (кость, рог), представленные в Государственном каталоге Музейного фонда РФ [27]. Номера музейных предметов даны в соответствии с номенклатурой Госкаталога (рис. 5 – 1–7).

Заключение. Феномен костяных щитков на севере Евразии заключается в том, что здесь они получают широкое распространение в XII–XIII вв. и сохраняются, по археологическим и этнографическим данным, на территории Западной Сибири вплоть до начала XX в. Даже сейчас их можно встретить в поселениях и святилищах ханты и манси, но уже как ритуально-символический предмет.

Лук и стрелы – основное охотничье и боевое оружие воинов таежной зоны Сибири. В исследованных могильниках в большинстве погребений найдены наконечники стрел. Основным типом сибирского лука был сложный лук, склеенный из пластин березы и кремлевой сосны, длиной до 140 см. Появление этого типа, хорошо известного по этнографическим образцам, относится к глубокой древности. Мощный лук обеспечил главную отличительную особенность наконечников стрел таежного Приобья – их очень крупные размеры по сравнению с наконечниками сопредельных территорий, эта особенность прослеживается от каменных шлифованных наконечников неолита – энеолита до кулайских бронзовых и средневековых железных. В раннем средневековье господствовали тяжелые массивные наконечники, предназначенные для пробивания или расщепления пластинчатых доспехов, а с XI–XII вв. основными типами боевых наконечников становятся противокольчужные, с узким шиловидным острием [10, с. 52–54]. Появление и распространение такого вида снаряжения лучника, как щитки для защиты от удара тетивы при стрельбе из лука, аналогичные щитку из раскопок Тазовского городка, приходится на вторую пол. XII – XIII в. Это совпадает со временем проникновения сюда кольчуги и бронебойных наконечников стрел для ее пробивания. Подобные элементы воинского снаряжения связаны с проникновением на данную

территорию выходцев с севера и северо-востока Русской равнины, с территорий, входивших в состав Новгородского княжества и Волжской Булгарии [10, с. 55–60].

Торговля Новгорода Великого с Югрой начинается в XI в. После татаро-монгольского нашествия Волжская Булгария была разорена и разгромлена. Приходят в упадок города, а с ними и ремесленное производство. Ослабленное государство теряет свое экономическое и политическое влияние на близлежащие земли. Новгородское княжество, напротив, усиливает свое влияние и при отсутствии серьезных соперников старается как можно быстрее занять освободившуюся нишу. С развитием торговых отношений в XII–XIII вв. и продвижением населения северо-восточной Европы на восток начинают появляться укрепленные долговременные фактории. Такие фактории были местом обмена и торгова. Можно выделить несколько таких укрепленных поселений: городища Ярте VI, Бухта Находка, Надымский городок и Тазовский городок-мастерская. Поначалу товарооборот был небольшим, но в XII–XIII вв. значительно возрастает. Происходит увеличение предметов импорта. До прихода иноземцев из северо-восточной Европы у аборигенного населения Западной Сибири не было костяных щитков в снаряжении лучника. Все ранние археологические находки таких щитков в Заполярье зафиксированы на территории укрепленных поселений – торгово-производственных факторий. Данные щитки лучника являются маркером проникновения на север Западной Сибири населения из северо-восточной Европы.

Щитки как элемент снаряжения лучника имели не только функциональное значение (защита руки от удара тетивы), но и ритуально-символическое. Их ношение в качестве атрибута воина-лучника могло быть связано с обрядами инициации. Данный вопрос требует дополнительного изучения и выходит за рамки нашего рассмотрения. Введение этих материалов в научный оборот имеет важное значение для изучения материальной культуры населения Заполярья и всей Северной Евразии.

Литература

1. Нестеров С. П. Щиток-напальчник лучника раннего железного века из Восточного Приамурья // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН. 2012. № 2 (50). С. 67–71.
2. Asian Traditional Archery Grip on the Bow. Stephen Selby. URL: http://www.atarn.org/letters/ltr_feb99.htm (дата обращения: 10.05.2020).
3. Бауло А. В. Культурная атрибутика берёзовских хантов. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. 92 с.
4. Хлобыстин А. П., Овсянников О. В. Древняя «ювелирная» мастерская в Западносибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. : Наука, 1973. С. 248–257.
5. Визгалов Г. П. Археологическое обследование бассейна р. Таз в Тазовском районе ЯНАО, проведенное летом 2005 года : отчет о НИР. Нефтеюганск, 2005 // Архив НПО «СА-1». Ф. I. Д. № 141.
6. Коноваленко М. В. Аварийные раскопки разрушающегося объекта культурного наследия «Тазовская литейная мастерская» в Тазовском районе Ямало-Ненецкого автономного округа в 2012 г. : отчет о НИР. Нефтеюганск, 2013. 145 с. // Архив НПО «СА-1». Ф. I. Д. № 361.
7. Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Коноваленко М. В. Тазовская мастерская: производственно-жилой комплекс XIII–XIV веков в низовье реки Таз // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований : сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Сургут, 1–5 октября 2018 года) : в 2 частях / Часть I. 500 с. : ил. (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири ; вып. VII). Сургут ; Нефтеюганск ; Екатеринбург : Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. с. 436–460.

8. Пархимович С. Г. Археологические полевые работы (разведки с осуществлением локальных земляных работ), проведенные на территории Ямало-Ненецкого автономного округа в 2019 г. : отчет о НИР. Нефтеюганск, 2020 // Архив НПО «СА-1». Ф. I.
9. Нефедкин А. К. Военное дело чукчей (середина XVII – начало XX в.). СПб. : «Петербургское Востоковедение», 2003. 352 с. (Ethnographica Petropolitana, X).
10. Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В. Угорское наследие : Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург : Внешторгиздат, 1994. 160 с.
11. Чернецов В. Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // СЭ. 1935. № 4–5. С. 109–118.
12. Федорова Н. В., Косинцев П. А., Фитцхью В. «Ушедшие в холмы». Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке. Екатеринбург : Изд-во «Екатеринбург», 1998. 180 с.
13. Плеханов А. В. Ярте VI – средневековое «городище» на р. Юрибей (п-ов Ямал): Каталог коллекции. Екатеринбург : Изд-во «Деловая пресса», 2014. 124 с.
14. Кардаш О. В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследования). Нефтеюганск : АНО «Институт археологии Севера» ; Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2011. 60 с. : ил.
15. Полубояринова М. Д. Костяные детали снаряжения средневекового всадника и лучника из Болгара // Советская археология. 1986. № 2. С. 254–260.
16. Гусев А. В. Костяной защитный доспех населения севера Западной Сибири в раннем железном веке : Находки, аналогии, возможности реконструкции // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб. ; М. ; Вел. Новгород, 2011. Т. 1. С. 339–340.
17. Кардаш О. В. Надымский городок князей Большой Карачеи (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII в.: История и материальная культура). Екатеринбург ; Салехард : Изд-во «Магеллан», 2013а. 360 с. : ил.
18. Кардаш О. В. Полуийский мысовой городок князей Тайшиных. (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII в. История и материальная культура. Екатеринбург ; Салехард : Изд-во «Магеллан», 2013б. 380 с. : ил.
19. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел // САИ. Вып. Е1–36, 1966. 184 с.
20. ГБУ ЯНАО «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И. С. Шемановского». URL: <https://mvk.yanao.ru>, свободный (дата обращения: 10.05.2020).
21. Белов М. И., Овсяников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М. : Наука, 1981.
22. Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882. 540 с.
23. Сомье С. Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир / пер. с ит. А. А. Переваловой ; под. ред. Я. А. Яковлева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. 640 с. : ил.
24. Мартин Ф. Р. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов / науч. пер. с нем. Ж. Н. Труфановой под ред. А. Я. Труфанова. Комментар. А. С. Сопочной и А. Я. Труфанова. Екатеринбург ; Сургут : Уральский рабочий, 2004. 144 с.
25. Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам / пер. с нем. и публикация Н. В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 344 с.
26. Дмитриев-Садовников Г. М. Версты и строки / редактор-составитель В. К. Белобородов. Екатеринбург : Средне-Уральское книж. изд-во, 1998. 224 с.
27. Государственный каталог музейного фонда РФ. URL: <https://goskatalog.ru>. (дата обращения: 10.05.2020).

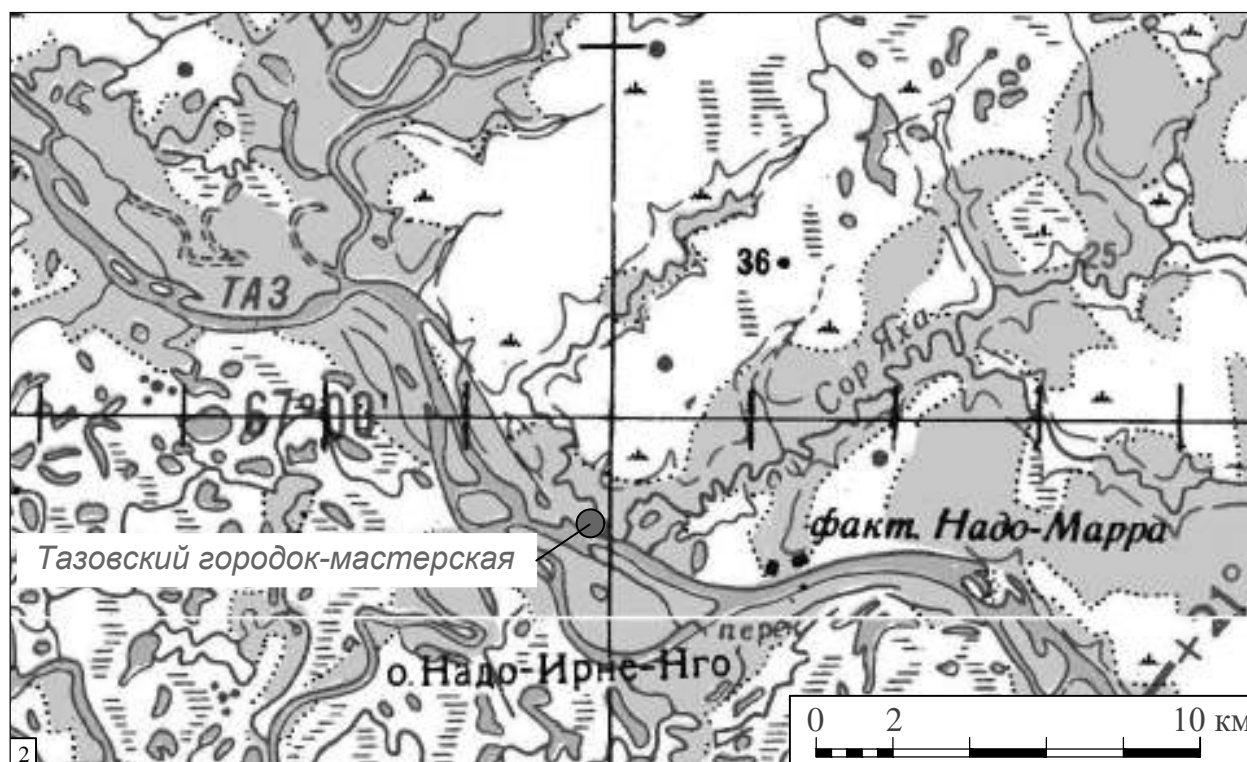
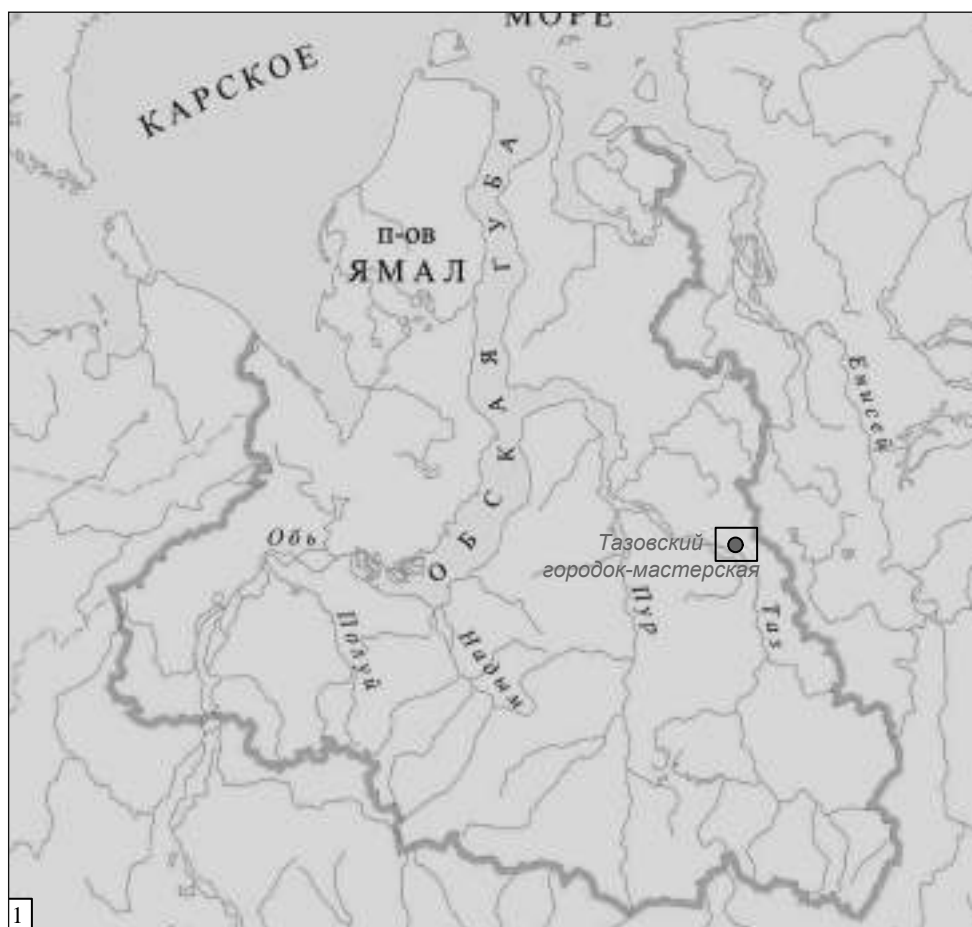

Рис. 1. Место расположения Тазовского городка-мастерской в границах Ямало-Ненецкого автономного округа: 1 – обзорная карта-схема расположения Тазовского городка в границах ЯНАО; 2 – ситуационная карта-схема. М 1:200 000

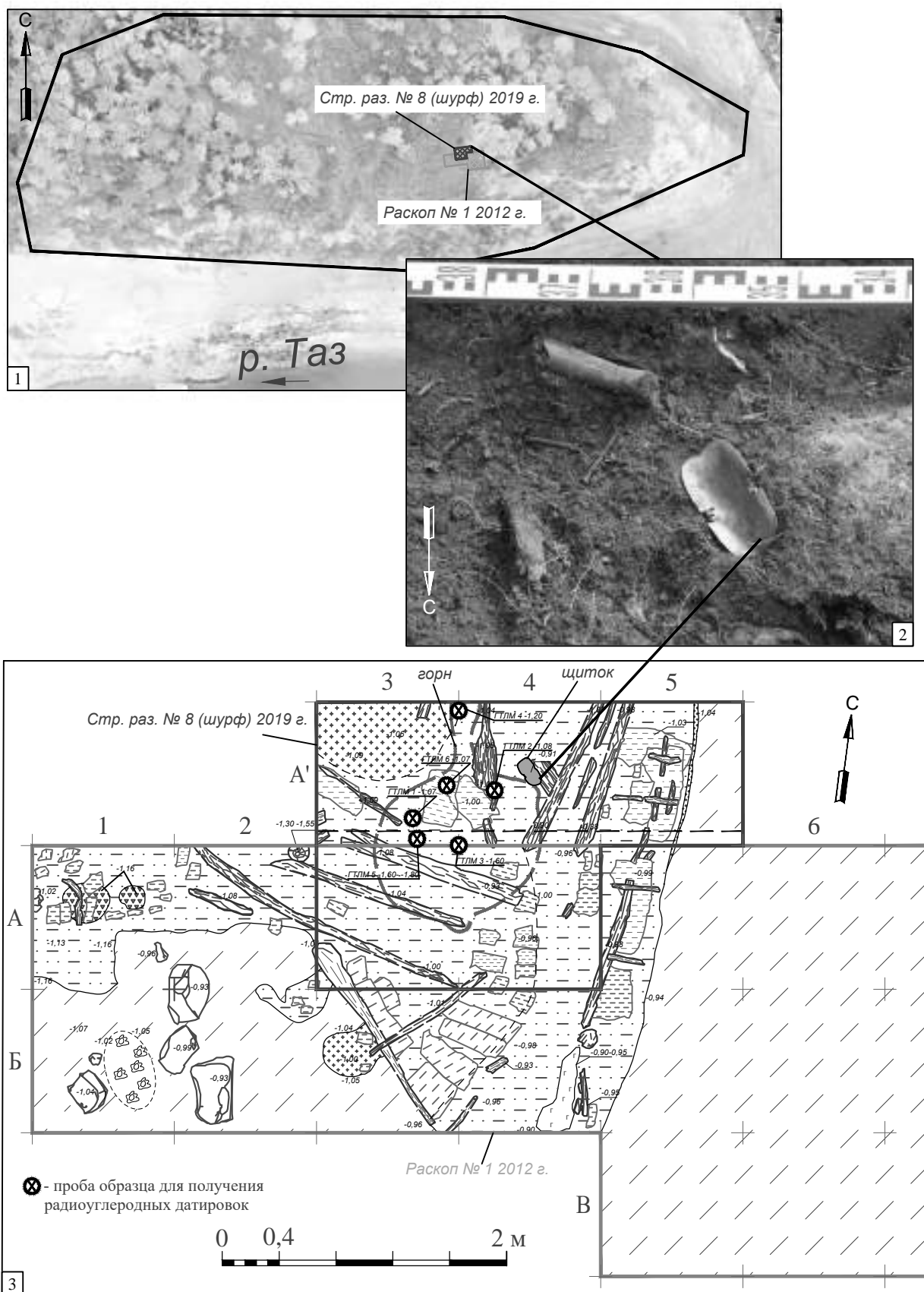

Рис. 2. Щиток для защиты запястья при стрельбе из лука в культурном слое Тазовского городка-мастерской: 1 – ортофотоплан Тазовского городка с обозначением границы памятника, раскопа № 1, стр. раз. № 8 (шурф); 2 – место нахождения щитка «in situ» в культурном слое сооружения № 1; 3 – сводный план раскопа № 1 и стр. раз. № 8 (шурф) с обозначением места нахождения щитка

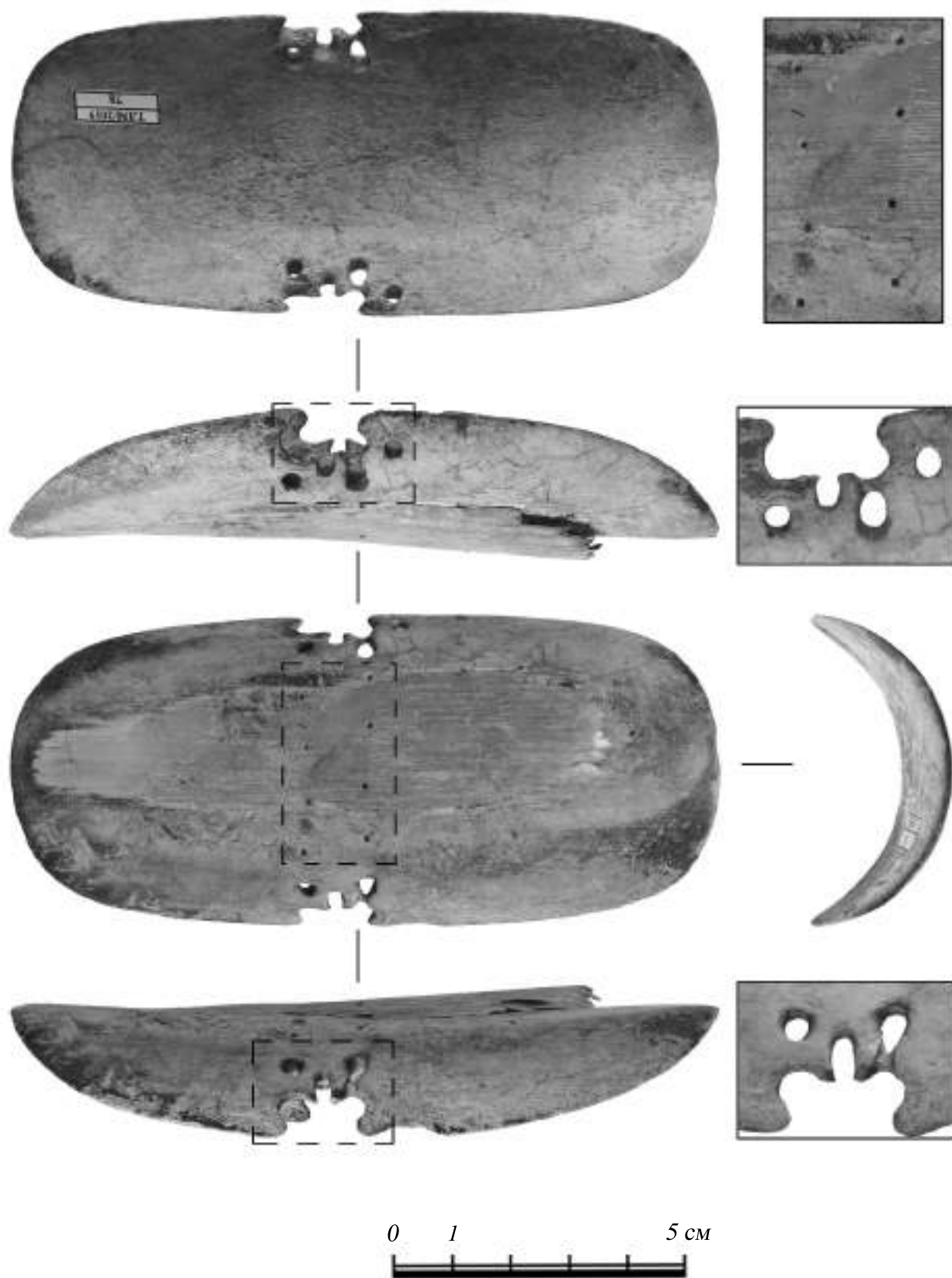

Рис. 3. Щиток для защиты запястья при стрельбе из лука (бивень мамонта). Тазовский городок-мастерская, 2-я пол. XII – XIII в.

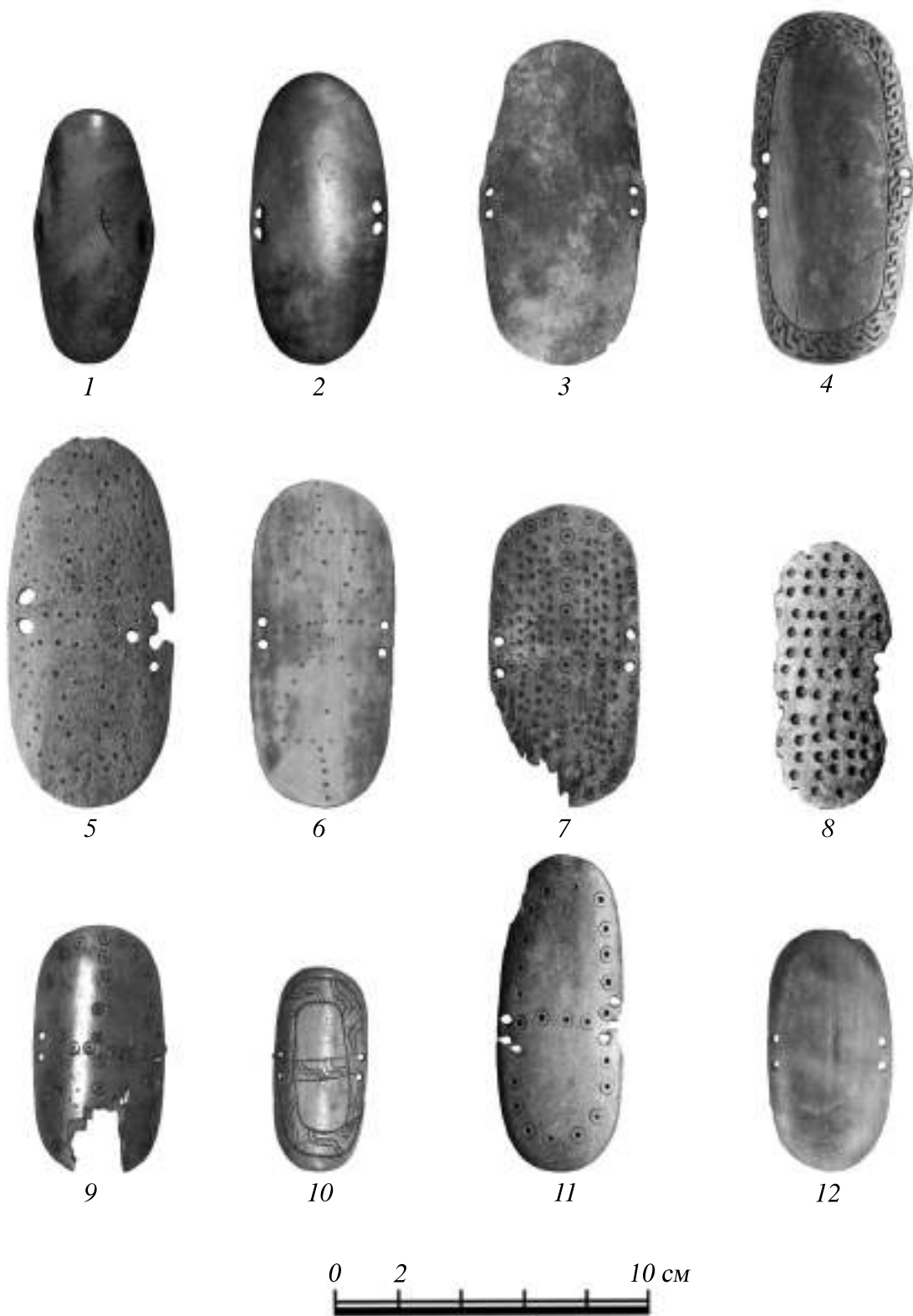

Рис. 4. Щитки для защиты запястья при стрельбе из лука (кость, рог, бивень мамонта). Археологические аналогии: 1 – династия Ляо (X–XII вв.) [2]; 2 – гор. Ярте VI (кон. XI – сер. XII в.) [13]; 3–4 – гор. Бухта Находка (XIII – нач. XIV в.) [14]; 5 – Надымский городок (XIII – нач. XV в.) [17]; 6 – Надымский городок (сер. XV – сер. XVI в.) [17]; 7–8 – Надымский городок (кон. XVI – 1-я тр. XVIII в.) [17]; 9–10 – Войкарский городок (XIV–XIX вв.) [20]; 11 – Полуийский городок (кон. XVI – 1-я тр. XVIII в.) [18]; 12 – гор. Мангазея (XVII в.) [21]

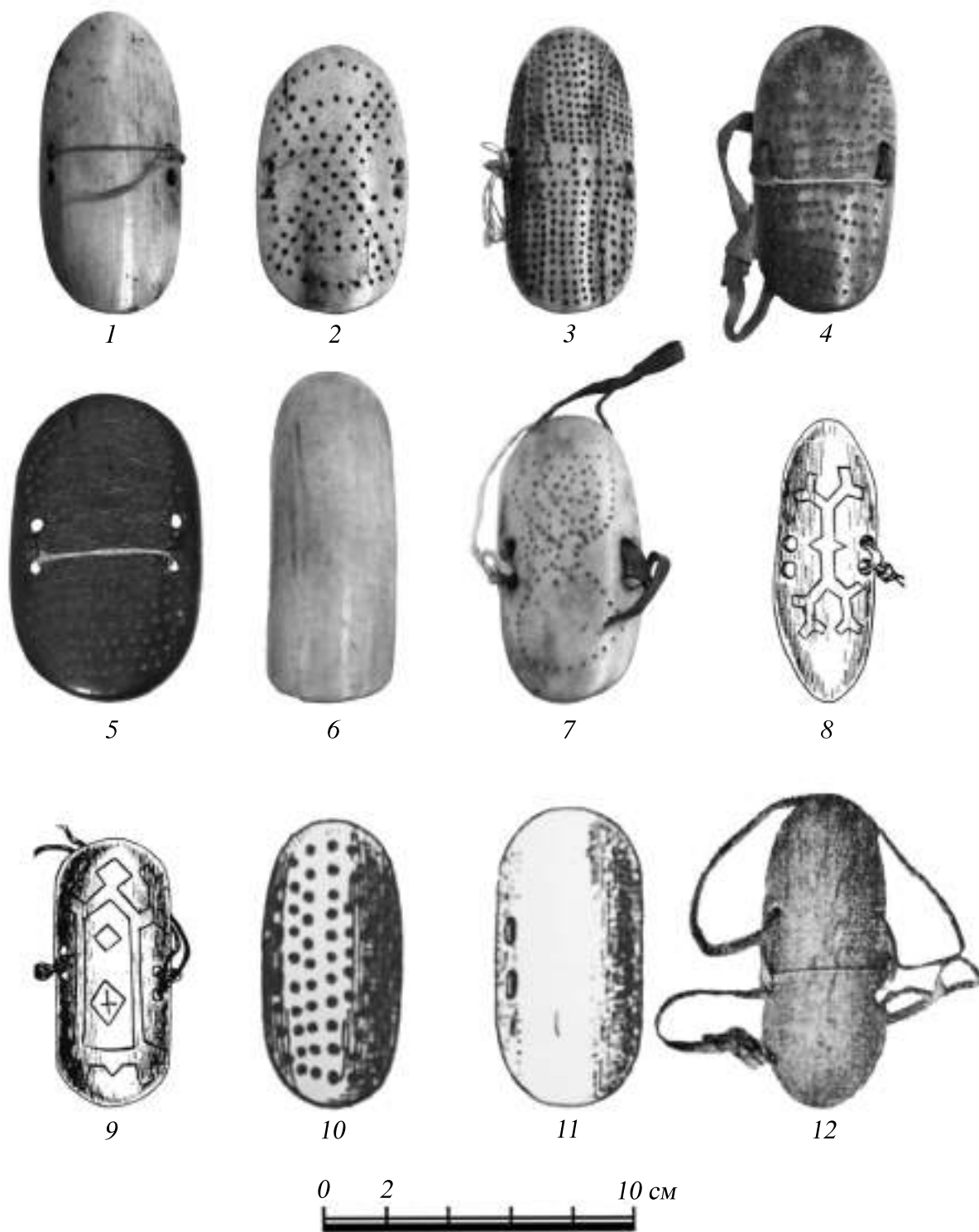

Рис. 5. Щитки для защиты запястья при стрельбе из лука (кость, рог, бивень мамонта). Этнографические аналогии: 1 – манси (кон. XIX – нач. XX в.), Госкаталог № 21871812 [27]; 2 – манси (кон. XIX – нач. XX в.), Госкаталог № 22550775 [27]; 3 – манси (кон. XIX – нач. XX в.), Госкаталог № 21871864 [27]; 4 – манси (кон. XIX – нач. XX в.), Госкаталог № 21871845 [27]; 5 – манси (кон. XIX – нач. XX в.), Госкаталог № 21871855 [27]; 6 – ненцы лесные (1-я четв. XX в.), Госкаталог № 22550782 [27]; 7 – манси (кон. XIX – нач. XX в.), Госкаталог № 21871809 [27]; 8 – берёзовские ханты (дом К. В. Новьюхова), Юхан-курт (Юхонгорт?) [3]; 9 – манси, с. Верхне-Нильдино [3]; 10 – ханты, с. Мужы (кон. XIX в., 1880 г.) [23]; 11 – Малая Пуйкова (кон. XIX в., 1880 г.) [23]; 12 – р. Б. Юган (кон. XIX в., 1891 г.) [24]

УДК 904:576.89(571.121)

DOI 10.34822/2312-377X-2020-1-87-99

Слепченко С. М., Лобанова Т. В., Кардаш О. В.
Slepchenko S. M., Lobanova T. V., Kardash O. V.

**НАДЫМСКИЙ ГОРОДОК: АРХЕОПАРАЗИТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ОБРАЗЦОВ XIV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.**

**NADYMSKY GORODOK: ARCHAEOPARASITOLOGICAL STUDIES
OF SAMPLES OF THE 14th – THE FIRST THIRD OF THE 18th CENTURY**

Проведен археопаразитологический анализ 34 проб грунта, полученных из культурного слоя Надымского городка, расположенного на севере Западной Сибири. Обнаруженные яйца кишечных паразитов трематод *Opisthorchis felineus*, *Alaria alata* и *Diphyllbothrium* sp. позволили реконструировать некоторые стороны жизни населения. Сырая и/или недостаточно термически обработанная рыба была преобладающим источником питания жителей городка и содержащихся ими собак на протяжении не менее 400 лет. Территориальные различия в ареале распространения промежуточных хозяев *Opisthorchis felineus* на территории севера Западной Сибири могут служить основой для реконструкции миграционных и экономических связей местного населения.

The study presents an archaeoparasitological analysis of 34 samples from the occupation layer of Nadym sky gorodok (a small town) located in the North of Western Siberia. The discovered eggs of trematodes such as *Opisthorchis felineus*, *Alaria alata*, and *Diphyllbothrium* sp. allowed reconstructing some life aspects of the Nadym sky gorodok's population. Raw and/or undercooked fish has been the predominant food source for the townspeople and their dogs for at least 400 years. Territorial differences in the distribution area of the intermediary hosts of *Opisthorchis felineus* in the North of Western Siberia could be the basis for the reconstruction of migration and economic relations of the local population.

Ключевые слова: река Надым, Надымский городок, археопаразитология, *Alaria alata*, *Opisthorchis felineus*, *Diphyllbothrium* sp.

Keywords: the Nadym river, Nadym sky gorodok (a small town), archaeoparasitology, *Alaria alata*, *Opisthorchis felineus*, *Diphyllbothrium* sp.

Археопаразитология – направление исследований на стыке паразитологии, археологии и ряда других исторических дисциплин (физической антропологии, этнографии и др.) [1]. Наиболее частыми объектами, используемыми для археопаразитологического исследования, являются копролиты, кишечное содержимое мумий и пробы грунта, отобранные непосредственно с поверхности крестца [2–3].

Пробы грунта, взятые из культурного слоя археологических памятников, реже, но все же неоднократно становились объектами археопаразитологического исследования [4–7]. При этом обнаруженные в пробах грунта из культурных слоев яйца паразитов позволили, кроме предполагаемой диеты, оценить санитарное состояние поселений и факторы риска заражения паразитарными инвазиями и инфекциями [6–9].

Исследование древнего населения Западной Сибири методами археопаразитологии проводится относительно недавно [10]. За это время были изучены различные группы населения как близкого к современности, так и более древнего, относящегося к периоду

средневековья [11–12]. Основой большинства археопаразитологических изысканий на территории севера Западной Сибири были пробы грунта, взятые с поверхности крестцов погребенных, кишечное содержимое мумий либо копролиты животных [11–15]. А образцы культурного слоя, полученные при раскопках поселений, принадлежавших коренному населению Западной Сибири, до сих пор не становились предметом археопаразитологического исследования.

Цель данной работы – на основе археопаразитологических данных, полученных при исследовании проб грунта из культурных слоев различных хронологических периодов существования Надымского городка, дать оценку возможности изменений диеты, контактов и миграций его жителей.

Археологический контекст. «Надымский городок» – населенный пункт коренного населения, функционировавший с XIII до первой трети XVIII в. [16] и расположенный в лесотундровой зоне севера Западной Сибири, в дельте реки Надым (66° 03', 72° 00'). Стационарные раскопки памятника проводились с 1998 по 2016 г. Полученные образцы из разных функциональных зон поселенческого комплекса и всех хронологических горизонтов датированы дендрохронологическим методом. Так как этот археологический памятник имеет мерзлый культурный слой, не оттаивающий в летний период, то весь биологический материал хорошо сохранился.

Изучение архитектуры и материальной культуры Надымского городка периода первой пол. XIII – сер. XV в. свидетельствует о функционировании его как торгово-промысловой фактории, созданной новгородскими первопроходцами. Первые жилые постройки городка характеризуются как славяно-русские [17, с. 355–356]. В дальнейшем городок развивался и достраивался в прямом взаимодействии с местным аборигенным населением. Это подтверждается и вещевым комплексом, содержащим предметы, часть которых связана происхождением с европейским севером, а часть аналогична таковому у древнего аборигенного населения региона [18, с. 383].

На этапе сер. XV – сер. XVI в., с приходом на эти земли предков северных ханты, вероятно, происходят изменения в этническом составе населения, что отражается в архитектуре оборонительно-жилого комплекса городка (ОЖК). Он реконструируется как относительно прямоугольное в плане сооружение, сформированное по периметру насыпной наружной стеной и снабженное двумя входами в виде срубных построек. Внутренне пространство городка составляли срубные дома, почти симметрично размещенные относительно центрального прохода (рис. 1). Снаружи закрытое пространство жилой части окружали сформированные из грунта и строительной щепы многофункциональные хозяйственные площадки (МХП).

Для последнего периода функционирования Надымского городка с конца XVI – до пер. трети XVIII в. достоверно определено, что населенный пункт служил территориально-административным центром, зимней резиденцией вождей Большой Карачеи. Это военно-политическое объединение включало несколько территориальных общин, проживавших в южной части полуострова Ямал и на южном побережье Обской губы в низовьях рек Обь, Надым. Планировочная структура оборонительно-жилого комплекса Надымского городка включала шесть симметричных кварталов, застроенных зданиями разных архитектурных традиций, что, очевидно, отражало неоднородный этнический состав населения, а именно проживание в нем предков ненцев и северных ханты [16, с. 289].

Основным занятием населения во все периоды существования городка были рыболовство, пищевая и пушная охота и собаководство, что подтверждено многочисленными находками костных остатков [16, с. 280–282; 19, с. 272–291]. Лишь на последнем этапе его

функционирования были найдены предметы, свидетельствующие о появлении, по крайней мере, транспортного оленеводства у его жителей [16, с. 177–178]. На более ранних этапах в качестве транспортных животных использовали собак, которых разводили и содержали на городке. Следы пребывания собак (копролиты) были найдены повсеместно, как в оборонительно-жилом комплексе (рис. 2, 3), так и за его пределами. Жизнь в городке в зимний период в условиях полярной ночи и низких температур не способствовала соблюдению принципов личной гигиены у его жителей. Культурный слой как внутри ОЖК, особенно в пространстве центрального прохода и между постройками, так и на площадках содержал большое количество копролитов человека (рис. 4) и следов хозяйственной деятельности – чешуи и костей рыб, костей животных, в том числе и остатки почти целых тушек пушных зверей – песцов, соболей, лисиц (рис. 5, 6).

Материалы и методы. Основой для архипаразитологического исследования послужили 34 пробы грунта, каждая объемом до 100 граммов, отобранные во время раскопок Надымского городка, проводимых в 2001, 2003–2005, 2007, и 2016 гг. Отбор проб осуществлялся с соблюдением мер предосторожности, препятствующих контаминации, непосредственно во время раскопок из различных функциональных площадок оборонительно-жилого комплекса, западной (хозяйственной) многофункциональной площадки и южной (ритуальной) многофункциональной площадки Надымского городка. Критерием отбора была визуально хорошая сохранность органического материала. Кроме того, пробы отбирались из хронологически и стратиграфически различных слоев с целью равномерного охвата всего периода существования Надымского городка. Датировка образцов грунта была проведена по результатам дендрохронологического исследования и археологическим артефактам, обнаруженным в стратиграфических слоях, из которых они были отобраны. В качестве контрольного образца использовались пробы грунта, набранные вне территории проведения археологических раскопок.

Затем пробы грунта подсушивались, упаковывались в герметичные пластиковые пакеты и маркировались. Хранение осуществлялось в Музее Института экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург. В 2017 г. пробы для дальнейшей работы были транспортированы в Тюменский научный центр, где в лабораторных условиях пробы грунта весом от 10 до 30 граммов были помещены в 0,5%-й раствор фосфата натрия (Na_3PO_4) [19]. Далее обработка проб велась по неоднократно описанной стандартной схеме [20].

Результаты. При исследовании образцов грунта из культурного слоя, независимо от хронологического периода функционирования Надымского городка, были обнаружены яйца гельминтов трех типов (табл.).

Таблица

**Виды кишечных паразитов, яйца которых были обнаружены в культурных слоях
Надымского городка**

№ пп.	Объект*	Вид паразитов	Датировка слоя, века
1	ОЖК	–	XIV (контрольная проба)
2	ОЖК	<i>Diphyllobothrium</i> sp. <i>Opisthorchis felineus</i>	XIV
3	ОЖК	<i>Diphyllobothrium</i> sp.	Сеп. XIV – XV
4	ОЖК	<i>Diphyllobothrium</i> sp.	Сеп. XIV – XV
5	ОЖК	<i>Diphyllobothrium</i> sp.	Сеп. XIV – XV

Окончание таблицы

6	МХП	<i>Diphyllobothrium</i> sp. <i>Opisthorchis felineus</i> <i>Alaria alata</i>	Сер. XIV – XV
7	МХП	<i>Diphyllobothrium</i> sp.	Сер. XIV – XV
8	МХП		XV
9	МХП	<i>Diphyllobothrium</i> sp.	XV
10	МХП	<i>Diphyllobothrium</i> sp.	XV
11	МХП	–	XV
12	МХП	–	Сер. XV – XVI
13	МХП	<i>Diphyllobothrium</i> sp.	Сер. XV – XVI
14	МХП	<i>Diphyllobothrium</i> sp.	Сер. XV – XVI
15	МХП	<i>Diphyllobothrium</i> sp.	Сер. XV – XVI
16	МХП	<i>Diphyllobothrium</i> sp.	Сер. XV – XVI
17	МХП	–	Сер. XV – XVI
18	ОЖК	<i>Diphyllobothrium</i> sp.	XVI
19	ОЖК	–	XVI
20	ОЖК	–	XVI
21	ОЖК	–	XVI
22	ОЖК	–	XVI
23	ОЖК	–	XVI
24	ОЖК	<i>Diphyllobothrium</i> sp.	Нач. XVII
25	ОЖК	<i>Diphyllobothrium</i> sp.	Нач. XVII
26	ОЖК	<i>Diphyllobothrium</i> sp.	Нач. XVII
27	ОЖК	<i>Diphyllobothrium</i> sp. <i>Opisthorchis felineus</i>	Сер. XVII
28	ОЖК	<i>Diphyllobothrium</i> sp.	Кон. XVII
29	МХП	<i>Diphyllobothrium</i> sp. <i>Opisthorchis felineus</i> <i>Alaria alata</i>	XVII
30	ОЖК	<i>Diphyllobothrium</i> sp. <i>Opisthorchis felineus</i>	Кон. XVII – нач. XVIII
31	ОЖК	–	XVII – нач. XVIII
32	МХП	<i>Diphyllobothrium</i> sp.	XVII – нач. XVIII
33	МХП	<i>Diphyllobothrium</i> sp.	XVII – нач. XVIII
34	МХП	<i>Diphyllobothrium</i> sp.	XVII – нач. XVIII

Примечание: *ОЖК – оборонительно-жилищный комплекс; МХП – многофункциональные хозяйственные площадки.

Яйца первого типа имели овальную форму, светло-коричневый цвет и «крышечку» (рис. 7). На противоположном от крышечки конце имелась небольшая выпуклость. Средний диаметр обнаруженных яиц составил 82,1–62,4 мкм × 66,1–37,8 мкм. Основываясь на вышеперечисленных морфологических признаках, можно предположить, что яйца, обнаруженные во всех хронологических слоях (23 случая из 34, что составляет 67,6 %), принадлежат роду *Diphyllobothrium* sp. (табл.).

Яйца второго типа имели следующую морфологию: овальную форму, светло-желтый цвет оболочки, отсутствие оперкула (скорлуповидного штырька – утолщения на противоположном от места прикрепления крышечки). На некоторых яйцах в месте прикрепления

оперкулула имеет слабо выраженный валик, на противоположном полюсе яйца – скорлуповый штырек (рис. 9). Размер яиц колеблется от 34,25–32,39 μm в длину и 24,5–18,01 μm в ширину. Учитывая морфологию яиц и их размеры, можно предположить, что они принадлежат трематодам *Opisthorchis felineus*, яйца которых обнаружены в 4 пробах из 34 (11,8 %), датированных XIV – сер. XV и XVII – нач. XVIII в. (табл.).

Яйца третьего типа имели овальную форму, светло-коричневый цвет оболочки. Оперкулум и скорлуповидный штырек во всех обнаруженных яйцах данного типа отсутствовали (рис. 8). Размер яиц составил: от 101,3–120,4 – в длину и от 58,6–65,8 – в ширину. Учитывая данные морфологии обнаруженных яиц, предполагается, что они принадлежат к трематодам вида *Alaria alata*. Паразиты данного вида были обнаружены в двух пробах (5,9 %), датированных XIV – сер. XV в. (табл.).

Из восемнадцати образцов, отобранных в оборонительно-жилищном комплексе, в одиннадцати (61 %) были обнаружены яйца *Diphyllobothrium* sp. и *Opisthorchis felineus*. А в двенадцати из 16 отобранных проб (75 %) вне оборонительно-жилищного комплекса были обнаружены яйца *Diphyllobothrium* sp., трематоды *Opisthorchis felineus* и *Alaria alata*. Статистически достоверных различий в обсемененности проб яйцами паразитов между оборонительно-жилым комплексом и многофункциональными хозяйственными площадками обнаружено не было (χ^2 Yates = 0.138).

Обсуждение. Как показало наше исследование, спектр паразитов, определенный при археопаразитологическом анализе проб грунта из культурного слоя Надымского городка, сходен со спектрами, обнаруженными при исследовании других археологических памятников Западной Сибири, имевших четкую привязку к человеку или животным [10]. Например, яйца гельминта *Diphyllobothrium* sp. и яйца *Opisthorchis felineus* были обнаружены в копролитах животных, кишечном содержимом мумий и пробах почвы, взятых с поверхности крестца у погребенных с периода раннего средневековья и до времени близкого к современности [11, 12, 14]. А яйца *Alaria alata* были обнаружены при раскопках Надымского городка в трех копролитах собак, датированных XVII–XVIII вв. [15]. Указание на обнаружение яиц кишечных паразитов в пробах грунта, имеющих привязку только к культурному слою археологического памятника, известно только в одном случае: яйца *Diphyllobothrium* sp. были обнаружены в двух пробах культурного слоя, полученных при раскопках позднесредневекового русского города Мангазея [21, с. 336].

Факт обнаружения яиц кишечных паразитов в пробах культурного слоя сложен для интерпретации, ввиду невозможности строго судить о принадлежности этих яиц человеку или же животным и птицам. Источником яиц *Diphyllobothrium* sp. и *Opisthorchis felineus* в пробах грунта культурного слоя Надымского городка могли стать как человек, так и дикие и домашние животные или птицы. Однако обнаружение яиц этих гельминтов в пробах, отобранных внутри оборонительно-жилого комплекса и внутри жилых построек, куда доступ диких животных и птиц a priori отсутствовал, позволяет сузить число предполагаемых источников яиц паразитов – это человек и собака. Отсутствие указаний на наличие туалетов у коренного населения Западной Сибири, как по данным археологии, так и по данным этнографии, и наличие копролитов собак, обнаруженных внутри построек оборонительно-жилого комплекса, делает эту версию, на наш взгляд, обоснованной [16].

Наличие в некоторых образцах яиц трематоды *Alaria alata* также может указывать на собак как на источник яиц и других обнаруженных гельминтов. Эти данные подтверждаются обнаружением яиц этого гельминта в копролитах собак, отобранных вне оборонительно-жилого комплекса Надымского городка [15].

Большое количество яиц *Diphyllobothrium* sp. и наличие в некоторых пробах яиц *Opisthorchis felineus* и яиц *Alaria alata* вне оборонительно-жилого комплекса, вероятно,

связано с деятельностью человека, так как при отсутствии туалетов его территория могла использоваться как отхожее место. Имевшиеся в Надымском городке собаки также могли внести свой вклад в обсемененность яйцами *Diphyllbothrium* sp. территории вокруг жилого комплекса. Кроме того, нельзя исключить, что определенная доля яиц *Diphyllbothrium* sp. вне оборонно-жилищного комплекса могла принадлежать и диким животным, например песцу, гниющие остатки которого, в том числе и кишечник, могли стать источником яиц этого паразита. Одним из доказательств этого могут являться многочисленные находки остатков от тушек песца на территории Надымского городка [16, с. 32].

Интересен тот факт, что отсутствуют различия в загрязненности яйцами *Diphyllbothrium* sp. исследованных проб между хронологическими периодами с XIV по XVIII в. В первую очередь это может говорить о том, что, вероятно, на протяжении не менее четырехсот лет сырая или недостаточно термически обработанная рыба была преобладающим источником питания обитателей Надымского городка, в том числе и собак.

Наличие яиц *Opisthorchis felineus* в пробах грунта из Надымского городка также является свидетельством употребления в пищу сырой рыбы. Но в данном случае интересно другое наблюдение. Общеизвестно, что на территории Западной Сибири находится гиперэндемический участок по заболеваемости описторхозом, в своих границах совпадающий с Обь-Иртышским бассейном. На реке Надым, ввиду отсутствия условий для существования промежуточных хозяев (*Bithynia tentaculata*), природные очаги описторхоза отсутствуют [22]. Таким образом, заражение людей/собак описторхозом не могло происходить на территории Надымского городка и на реке Надым в целом, а наиболее вероятным местом заражения являлись реки Обь-Иртышского бассейна. Все пробы, содержащие яйца *Opisthorchis felineus*, отобраны из слоев, датированных XIV–XV и XVII–XVIII вв. Хотя это не исключает контакты населения Надымского городка с населением Обь-Иртышского бассейна или миграции и в другие хронологические промежутки, но, вероятно, что именно в XIV–XV и XVII–XVIII вв. эти контакты/миграции были наиболее интенсивными. На наш взгляд, наличие яиц *Opisthorchis felineus* в пробах XIV–XV вв. может отражать первоначальный этап заселения Надымского городка выходцами с территории Обь-Иртышского бассейна или мигрантами, которые имели контакты с обским населением. Данное заключение согласуется с выводами, сделанными на основании анализа археологических материалов, в частности архитектуры и группы предметов материальной культуры, находящихся наиболее близкие аналогии в памятниках Северо-Восточной Европы – средневековых земель Новгородской республики [5].

Наличие яиц описторхов в пробах последнего хронологического периода, приходящегося на конец XVI – пер. треть XVIII в., связано с новым этапом колонизации обского Севера Московским царством, характеризующимся строительством русских городов, острогов и активным функционированием транспортных коммуникаций, в частности Мангазейского морского хода, проходившего близ Надымского городка. Это обстоятельство явно способствовало большей подвижности населения, увеличению контактов с территориями Обь-Иртышского бассейна [16]. Кроме этого, из документальных источников известно, и это подтверждается археологическими материалами, что жители Надымского городка организовывали и принимали участие в военных операциях против населения как низовий Оби, так и регионов европейского северо-востока вплоть до р. Мезень, расположенной на территории европейского севера России. То есть практически ежегодно населением Надымского городка совершались боевые грабительские операции как в зимний, так и в летний период, перемещаясь через акваторию реки Оби [23]. Таким образом, для Надымского городка описторхоз становится маркером степени интенсивности экономических, миграционных (в том числе военных) взаимодействий его жителей с Обь-Иртышским бассейном.

Заключение

На данный момент, подавляющее большинство археопаразитологических исследований древнего населения севера Западной Сибири было выполнено на объектах, имеющих четкую привязку к человеку или животным (пробы грунта с поверхности крестца, копролиты, кишечное содержимое мумий). При этом практически отсутствуют работы, посвященные археопаразитологическому исследованию образцов грунта из культурного слоя поселений коренного населения севера Западной Сибири. В представленном исследовании продемонстрировано, что пробы культурного слоя, полученные при раскопках поселений, перспективны, так как позволяют получить дополняющую археологические данные информацию о диете и миграциях населения севера Западной Сибири. Еще одним важным моментом, характеризующим археопаразитологические исследования проб культурного слоя, является возможность отбора проб из хронологически различных стратиграфических слоев, что позволяет проследить изменения диеты и миграции на протяжении всего времени существования археологического памятника.

Литература

1. Reinhard K. J., Slepchenko S. M., Shin D. H. Archaeoparasitology. Encyclopedia of Global Archaeology, Cham.: Springer International Publishing, 2018. P. 1–9. DOI 10.1007/978-3-319-51726-1_3335-1.
2. Reinhard K. J., Confalonieri U. E., Herrmann B., Ferreira L. F., Araújo A. Recovery of Parasite Remains from Coprolites and Latrines: Aspects of Paleoparasitological Technique // *Homo*. 1986. No 37 (4). P. 217–239. DOI 10.1080/13600800903440543.
3. Bouchet F., Guidon N., Dittmar K., Harter S., Ferreira L. F., Chaves S. M., Reinhard K. J., Araujo A. Parasite Remains in Archaeological Sites // *Memorias Instituto Oswaldo Cruz*. 2003. No 98 (sup. 1). P. 47–52. DOI 10.1590/S0074-02762003000900009.
4. Shin D. H., Oh C. S., Shin Y. M., Cho C. W., Ki H. C., Seo M. The Pattern of Ancient Parasite Egg Contamination in the Private Residence, Alley, Ditch and Streambed Soils of Old Seoul City, the Capital of Joseon Dynasty // *International Journal Paleopathology*. 2013. No. 3 (3). P. 208–213. DOI 10.1016/j.ijpp.2013.04.002.
5. Maicher C., Hoffmann A., Côté N. M., Palomo Pérez A., Saña Seguí M., Le Bailly M. Paleoparasitological Investigations on the Neolithic Lakeside Settlement of La Draga (Lake Banyoles, Spain) // *The Holocene*. 2017. No 27 (11). P. 1659–1668. DOI 10.1177/0959683617702236.
6. Maicher C., Bleicher N., Le Bailly M. Spatializing Data in Paleoparasitology: Application to the Study of the Neolithic Lakeside Settlement of Zürich-Parkhaus-Opéra, Switzerland // *The Holocene*. 2019. No 29 (7). P. 1198–1205. DOI 10.1177/0959683619838046.
7. Cho P. Y., Park J.-M., Hwang M.-K., Park S. H., Park Y. K., Jeon B. Y., Tong-Soo Kim T. S., Lee H. W. Discovery of Parasite Eggs in Archeological Residence during the 15th Century in Seoul, Korea // *Korean Journal Parasitology*. 2017. No 55 (3). P. 357–361. DOI 10.3347/kjp.2017.55.3.357.
8. Kim M. J., Seo M., Oh C. S., Chai J.-Y., Lee J., Kim G.-J., Ma W. Y., Choi S. J., Reinhard K., Araujo A., Shin D. H. Paleoparasitological Study on the Soil Sediment Samples from Archaeological Sites of Ancient Silla Kingdom in Korean Peninsula // *Quaternary International*. 2016. No 405. P. 80–86. DOI 10.1016/j.quaint.2015.02.007.
9. Shin D. H., Oh C. S., Lee S. J. Paleoparasitological Study on the Soils Collected from Archaeological Sites in Old District of Seoul City // *Journal Archaeological Science*. 2011. No 38 (12). P. 3555–3559. DOI 10.1016/j.jas.2011.08.024.
10. Slepchenko S., Reinhard K. Paleoparasitology and Pathoecology in Russia: Investigations and Perspectives // *International Journal Paleopathology*. 2018. No 22. P. 39–44. DOI 10.1016/j.ijpp.2018.03.005.

11. Slepchenko S. M., Ivanov S. N., Bagashev A. N., Tsybankov A. A., Slavinsky V. S. Traditional Living Habits of the Taz Tundra Population: A Paleoparasitological Study // *Korean Journal Parasitology*. 2016. No 54 (5). P. 617–623. DOI 10.3347/kjp.2016.54.5.617.
12. Slepchenko S., Kardash O., Ivanov S., Afonin A., Shin D. H., Hong J. H. The Buchta-Nakhodka 2 Burial Ground: Results of Archaeoparasitological and Macro-Remains Investigations of Samples from the Burial Grounds of the 6th–13th Century CE on the Yamal Peninsula in Russia // *Journal Archaeological Science: Reports*. 2019. No 23. P. 791–799. DOI 10.1016/j.jasrep.2018.10.039.
13. Slepchenko S. M., Ivanov S. N. Paleoparasitological Analysis of Soil Samples from the Kikki-Akki Burial Ground of the 17th–19th Centuries in West Siberia, Russia // *Journal Archaeological Science: Reports*. 2015. No 2. P. 467–472. DOI 10.1016/j.jasrep.2015.04.007.
14. Slepchenko S. M., Ivanov S. N., Gusev A. V., Svyatova E. O., Fedorova N. V. Archaeoparasitological and Palynological Analysis of Samples from the Intestinal Contents of a Child Mummy from the Zeleniy Yar Burial Ground (12–13th Centuries AD) // *Archaeological Research in Asia*. 2018. No 17. P. 133–136. DOI 10.1016/j.ara.2018.10.005.
15. Сивкова Т. Н., Косинцев П. А., Кардаш О. В. Палеопаразитологическое исследование копролитов собак (*Canis familiaris* L., 1758) из раскопок «Надымского городка» XVII–XVIII веков // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2018. № 20. С. 621–625.
16. Кардаш О. В. Надымский городок. Екатеринбург ; Нефтеюганск : Изд-во «Магеллан», 2009. 360 с.
17. Кардаш О. В., Липс С. А., Сидорова М. О., Мыглан В. С., Лобанова Т. В. Надымский городок: Новые данные о хронологии и русском освоении севера Западной Сибири в XIII–XIV веках // *Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV веках: Свод источников и исследований : сборник мат-лов Всероссийской научной конференции (г. Сургут, 1–5 октября 2018 года) : в 2 частях / отв. ред. В. А. Лапшин. Сургут ; Нефтеюганск ; Екатеринбург : Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. Часть I. С. 346–381.*
18. Гайдакова З. Г., Кардаш О. В., Липс С. А., Надымский городок: вещевой комплекс восточно-европейского происхождения XIII–XV веков // *Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV веках: Свод источников и исследований : сборник материалов Всероссийской научной конференции (г. Сургут, 1–5 октября 2018 года) : в 2 частях / отв. ред. В. А. Лапшин. Сургут ; Нефтеюганск ; Екатеринбург : Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. Часть I. С. 382–406.*
19. Callen E. O., Cameron T. W. M. A Prehistoric Diet Revealed in Coprolites // *New Scientist*. 1960. No 8 (190). P. 35–40.
20. Slepchenko S. M., Ivanov S. N., Vybornov A. V., Tsybankov A. A., Slavinsky V. S., Lysenko D. N., Matveev V. E. *Taenia* sp. In Human Burial from Kan River, East Siberia // *Memorias Do Instituto Oswaldo Cruz*. 2017. No 112 (5). P. 387–390. DOI 10.1590/0074-02760160442.
21. Историческая экология населения севера Западной Сибири / Г. П. Визгалов [и др.]; под общ. ред. П. А. Косинцева. – Нефтеюганск : Институт археологии севера ; Екатеринбург : Издательство АМБ, 2013. – 376 с.
22. Беер С. А. Биология возбудителя описторхоза М. : Товарищество науч. изд. КМК, 2005. 336 с.
23. Кардаш О. В. «100-летняя война Пустозерска и Большой Карачеи XVII–XVIII вв. (по результатам комплексных исследований Пустозерского и Надымского городищ) // *От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. : мат-лы науч. конф. (г. Москва, 20–22 ноября 2013 г.)*. Москва ; Вологда : ИА РАН, 2016. С. 366–378.

Рис. 1. Надымский городок. Слой середины XVI в. Общий вид памятника

Рис. 2. Надымский городок. Слой кон. XIV в. Копролиты собаки около жилых построек

Рис. 3. Надымский городок. Слой XVII в. Копролиты собаки в заполнении постройки № 7

Рис. 4. Надымский городок. Слой кон. XIV в. Копролиты человека в межжилищном пространстве

Рис. 5. Надымский городок. Слой середины XVI в. Скелет рыбы и кости зайца в заполнении постройки № 10

Рис. 6. Надымский городок. Слой XV в. Остатки тушки песка в заполнении хозяйственной постройки

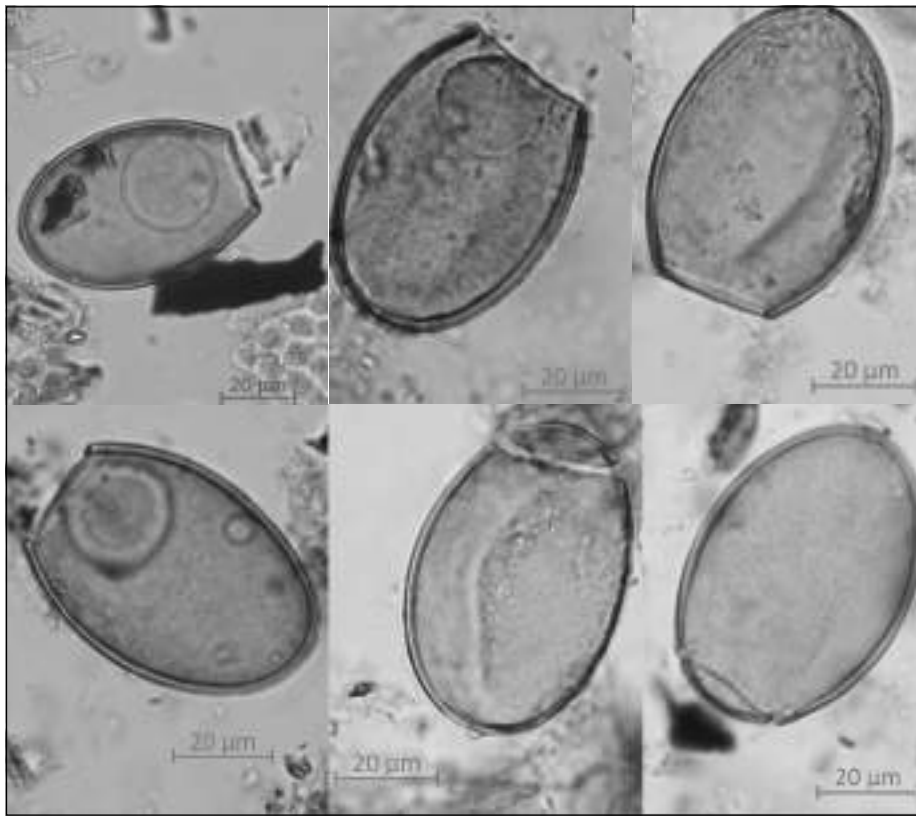

Рис. 7. Надымский городок. Яйца кишечных паразитов *Diphyllbothrium* sp., обнаруженные при исследовании проб культурного слоя

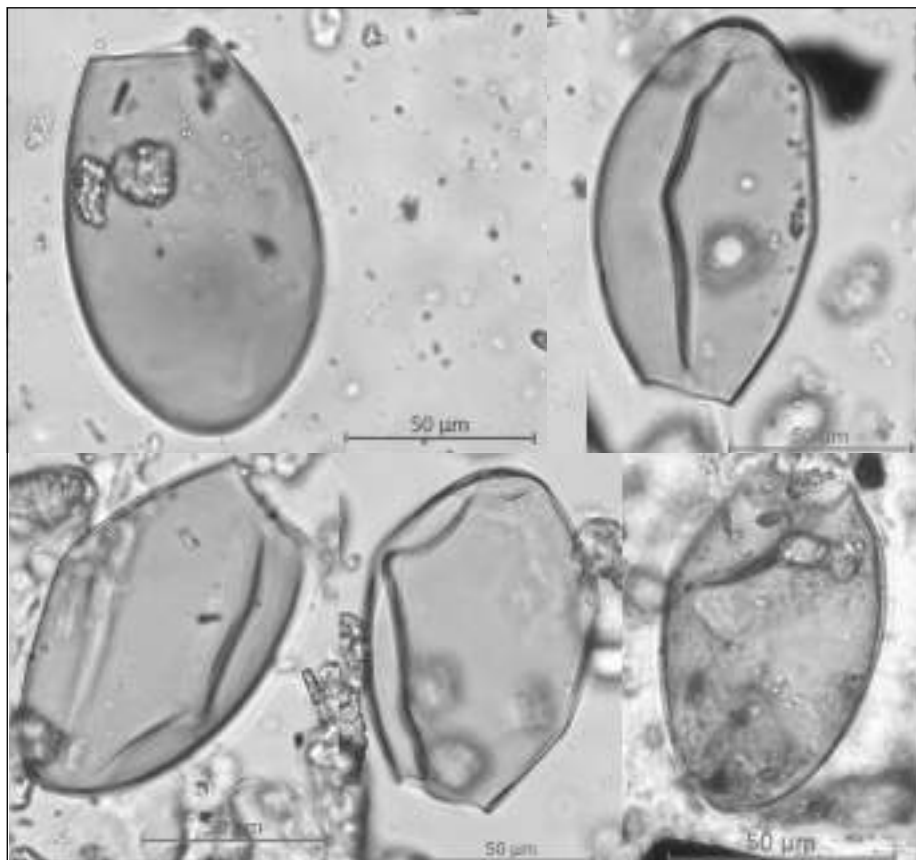

Рис. 8. Надымский городок. Яйца кишечных паразитов *Alaria alata*, обнаруженные при исследовании проб культурного слоя

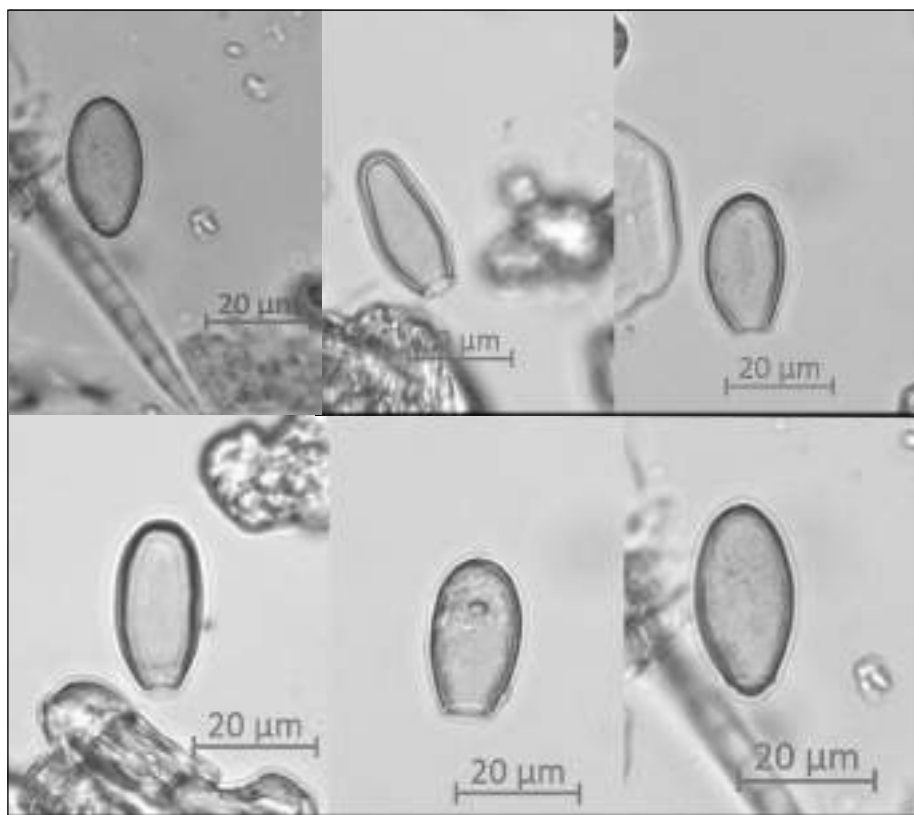

Рис. 9. Надымский городок. Яйца кишечных паразитов *Opisthorchis felineus*, обнаруженные при исследовании проб культурного слоя

УДК 794(091)+904(571.121)

DOI 10.34822/2312-377X-2020-1-100-111

Пархимович С. Г.
Parkhimovich S. G.

**НАСТОЛЬНЫЕ ИГРЫ В СИБИРСКИХ ГОРОДАХ
В КОНЦЕ XVI – XVIII в.: ТАВЛЕИ**

**BOARD GAMES IN SIBERIAN TOWNS
AT THE END OF THE 16th–18th CENTURIES: TAVLEI**

Статья посвящена азартной настольной игре «тавлеи» (она же «нарды», «шеш-беш» на Востоке и «триктрак» в Европе), известной на Руси с XIV–XV вв., а в сибирских городах и острогах – с конца XVI по XVIII в. Рассматриваются археологические свидетельства об этой игре, встреченные при раскопках Мангазейского городища и других русских сибирских городов и острогов: костяные фишки, или шашки, игральные кости и уникальная мангазейская находка – первая на территории России тавлейная доска (начало XVII в.).

The article is devoted to the gambling board game "Tavlei" (aka "Backgammon", "Shesh Besh" in the East and "tric-trac" in Europe), known in Russia from the 14th–15th centuries, and in Siberian cities and ostrogs (forts) from the late 16th to 18th centuries. The archaeological evidence about this game is examined. The evidence was found during the excavation of the Mangazeya settlement and other Russian Siberian towns and forts: bone chips, or checkers, dice, and the unique mangazeiskaya discovery that is the first in Russia tavlei board (the early 17th century).

Ключевые слова: тавлеи, тавлейная доска, игральные кости, шашки, фишки, зернь, Мангазея, сибирские города.

Keywords: tavlei (tafl game), tavlei board, dice, checkers, chips, zern (grains), Mangazeya, Siberian towns.

Проблема появления и распространения настольных игр на Руси заинтересовала исследователей еще в начале XIX в., когда шахматные теоретики И. Г. Бутримов и К. А. Яниш, а вслед за ними историки А. Н. Грачевский и М. К. Гоняев попытались выяснить истоки и пути проникновения шахматной культуры в древнерусское общество [1, с. 4–6]. Вплоть до 1940-х гг. освещение игорной тематики ограничивалось главным образом скухими сведениями из письменных источников и красочными, но запутанными описаниями в былинных эпизодах. Поэтому долгое время исследования носили характер этимологических упражнений с шахматной терминологией и фиксации позиций государственной и церковной властей по отношению к азартным настольным играм, к которым источники XIV–XVI вв. причисляли шахматы («шахы»), «тавлеи» и «леки» («лекы», «лейкы») [2, с. 100–101; 1, с. 5–8, 22–42, 106–109].

До конца XVI в. эти игры упоминались исключительно в церковных посланиях и поучениях, где они осуждались как занятия «богомерзкие» и «бесовские», а в XVII в. азартные настольные игры стали фигурировать в документах приказного делопроизводства, государственных указах и наказах, а также в многочисленных челобитных. Примечательно, что ко второй половине XVI в. термин «леки» из текстов исчез, зато наряду с «шахматами» и «тавляями» стала упоминаться «зернь». С конца XVI в. широкое распространение получила популярная в Западной Европе картежная игра, бумажные карты которой завозились в Московское государство большими партиями.

Из перечисленных игр в комментариях не нуждаются разве что шахматы и карты, содержательная сторона прочих является предметом неясным и спорным – какие-либо их описания в письменных источниках отсутствуют. Исследователи выдвинули различные интерпретации архаичных ныне названий игр. Так, например, по поводу термина «тавлеи» Г. Ф. Корзухина заметила, что он относился, скорее, только к игровой доске, на которой велись игры в шахматы и «леки». Игра в «леки» («лики»), по ее мнению, была основана на подсчете очков, ходов, клеток, т. к. в польском и белорусском языках слово «лик» означает «счет, число, количество». Следовательно, в этой игре, кроме шашек или фишек, использовались «игральные кости с глазками» [2, с. 100]. При этом она опиралась на мнение Б. А. Рыбакова об отождествлении названия игровых досок с «тавлеей», однако в его работе такого утверждения вовсе нет, напротив, он говорил об *игре «тавлей»* (выделено мною. – С. П.), с которой связывал найденные в Новгороде Великом и Пскове доски XII–XIII вв. с резными «вавилоннами» – системой вписанных квадратов [3, с. 88].

По мнению И. М. Линдера, в XVI–XVII вв. «тавляеми» на Руси называлась пришедшая с Востока игра в «кости», которая ранее называлась «леки» и «зернь» [1, с. 102].

Трактуя эти термины, авторы опирались прежде всего на их немногочисленные упоминания в текстах XIV–XVI вв. При этом архаичные термины «тавлеи», «леки» и «зернь» рассматривались ими попутно, поэтому их замечания и выводы относительно значения этих слов представляют собой, скорее, догадки и предположения, не все из которых являются безупречно аргументированными.

Обращение к выдержкам из письменных источников, на которые ссылались оба автора, убеждает, что предложенные ими трактовки термина «тавлеи» несостоятельны. В источниках «тавлеи» перечисляются в одном ряду с «шахматами», «леками» или «зернью»: «Тавлеи и шахы в многих вас обретаемы суть...»; «И биричьем играют, и шахы, и леки, и тавлеи...»; «...игают... и зернью, и шахматы, и тавлесьми...»; «...и зернию и шахматы и тавлеи... творят» [2, с. 100; 1, с. 106, 108]. Это обстоятельство указывает на то, что для средневековых авторов перечисленные термины означали явления одного порядка, а именно разные самостоятельные игры.

Путаный характер описаний игр в этих эпизодах привлек внимание исследователей былин еще в XIX в. Первым на это обстоятельство обратил внимание известный историк искусств В. В. Стасов: «...богатыри наших былин нередко играют в какую-то игру на шахматной доске; песни иной раз называют эту игру «шашки-шахматы» и тут же прибавляют: «тавлеи немецкия». Казалось бы, на первый взгляд, естественнее всего предположить, что здесь речь идет об игре в шахматы. Но это совсем не так. Описывая калмыцкий образ жизни и нравы, Бергман рассказывает, что у калмыков в большом употреблении одна персидская игра, которую калмыки зовут *нарр*, а русские *тавляея*. Она похожа на европейский триктрак. Играют на низеньком столе; у каждого игрока есть по 6-ти мест (квадратов), по которым мечут белые и черные камешки. Эта азартная игра любима на Востоке с глубокой древности [4, с. 303].

Известный фольклорист О. Ф. Миллер объяснил употребление разнородных терминов в былинных описаниях тем, что «...тут, по-видимому, эпически наслоились две различных игры» [5, с. 508]. Позднее с «коллегами по цеху» согласился советский фольклорист В. Я. Пропп, который, процитировав выдержку из былины, где Добрыня Никитич играл с Батыем «тавляеюшками вольящатыми» (т. е. точеными, или резными), пришел к выводу, что певец спутал тавлеи – «особую игру в кости, требующую большой ловкости» – с шахматами. Он выразил уверенность, что первоначально в былине фигурировала именно эта игра, а впоследствии она была вытеснена шахматами, известными лишь понаслышке [6, с. 364].

Мнение Проппа не разделил И. М. Линдер, отстаивавший хронологический приоритет шахмат на Руси перед тавлеями. Не будучи специалистом по русскому фольклору, он разделил мнения знатоков былин о природе путаниц в описаниях игр, назвав эти описания «бессмыслицей». Однако для одного из вариантов былинных эпизодов И. М. Линдер сделал исключение. В выражении «играют в шашки-шахматы во тьи велеи золоченыя» (О. Ф. Миллер вслед за издателями русских былин справедливо отметил, что написание «велеи» («*тьи велеи*») требует исправления на «тавлеи» [5, с. 508]) он почему-то увидел «...совершенно конкретный смысл: фигуры («шашки»), игра с доской («велеи») и само название игры («шахматы») [1, с. 104]. Какими-либо доказательствами такое прочтение былинной «формулы» не сопровождалось.

Линдер полагал, что «пришедшая с Востока игра в кости», известная там под названием «нарды», на Руси появилась не ранее XII–XIII вв. и первоначально именовалась «леками», или «зернью», а «тавлеями» ее стали называть лишь в XVI в., что следует из упоминания этой игры в «Пчеле» – древнерусском сборнике «поучительных глав из писания, святых отцов и мудрых мужей» [1, с. 102]. Приведенная им фраза из этого сборника – «тавлеи и шахи у многих из вас обретаемы суть...» – в несколько иной транскрипции представлена и в статье Г. Ф. Корзухиной, но там она датирована более ранним временем – XIV–XV вв. [2, с. 100]. Однако в датировке этой фразы, а следовательно, и факте первого упоминания игры в тавлеи в русских письменных источниках оба автора оказались не совсем точны: она встречается в рукописи № 579 из Синодальной библиотеки, выдержки из которой опубликовал в «Исторической хрестоматии церковнославянского и древнерусского языков» Ф. И. Буслаев, датировавший ее XIV в. [7, стб. 553].

Шахматы в древнерусских текстах впервые были упомянуты в Кормчей 1262 г. [1, с. 78], но этот факт отнюдь не свидетельствует о появлении этой игры на Руси раньше, чем тавлей.

Против безоговорочного признания тождественности древнерусских тавлей и восточных нард выступил шашечный гроссмейстер В. М. Голосуев – автор исследования, посвященного истории возникновения современных шашек. Рассмотрев упоминания архаичных игорных терминов в письменных источниках, былинных и даже литературных источниках XIX в., он заключил, что шашки появились на Руси в древнерусский период, но фигурировали в ранних источниках под названием «тавлеи». Это утверждение не сопровождалось какими-либо доказательствами и было своего рода вынужденным «ходом» гроссмейстера, которому в апологии идеи раннего появления игры в шашки на Руси мешал факт отсутствия упоминаний о ней в русских письменных источниках XIII–XVII вв. Более того, оно противоречило определению термина «тавлеи» в «Словаре Академии Российской»: «игра, в которой мечут двумя костями и по числу точек, какое они покажут, ставят на соответственные сему числу месте плитки» [8, стб. 2, 3].

Между тем известно, что популярная в средневековой Европе игра, идентичная современным нардам, изначально называлась там терминами, созвучными древнерусским «тавлеям» и восходящими к латинскому названию подобной игры – *tabula*: в Испании – *tablero* или *tablas reales*, в Англии – *tables*, в Италии – *tavola reale*, во Франции – *jeu des tables* (затем – *trictrac*), в Греции – *tavli*, в Турции – *tavla* [9]. Из этого перечня очевидно, что сама игра и ее название попали на Русь из Европы (в Средней Азии и на Кавказе эту игру называли «нарды» или «шеш-беш» [9]), где она получила широкое распространение в XII в. после возвращения крестоносцев с Ближнего Востока [10]. Поэтому нет никаких оснований считать, что первоначально на Руси «тавлеями» именовали только доску для настольных игр – шахмат или шашек, и лишь в XVI–XVII вв. (по И. М. Линдеру) или в конце XVIII в. (по В. М. Голосуеву) стали называть игру «нардового характера».

Ко второй половине XIX в. термин «тавлеи» в России стал анахронизмом, будучи вытеснен, по крайней мере в дворянском обществе, французским термином «триктрак», хотя связь между ними осознавалась. Так, например, в анонимном руководстве для начинающих игроков «Триктрак, объясненный условиями и положениями игры и правилами разыгрывания» прямо указано: «игра в тавлеи или триктрак», а доска для игры названа «триктрак, или тавлейная доска» [11, с. 3–5]. Примечательно, что там же фишки для игры в триктрак именуются «шашками» или «дамками», хотя речь идет вовсе не об игре «шашечного типа».

Неоднозначность в употреблении термина «шашка» в XVIII–XIX вв. отражена и в толковых словарях. Так, например, в словаре В. И. Даля, зафиксировавшем состояние лексики в первой половине XIX в., отмечены следующие его значения:

- «всякий мелкий отрубочек, кубик»;
- «кость игральная с очками» (! – С. П.);
- «точеный кружок, стопочка для игры на доске в 64 клетки, и самая игра эта»

[12, с. 164].

«Шашка» фигурирует и в толковании Далем терминов «тавлея» (с пометкой «стар.» – старинное) и «триктрак»:

- «Тавлея – шашечница; игра в шашки; игра в кости, на расчерченной для сего доске»;
- «Триктрак – муж. игра в кости и шашки, на особого рода тавлее» [12, с. 395, 444].

Как видим, В. И. Даль, обратив внимание на многозначность (кубик, точеный кружок, игральная кость и игра в шашки «на доске в 64 клетки») термина «шашки», все же различал игру «шашечного типа» – шашки и «нардового типа» – триктрак, устаревшим названием которого являлось «тавлеи». При этом он подчеркнул, что в триктрак-тавлеи играли на «особого рода тавлее», т. е. тавлейной доске, назвав ее еще и «шашечницей», т. к. непременным атрибутом этой игры наряду с игральными костями были шашки, да и сами кости также именовались шашками.

В целом, исходя из рассмотренных толкований термина «тавлеи» (триктрак) и контекстов его упоминаний в письменных источниках, очевидно, что специфическая настольная игра, идентичная нардам и триктраку, появилась на Руси не позднее XIV в.

Наглядное представление об инвентаре для игры в тавлеи-нарды дает упомянутое выше руководство для игры в триктрак. В разделе «О приборе для игры» подробно описаны соответствующие принадлежности. Наиболее показательной и специфической из них является «тавлейная доска», она же «триктрак», она же «складни или складная шашечница (! – С. П.) с бортами и двадцатью четырьмя *стрелками*, или клинками... и с *дырочками* на бортах для отметки партий». В руководстве приведен и рисунок такой доски [11, с. 36]. Прочие необходимые принадлежности включают «тридцать дамок, пятнадцать белых... и пятнадцать черных...», два рожка или деревянных стакана, две игральные кости, три марки и два скрипичных колика... или гвоздика для отметки партий» [11, с. 5].

В археологических коллекциях из раскопок древнерусских городов тавлейные принадлежности до сих пор не выявлены или не опознаны. Об этом свидетельствует обзор предметов, связанных с настольными играми, представленный в главе «Игры взрослых и детей» тома «Древняя Русь. Быт и культура», где тавлеи вообще не упомянуты [13, с. 110–114]. Беспорным свидетельством бытования этой игры могла бы стать тавлейная доска, но о таких находках ничего не известно. В связи с этим отмечу, что и шахматные доски не были обнаружены ни в одном из древнерусских городов, где по состоянию на кон. 1990-х гг. была собрана довольно представительная (более 160 экз.) коллекция деревянных и костяных шахматных фигурок [13, с. 110–114].

Другие атрибуты этой игры – игральные кости – кубики и фишки, или «шашки», «дамки» (в терминологии руководства по триктраку) – однозначно связывать с нею нельзя, т. к. аналогичные кубики использовались и в простой игре в кости, известной на Руси с XVI в. под названием «зернь», где тавлейная доска не требовалась.

Однако принадлежность таких изделий к игре «народного типа» все же остается не менее вероятной, чем к указанным играм. В случаях совместного компактного залегания в культурном слое игровых костей и фишек такие неполные комплекты с большой степенью вероятности можно относить именно к тавлеям (нардам, триктраку).

Игральные кости, аналогичные современным народным костям, – кубики с точечной маркировкой на гранях – найдены при раскопках в Новгороде. К 1982 г. было известно о находках 18 костяных кубиков с размерами сторон 1,0–1,5 см, залегавших в слоях XII–XV вв. [14, с. 87]. По одному такому кубику было найдено в Твери (в слое, датированном 1333–1364 гг.), Изборске (в слое XII–XIII вв.) и Пскове (в слое кон. IX – нач. XI в.) [15, с. 118, рис. 115 – 7; 16, с. 11–12, рис. 6 – 19; 17, рис. 4 – 3].

В Москве четыре костяных кубика обнаружены при раскопках в Кремле в слоях кон. XV – XVI в. [18, с. 277, рис. 6 – 6; 19, с. 121], а в Ивангороде один кубик – в слое кон. XV – XVII в. [20, с. 65, рис. 2 – 1].

В Сибири игральные кости-кубики найдены в Тобольске – не менее двух, в Берёзове, Кузнецком и Алазейском острогах – по одному (сер. XVII – XVIII в.), Томске (XVIII в.) и Полуйском городке (кон. XVI – первая треть XVII в.) – по два и на Мангазейском городище – не менее 130 штук (XVII в.) [21, с. 68; 22, рис. 126 – 3; 23, с. 52; 24, с. 60, 66, 70, 80, 88; 25, с. 42; 26, с. 41, табл. 56 – 1; 27, с. 173, рис. 176 – 15, 26; 28, с. 213, рис. 3.62 – 12, 13].

Из этого перечня видно, что мангазейская коллекция многократно превосходит скромные собрания как древнерусского периода, так и позднего средневековья и даже нового времени. При этом следует отметить, что по объему полностью изученного культурного слоя (около 1200 кв. м). Мангазейское городище значительно уступает городам европейской части России – Новгороду, Москве, Твери, Старой Рязани – и сопоставимо по объемам раскопок с Тобольском, Томском, Тарой, Лозьвинским городком, Берёзовом и Алазейским острогом. Этот факт свидетельствует, во-первых, о значительном повышении популярности «костарных» игр – зерни и тавлей – на Руси к XVII в., а во-вторых, о колоссальном размахе их именно в Мангазее.

Мангазейские кости-кубики, как и большая часть таких костей из других памятников Древней Руси и Московского государства, выполнены в соответствии с европейскими стандартами: очки обозначены мелкими неглубокими сверлинами-ямками на шести гранях, а сумма очков на противоположащих гранях равняется семи (одна – шесть, две – пять, три – четыре) (рис. 1 – 17–22). Данное обстоятельство однозначно указывает на заимствование «костарных игр» из стран Западной Европы.

Кости изготавливались из бивней мамонтов, из которых выпиливались брусочки со сторонами от 0,8 × 0,75 см до 1–1,3 × 1,1–1,95 см. Таких брусочков в мангазейской коллекции – 46. Отпиленным от брусочков заготовкам придавалась необходимая форма, после чего грани тщательно шлифовались и маркировались надсверленными ямками. Незаконченные игральные кости (без маркировки) из бивня мамонта представлены 32 экземплярами. Наличие в мангазейской коллекции заготовок полуфабрикатов-брусочков свидетельствует о масштабном производстве игровых костей непосредственно в Мангазее. В то же время такие кости в большом количестве привозили туда «торговые люди»: только в 1634 г. Иван Толстоухов, Максим Михайлов и Евдоким Иевлев завезли 150 «игр костей зерновых» [24, с. 60].

Маркировка костей выполнена неглубокими (около 1 мм) надсверленными ямками диаметром 1–1,3 мм. Размеры граней варьируются от 0,6 × 0,6 см до 0,9 × 0,95 см. Идеальную

кубическую форму имеют единичные экземпляры; у остальных в размерах граней имеются расхождения – от почти незаметных – 0,1–0,2 мм до явно выраженных – 0,8–1,5 мм. Намеченный характер изготовления таких костей-«параллелепипедов» вероятен, но не очевиден. Возможно, мастера и не стремились к достижению идеальной кубической формы. Тем не менее некоторые кости с заметными отклонениями (около 1–1,5 мм) могли быть шулерскими, т. к. более широкая грань имеет больший шанс на выпадание [31]. О том, что в среде мангазейских любителей «костарных» игр – тавлей и зерни – промышленляли мошенники, свидетельствует присутствие в скоплении из пяти костей двух явно шулерских экземпляров, «заряженных» ртутью. Внутри этих костей через ямки-метки были искусно высверлены полости, частично заполненные ртутью. Отверстия в ямках-метках были залеплены воском. Внешне эти кости ничем не отличались от прочих. Столь изощренный «воровской» прием был известен и в Европе [31]. Остается только догадываться, что вынудило мангазейского шулера скинуть эти кости на заднем дворе одной из усадеб.

Были эти кости завезены в Мангазею или изготовлены местным умельцем – неясно, но, с учетом свидетельств массового производства игральные кости, присутствие среди мангазейских косторезов мастеров высокой квалификации вполне вероятно. В их распоряжении была т. н. «заморенная» кость (в основном бивни мамонта), обильно встречающаяся по берегам Таза и других окрестных рек. Не была дефицитом и ртуть для «заряживания» шулерских костей. Этот редкий металл завозился в заполярный город: в таможенной «зборной» книге 1635 г. отмечено поступление на мангазейский рынок четырех фунтов ртути [25, табл. XVIII], т. е. около 1,5 кг, что является довольно солидным количеством для столь редкого металла. Ртуть завозили, конечно, не для «воровских» костей: в XVII в. она пользовалась популярностью как лекарственное средство от кожных болезней, сифилиса, стоматита, заворота кишок, а также для избавления от вшей и блох [32].

Тавлейные шашки встречены в археологических материалах многих русских городов. Это небольшие квадратные или прямоугольные костяные пластинки, размером от 1,6–1,7 × 1,7 см до 2–2,4 × 2–2,8 см, декорированные гравированными циркульными «глазками», часто в сочетании с одной или двумя-тремя большими концентрическими окружностями в центре. Такие пластинки, именуемые исследователями «шашками» или «фишками», встречены как в европейской части России (в Твери – семь экз., Москве – более трех экз., Чердыни – 10 экз., а в Ростове, Суздале и Ивангороде – по одному), так и Сибири (в Томске, Берёзове и на городище Искер – по одному, в Алазейском остроге – 12, на Мангазейском городище – около 50) [33, рис. 120 – 5; 32, с. 41, табл. 56 – 2–8; 30, рис. 128 – 1–2; 23, с. 43, табл. 43 – 1–7; 34, рис. 7 – 7; 18, с. 277, рис. 6 – 1, 2; 10, с. 103, рис. 164 – 13, 14; 35, с. 191, рис. 3 – 4; 15, с. 118, рис. 115 – 17–21; 20].

Известны 12 разновидностей знаков на этих пластинках: от простейших – одного циркульного «глазка» или круга в центре – до более сложных комбинаций – из трех-девяти «глазков» и различных сочетаний «глазков» и кругов. Как правило, идентичные знаки наносились на обе стороны пластин.

Бытование таких пластинок-шашек укладывается в хронологические рамки с XI по XVIII в. Самая ранняя находка происходит из слоя первой половины XI в. (Ростов) [36, с. 147, рис. 10 – 4], однако остальные пластины собраны в более поздних слоях: суздальская датирована широко – XII–XV вв. [35, с. 192], тверские – кон. XIV – сер. XV в. [15, с. 118], искерская – кон. XVI в., мангазейские – первой пол. XVII в. [25, с. 42, 43; 30, с. 103], томская – сер. XVII – сер. XVIII в. [27, с. 170, 171], а алазейские – сер. XVII – XVIII в. [26, с. 17, 26–28], берёзовская – второй пол. XVII в. Сузить хронологические рамки позволяют косвенные данные: в Новгороде в слоях до сер. XV в. такие пластинки не встречены. Это обстоятельство может свидетельствовать об их широком распространении лишь после кон. XIV – сер. XV в.

По поводу назначения пластин имеются различные точки зрения. Так, например, В. А. Лапшин занял достаточно осторожную позицию, отнеся тверские находки к игральным принадлежностям, но отметив при этом, что «...назначение серии из 7 квадратных накладок ...с циркульным орнаментом» неясно [15, с. 118]. Другие исследователи чаще ограничивались интерпретацией их как игровых фишек [26, с. 41] или шашек [18, с. 277; 35, с. 191, 192]. Оригинальную версию выдвинул О. В. Овсянников, предположивший, что такие «кости-пластины» были игральными картами: «Вряд ли игральные карты были бумажными, скорее всего, это ...костяные фишки» [25, с. 43]. Это предположение нельзя признать состоятельным, т. к. из письменных источников известно, что не позднее кон. XVI – нач. XVII в. в Московское государство большими партиями завозились бумажные европейские карты [37; 38, с. 23, 24]. О костяных фишках-картах источники ничего не сообщают. Кроме того, и оформление пластин не отвечает карточным канонам:

– у них нет обязательного различия рисунков на лицевой стороне-«рубашке», более того, композиции на обеих сторонах, как правило, идентичны;

– отсутствуют принятые с XV в. в Европе знаки мастей (мечей, кубков, чаш, копий, жезлов и т. д.), не говоря уже о фигурах людей.

Не может отражать многообразие карточной маркировки и ограниченный набор вариантов узоров на пластинах: в наиболее представительных коллекциях встречены от 3–4 до 8 вариантов узоров.

По мнению М. П. Черной, «...фишки с точками-«зернами» являются принадлежностью какой-то игры в зернь, с которой традиционно связывают игровой кубик». Это утверждение базируется на восприятии комбинаций «глазков» на пластинах как маркировки очков: «...наличие «глазков»-очков свидетельствует об игре, основанной на счете» [26, с. 173].

Неоднозначность и даже неопределенность трактовки таких пластинок объясняется отсутствием сведений, которые могли бы свидетельствовать об их принадлежности к той или иной настольной игре. В связи с этим, несомненно, важными представляются материалы и наблюдения, полученные при раскопках Мангазейского городища.

Экспедицией ААНИИ под руководством М. И. Белова (1968–1970 гг. и 1973 г.) на городище были найдены «около полутора десятков» таких пластинок «толщиной 0,3–0,5 см (размер в среднем 2 × 2 см). О. В. Овсянников отметил, что «на обеих их сторонах нанесено различное количество кружков и точек (но всегда одинаковое с обеих сторон)», однако в иллюстрациях представлен экземпляр, на одной стороне которого четыре «глазка» по углам, а на другой – лишь один в центре [25, с. 43, табл. 43 – 4].

В новой мангазейской коллекции, датированной первой половиной XVII в., имеются 35 пластинок из бивня мамонта с «глазчатыми» и «глазчато»-круговыми знаками (рис. 1 – 6–16). Все они имеют размеры от 1,5–1,7 × 1,6–1,8 × 0,3–0,4 см до 2,3 × 2,3 × 0,3–0,4 см. На 32 из них с обеих сторон имеются идентичные композиции знаков («глазков» и кружков); на двух экземплярах одна сторона чистая; в одном случае кружки в центре пластинок на обеих сторонах различаются размерами. Всего найдено 8 вариантов узоров. Самый распространенный – четыре «глазка» по углам (16 пластинок). Один «глазок» в центре представлен на 11 экземплярах, один кружок в центре – на 3 экземплярах. Остальные варианты единичны:

– четыре «глазка» по углам и один в центре;

– шесть «глазков «в три ряда»;

– концентрические круги в центре в сочетании с угловыми «глазками» – по одному, по два и по три, сгруппированных треугольником.

Особый интерес представляют 27 экземпляров, залежавшие компактно вместе с двумя игральными костями-кубиками между усадьбами 2 и 3 в слое 1618–1630 гг. В этом

собрании 15 экземпляров орнаментированы четырьмя «глазками» по углам, 11 пластинок – одним «глазком» в центре и один экземпляр – концентрическими кружками в центре в сочетании с парами «глазков», расположенными по диагоналям в углах (рис. 1 – 9, 11). В целом налицо комплект игральных принадлежностей для двух игроков: один полный полукомплект из 15 пластинок, другой неполный – не хватает четырех экземпляров. Число пластинок полного полукомплекта соответствует составу шашек для игры в нарды (триктрак, тавлеи), где к ним полагалось иметь две игральные кости-кубика и доску-тавлею [11, с. 4, 5; 39]. Единственная пластина-шашка с узором, отличающимся от прочих, могла оказаться среди принадлежностей как замена утраченной из второго неполного полукомплекта. Компактность залегания шашек и костей-кубиков может свидетельствовать о том, что этот набор был по какой-то причине спрятан в истлевшем тканевом мешочке и остался невостребованным.

От «классических» нардовых шашек пластинки отличаются формой (первые – дисковидные, вторые – прямоугольные и квадратные) и способом различения полукомплектов: в современных нардах они различаются цветами – белые и черные или других цветов. На прямоугольных пластинках-шашках, как видно по мангазейским полукомплекткам, отличительным признаком были гравированные узоры, что, очевидно, объясняется технической причиной – растительные краски плохо держались на костном материале, особенно на чрезвычайно плотной поверхности мамонтовых бивней.

В этом комплекте отсутствует наиболее специфическая принадлежность игры – тавлейная доска, принципиально отличавшаяся от шахматной тем, что ее поле размечали не клетками, а «стрелками или клинками» – по 12 с двух противоположных сторон [11, с. 4, фиг. на стр. 36]. Об их принципиальном отличии и об увлечении игрой в тавлеи при царском дворе в XVII в. свидетельствует фраза из внутридворцовых записей 1679 г.: «Указал великий государь взять из Оружейной палаты доски *шахматные, тавлейные, ...шахматы, ...тавлеи...*» [40, с. 5].

Вероятно, при игре в тавлеи «мангазейщики» использовали и деревянные шашки, которые имеются в мангазейской коллекции в виде пластинок размером 1,3–1,7 × 1,4–1,7 см (19 экземпляров). Все они с обеих сторон украшены резными диагональными крестами: в одном случае крест выполнен тремя линиями (рис. 1 – 4), в остальных – одинарными (рис. 1 – 1–3). В целом они аналогичны костяным прямоугольным шашкам, отличаясь лишь узорами, что объясняется невозможностью нанесения на них «глазкового» и кружкового узора: перовидное сверло разрывало бы волокна прямослойной древесины. Возможно, по этой же причине единственная квадратная (1,3 × 1,3 × 0,4 см) шашка из скотской кости, более мягкой, чем бивень мамонта, декорирована также диагональным крестом (рис. 1 – 5).

Тавлейная доска (или ее заготовка) была найдена под основанием печи в избе усадьбы 3, возведенной в 1622 г., недалеко от места обнаружения описанного комплекта шашек и костей-кубиков. Сохранился лишь один край этой доски (12 × 32 см), на котором тонкими резными линиями размечены 12 «стрелок» длиной до 10 см, расположенных в ряд и разделенных глубокой поперечной линией на две части (по 6 «стрелок») в соответствии с принятыми в нардах правилами оформления (рис. 2 – 1–2). Бортики на доске отсутствовали. Возможно, она была незаконченным или забракованным изделием. Подобные находки в археологических материалах русского средневековья и нового времени до сих пор не встречались или не были опознаны как тавлейные доски, поэтому научную значимость мангазейской тавлейной доски трудно переоценить. Близкое мангазейским «стрелкам» изображение встречается и на современных складных нардовых досках (рис. 2 – 3).

Вероятно, в течение XVII в. игра в тавлеи (нарды) утратила былую популярность, будучи вытеснена более простой игрой в зернь, для которой было достаточно наличия лишь двух костей-кубиков с маркировкой, благодаря чему «игрецы» могли легко избавиться от них или спрятать. Документы XVII в. свидетельствуют о преследовании «самовольных» игроков, так как разрешалось играть только в кабаках или банях, владельцы которых брали азартные игры «на откуп», а доходы с «зерновых пошлин» были существенным источником пополнения государственной казны.

Одно из последних упоминаний о тавлеях содержится в таможенной книге Томска, где говорится о завозе игральных карт, «десяти кости игровые» и всего лишь «двои тавлеи говяжих» [38, с. 23].

Литература

1. Линдер И. М. Шахматы на Руси. М. : Наука, 1964. 162 с.
2. Корзухина Г. Ф. Из истории игр на Руси / Советская археология. М. : Наука, 1963, вып. № 4. С. 85–101.
3. Рыбаков Б. А. Архитектурная математика древнерусских зодчеств / Советская археология. М. : Наука, 1957, вып. № 1. С. 88.
4. Стасов В. В. Происхождение русских былин // Вестник Европы: журнал истории, политики и литературы. Книга № 7. Петербург, июль 1868. С. 292–345.
5. Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб, 1869. 855 с.
6. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М. : Изд-во «Лабиринт», 1999. 640 с.
7. Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия православного и древнерусского языков. М. : Университетская типография, 1861. 1632 стб.
8. Словарь Академии Российской. Ч.VI. СПб, 1794. 600 с.
9. Нарды. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org>. (дата обращения: 13.04.2018).
10. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург ; Нефтеюганск : Изд-во «Магеллан», 2008. 296 с.
11. Триктрак, объясненный условиями и положениями игры и правилами разыгрывания. М., 1869. 116 с.
12. Толковый словарь живаго великорусскаго языка Владимира Даля. Том четвертый. СПб. ; М. : изд-во книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. 712 с.
13. Рыбина Е. А. Шашки, «мельница», шахматы // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М. : Наука, 1997. С. 110–114.
14. Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М. : Наука, 1982. С. 3–137.
15. Лапшин В. А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). Спб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с.
16. Белецкий С. В. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА № 160, 1979. С. 3–18.
17. Седов В. В. Некоторые результаты археологического изучения Изборска // Археологические статьи и материалы. Сборник участников Великой Отечественной войны. Тула : Гриф и К°, 20026. С. 190–226.
18. Бадеев Д. Ю. Шахматы и шашечные игры (по данным археологических исследований Московского Кремля) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 6. М. : ИА РАН, 2010. С. 270–277.
19. Колызин А. М. Игрушки и игры XII–XVII вв. (по данным археологических исследований Московского Кремля) // Российская археология, 1989, вып. 2. С. 113–122.

20. Петренко В. П. Исследования Ивангорода // КСИА, вып. 205. М. : Наука. 1991. С. 61–71.
21. Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.
22. Визгалов Г. П. Проведение аварийно-спасательных археологических работ на культурном слое исторического поселения Березово. Том 1, 2 : отчет о НИР. Нефтеюганск, 2010 // Архив НПО СА Ф. I. Д. 302/1-2.
23. Ширин Ю. В. Игры первых русских сибиряков // Сибирская старина: краеведческий альманах-2004. № 22. Томск, Томский университет, 1991. С. 45–54.
24. Белов М. И., Овсянников О. В, Старков В. Ф. Мангазея. Ч. 1. Мангазейский морской ход. Л. : Гидрометеиздат, 1980. 164 с.
25. Белов М. И., Овсянников О. В, Старков В. Ф. Мангазея. Ч. 2. Материальная культура русских полярных мореходов XVI–XVII вв. М. : Наука, 1981. 147 с.
26. Черная М. П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : Изд-во «Д'Принт», 2015. 276 с.
27. История нард. URL: <http://www.gambiter.ru/hardy/item/12-istorianard.html> (дата обращения: 13.04.2018).
28. Кардаш О. В. Полуийский мысовой городок князей Тайшиных. Екатеринбург ; Салехард : Изд-во «Магеллан», 2013. 380 с.
29. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: усадьба заполярного города. Екатеринбург ; Нефтеюганск : Издательская группа «Караван», 2017. 360 с.
30. Шулерские игральные кости. URL: <http://gambler-sapiens.ru/gambling-egquipment/loaded-dice> (дата обращения: 10.02.2018).
31. Ртуть. Применение ртути и ее соединений. URL: <https://slavyanskaya.kultura.ru> (дата обращения: 12.06.2018).
32. Зыков А. П., Косинцев П. А., Трепалов В. В. Город Сибир – городище Искер (историко-археологическое исследование). М. : Наука ; Восточная литература, 2017. 456 с.
33. Алексеев А. Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск : Институт археологии и этнографии СО РАН, 1996. 152 с.
34. Визгалов Г. П. Проведение аварийно-спасательных археологических работ на культурном слое исторического поселения Берёзово в 2008 году. Книги 1, 2 : отчет о НИР. Нефтеюганск, 2009 // Архив НПО СА. Ф. I. Д. 279/1-2.
35. Беляев Л. А., Векслер А. Г. Археология средневековой Москвы (итоги исследований 1980–1990-х гг.) // Российская археология, 1996. № 3. С. 106–133.
36. Захарова О. Ю. Шахматные фигурки и шашки в археологических коллекциях Владимиро-Суздальского музея-заповедника / Археология Владимиро-Суздальской земли : мат-лы научного семинара 27–28 октября 2009 г. М. : ИА РАН, 2011. С. 187–192.
37. Леонтьев А. Е. Ростов эпохи Ярослава Мудрого (по материалам археологических исследований) // Историческая археология: традиции и перспектива. М., 1998. С. 135–153.
38. Русские игральные карты: история и стиль. URL: <https://www.cardician.ru/blog/istoriya-russkih-igralnyh-kart.html> (дата обращения: 02.06.2020).
39. Шевцов В. В. Карточная игра в общественном быту России (конец XVI – начало XX в.): история игры и история общества. Томск : Томский государственный университет, 2005. 244 с.
40. Голосуев В. М. Древняя и загадочная игра. Мир шашек. СПб., 1997. 216 с.

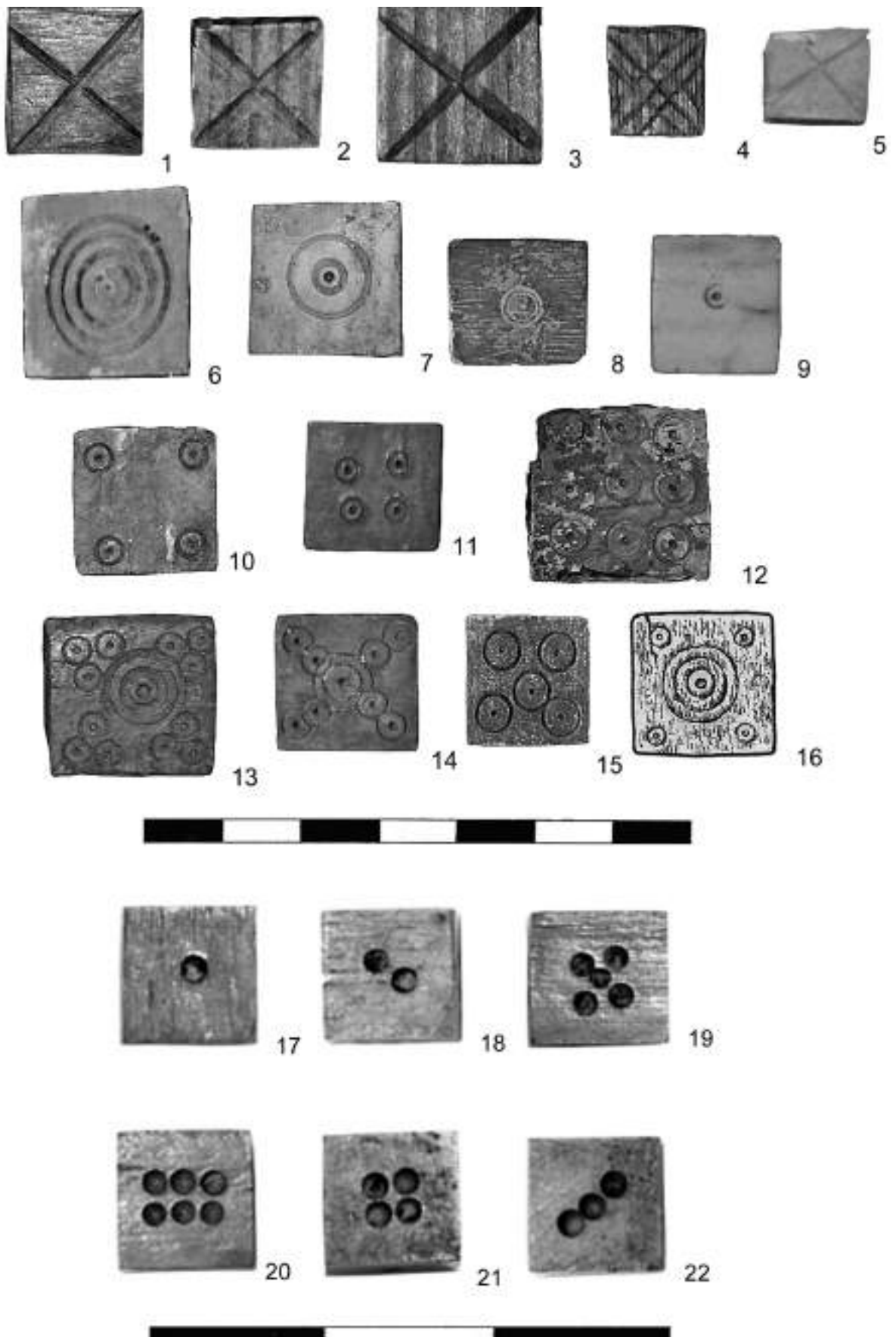

Рис. 1. Тавлейные шашки (1-16) и кубики (17-22): 1-4 – дерево; 5 – скотская кость; 6-22 – бивень мамонта

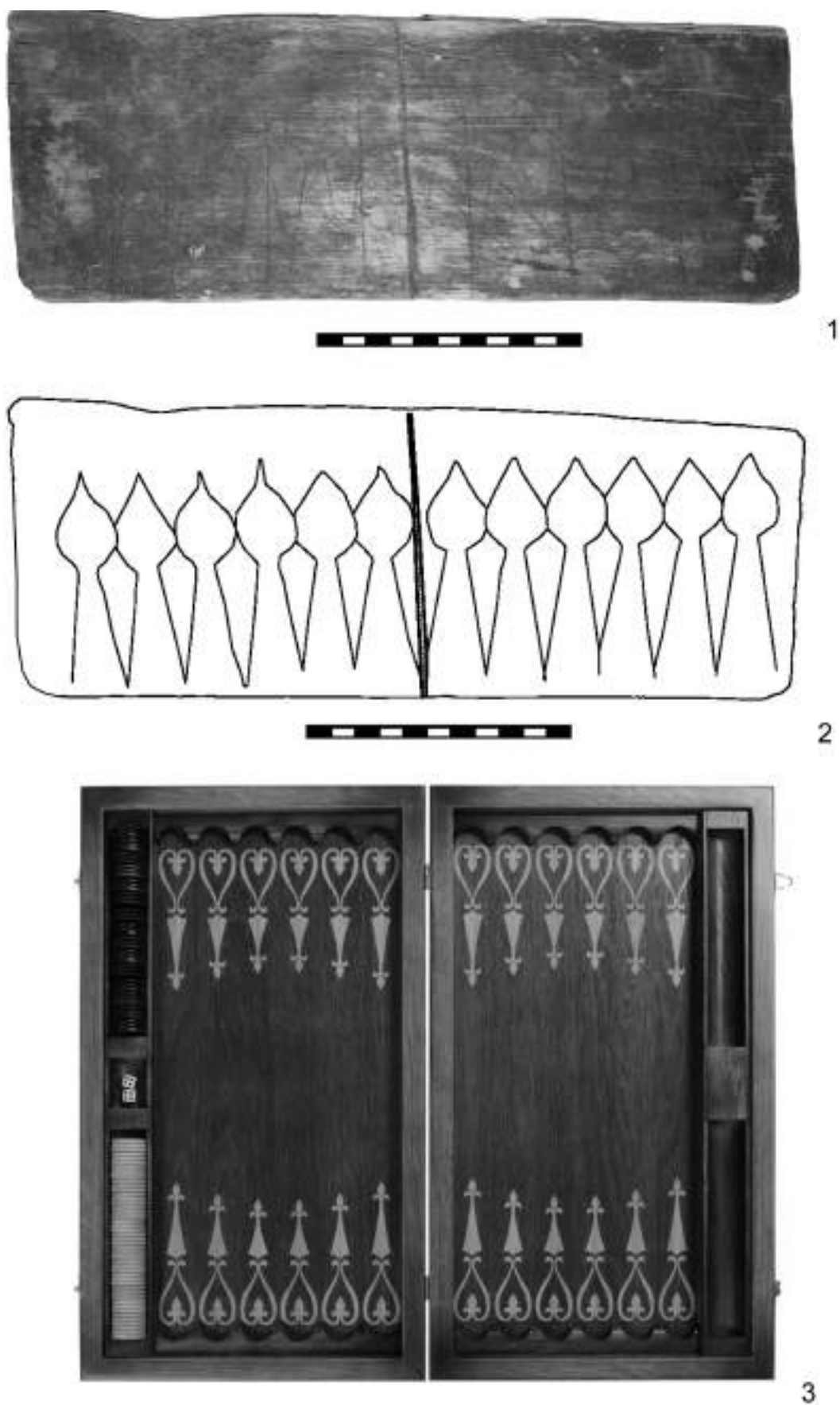

Рис. 2. Изображения на игровых досках: 1 – тавлейная доска (Мангазейское городище); 2 – прорисовка изображения на тавлейной доске; 3 – современная доска для игры в нарды

УДК 94(571.122Сургут)”16”

DOI 10.34822/2312-377X-2020-1-112-131

Вершинин Е. В., Визгалов Г. П.

Vershinin E. V., Vizgalov G. P.

ГОРОДОВЫЕ (ОСТРОЖНЫЕ) УКРЕПЛЕНИЯ СУРГУТА В XVII в.

CITY (OSTROG) FORTIFICATIONS OF SURGUT IN THE 17th CENTURY

В статье и публикации архивного документа (отрывок из официального воеводского документа «Городовой список Сургута 204 года») показан архитектурно-оборонительный облик Сургута конца XVII в. Городовые списки содержат информацию по истории возведения и замены частей городских стен, дают точные размеры (в сажнях) длины Сургутского острога и расстояний между острожными башнями. На основании этих данных сделана масштабная схема городских и острожных укреплений, проведено сравнение с рисунком из «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова, к современной карте Сургута привязана схема городских укреплений.

The article and the publication of the archive document to it (excerpt from the official Voivodeship document "City list of Surgut of 204") show the architectural and defensive appearance of Surgut at the end of the 17th century. City lists of the late 17th century are of particular value for they contain a retrospective summary of information on the history of the construction or replacement of city walls and their parts, topographic data, and give the exact dimensions (in fathoms) of the length of the Surgut ostrog and the distances between the ostrog towers. According to these data, a large-scale scheme of the city and ostrog fortifications is made. The comparison of the scheme to the drawing from the "Drawing book of Siberia" by Semyon U. Remezov is presented. An attempt to link the scheme of city fortifications with the modern map of Surgut is made.

Ключевые слова: градостроительство в Сибири, историческая топография г. Сургута в XVII веке, «Городовые списки».

Keywords: urban planning in Siberia, historical topography of Surgut in the 17th century, Gorodovye spiski (City lists).

Сургут – старейший русский город в Сибири (пятый-шестой наравне с Тарой и второй в Югре после Берёзова), основанный в 1594 г. Но, несмотря на это, градостроительный облик первоначальной сургутской крепости-кремля недостаточно известен. Изначально облик Сургута, особенно оборонительных сооружений, окружавших город, восстанавливался долго и с трудом. Причиной тому были пожары центральных и местных учреждений, в огне которых погибло много ранних документов. Например, в топографическом описании Тобольского наместничества, завершённом в 1790 г., в разделе «О городе Сургуте» на вопрос анкеты об основании Сургута местный канцелярист или землемер дал следующий ответ: «Когда построен и какими людьми спервоначалия заселен, не известно, ибо в 1712 г. весь город, канцелярия и дела згорели, а потому и выправится не по чему» [1, с. 175]. Другие источники подтверждают, что во время пожара 1712 г. действительно сгорела и воеводская канцелярия «со всякими государевыми грамотами и указами и воеводскими наказами» [2]. В мае 1626 г. в Московском Кремле случился пожар, в огне которого погибла документация нескольких центральных приказов, в том числе и Сибирского стола Казан-

ского дворца. Поэтому в Тобольск, которому подчинялись все существовавшие тогда сибирские города, было послано распоряжение о снятии копий со всей документации текущего делопроизводства и, кроме того, с воеводских наказов, указных грамот и документов фискального учета прошлых лет. Воеводы Тобольска разослали этот указ по всем городам. Очевидно, данное распоряжение было выполнено. По крайней мере о копировании документов в Сургуте в августе-сентябре 1626 г. хорошо известно. Копии списывались в отдельные тетради и через Тобольск были отправлены в Москву. В конечном итоге они составили сургутскую копийную книгу [2].

Цель данной статьи – проведение исследования по обобщению письменных, картографических и археологических источников, анализ и сопоставление которых позволят реконструировать городские (острожные) укрепления города Сургута. В Приложении 1 впервые публикуется новый документ – «Городовой список Сургута 204 (1695–1696) года», являющийся наиболее достоверным источником информации об архитектурно-оборонительных укреплениях города Сургута, правда, только конца первого столетия его существования. Кроме того, ретроспективные экскурсы, содержащиеся в городских списках, позволяют сделать выводы о первоначальной Сургутской рубленой крепости. Основные задачи статьи – проследить историю постепенной эволюции сургутских оборонительных сооружений на протяжении XVII в., сопоставить письменные источники с изображением города Сургута на карте Ремезова для определения его достоверности и привязать схемы городских (острожных) укреплений к современному плану города.

Историография вопроса. Первым ученым, занимавшимся историей построения города, был знаменитый историк Сибири Г. Ф. Миллер, посетивший Сургут в 1740 г. В самом Сургуте он провел две недели, но, в отличие от многих посещенных им сибирских городов, из-за пожаров XVII – начала XVIII в. ранних и сколько-нибудь значительных документов по Сургуту он не нашел, но собрал сведения из разных источников и предположил дату основания города – в 1593 г. [3, с. 281–290; 4, с. 88–90].

О первоначальном виде Сургутского кремля-крепости написал автор первого специального исследования о раннем Сургуте П. Н. Буцинский: «Как и все сибирские города, Сургут представлял небольшую крепость с двумя воротами, 4 башнями глухими и одной башней проезжей» [5, с. 255]. П. Н. Буцинский не перечислил названия угловых башен Сургутского рубленого города, но указал на существование еще и острога с двумя воротами и одной проезжей башней, где находились хаты для служилых. Если Г. Ф. Миллер, участник Второй Камчатской экспедиции, прошедший десять лет в Сибири в поисках старинных документов в местных городских архивах, по иронии судьбы был лишен возможности работать с архивом центрального учреждения в Москве – Сибирским приказом, то такую возможность имел в конце XIX в. П. Н. Буцинский, вдумчивый и внимательный источниковед. И хотя ученый не делал прямых ссылок на какой-либо конкретный «городовой список» конца XVII в., но в своем очерке о раннем Сургуте он использовал этот вид источников.

Исследователь и реконструктор градостроения первых русских поселений в Сибири В. И. Кочедамов, ссылаясь на документ из архива Академии наук, представил крепость Сургута в виде четырехугольника с пятью башнями и небольшого острога с одной башней. В 1718 г. острог был построен заново после пожара 1712 г.: с четырьмя башнями размерами 83 × 77 м. Таким образом, полагал Кочедамов, острог имел близкую к квадрату форму и совсем не был похож на схематический рисунок Ремезова [6, с. 97].

Д. Я. Резун и В. С. Васильевский в 1989 г. написали, что в 1594 г. был поставлен рубленый город с двумя воротами, четырьмя глухими и проезжими башнями. К 1680 г. городские укрепления сгнили и было предпринято новое строительство, но не города, а двойного

острога. То есть вместо рубленых стен города был поставлен острог с четырьмя башнями, к нему пристроена еще одна острожная стена с тремя башнями, одна из которых была проезжей. «Именно этот острог и был изображен на чертеже С. У. Ремезова» [7, с. 239–240].

К 400-летию Сургута была выпущена коллективная монография «Древний город на Оби: история Сургута», в которой кратко повторяется схема городских строений XVI–XVII вв., изложенная в труде «Летопись сибирских городов». В разделе по истории XVIII в. Н. А. Миненко на основе городского списка Сургута 1701 г. подробно описывает сургутские строения. Городовой острог поставлен в 1665 г. вместо рубленого города, у которого было шесть башен: главный въезд через Спасскую башню шатровую, две Набережные башни, Боровая, Казенная и еще Богородицкая с задними воротами. В стене между Набережными башнями встроены воеводский двор, в 1700 г. вдоль старой острожной стены возведена новая. Острожная стена на посаде к тому времени уже сгнила, в документе упоминается о Рождественской церкви вне острога и о том, что ранее была еще одна – Васильевская башня на внешнем остроге. После пожара 1712 г. в 1718-м город был отстроен также в виде палисада: в форме четырехугольника с четырьмя башнями – три глухие и одна проезжая с северной стороны. Больше крепость не ремонтировалась, и оборонительные сооружения к концу XVIII в. разрушились [4, с. 159–166].

В 2002 г. вышла статья Е. В. Вершинина и А. Т. Шашкова «Документы XVII века по истории Сургутского района», где впервые был опубликован «Городовой список города Сургута 1697 года» [8, с. 229–240]. В этом документе подробно, с размерами, описаны все оборонительные сооружения Сургута-крепости: остроги, башни, ворота и примыкающие к ним жилые, административные (воеводский дом, приказная изба, тюрьма и др.) и культовые (церкви) здания. Однако никаких исследований в статье не приводилось.

В 2008 году Сургутский краеведческий музей организовал археологические исследования по поиску культурного слоя города XVI–XIX вв. Для проведения раскопок был приглашен пермский археолог П. А. Корчагин, который заложил три небольших раскопа и две объемные зачистки на территории исторической части города недалеко от протоки Бардаковки в районе улиц Энергетиков, Просвещения и Гагарина (9, 10 микрорайоны, 7–1 квартал). На всех участках были выявлены археологические слои, перекрытые мощными пластами привозного песка, относящиеся к 1970-м гг., когда происходила смена деревянной застройки старого Сургута на современную. Культурные слои, предварительно датированные XVII–XVIII вв. и содержащие остатки построек с достаточно представительным вещевым материалом, обнаружены в раскопе IV–08, где, по мнению П. А. Корчагина, находилась «периферия площади вокруг Свято-Троицкого собора». Автор раскопок предположил, что в раскопе IV–08 «...были открыты сооружения XVII в., принадлежащие либо к кремлевскому комплексу, либо к близлежащей усадьбе» [9, с. 42]. Для привязки раскопов к месту расположения города XVII–XVIII вв. исследователь использовал план города Сургута 1893 г. и схематический план дореволюционного города, составленный сургутским старожилом П. П. Пугно в 30-х гг. XX в. [9, с. 9–10].

В результате выявления П. П. Корчагиным археологических древностей в Сургуте возникла необходимость постановки на государственный учет и охраны культурного слоя конца XVI – начала XX в. В связи с этим в 2012 г. экспедицией АНО «Институтом археологии Севера» по государственному контракту со Службой государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО-Югры проводились исследовательские работы для обоснования достопримечательного места «Культурный слой города Сургута». Исследования вели С. Ю. Пархимович и С. Г. Пархимович, которые для определения границ города XVII–XIX вв. совместили точную копию плана 1893 г. со схематическим планом начала XX в. П. П. Пугно и наложили на современный (на 2012 г.) генплан города [10, с. 18]. В результате этого

границы территории Сургута XVII–XIX вв., в том числе и кремль с острогом конца XVII в., были нанесены на генплан города в системе координат МСК 86, вынесены на отдельные планы с указанием характерных точек [10, с. 14]. Для подтверждения исторической территории, определенной по историческим планам, у северной, восточной и юго-восточной границы было заложено четыре шурфа, которые показали наличие культурного слоя различной мощности. Наиболее разрушенными при новом строительстве города оказались верхние слои конца XVIII – XIX в. [10, с. 29–36].

В 2017 г. к теме реконструкции кремлевских укреплений Сургута вернулись П. А. Корчагин и К. В. Плотников [11, с. 157–167], которые подвергли научному анализу «Городовой список 1697 года», опубликованный А. Т. Шашковым в 2002 г. [8, с. 229–231]. Авторы сравнили описание стен и башен города с изображениями С. У. Ремезова в «Чертежной книге Сибири» и «Служебной книге Сибири» и сделали вывод о шестиугольной в плане форме Сургутского острога (кремля) на рубеже XVII–XVIII вв., а не четырехугольной, как считали остальные исследователи [11, с. 158, 166]. Шестиугольная форма кремля, по мнению П. А. Корчагина и К. В. Плотникова, читается и на «Плане Тобольского наместничества городу Сургуту» конца XVIII в. [11, с. 164–165].

Необходимо сказать несколько слов о публикуемых ниже документах. Это три так называемых «городовых списка Сургута» – по принятому тогда летоисчислению от 7199 (1690–1691), 204 (1695–1696) и 205 (1696–1697) годов. «Городовые списки» принадлежали к форме воеводской документации, которую они, согласно данным им перед воеводством наказам осмотреть состояния укреплений и «наряда» (артиллерии) города, должны были отправить в Москву. Списки, видимо, имели тетрадный вид, в Сибирском приказе они были переплетены в книги. Список 7199 г. (1690–1691) опубликован среди электронных ресурсов в интернете. Известно, что в Сургуте в том году воеводой был стольник В. Б. Бухвостов, возможно, ему и принадлежит шаблон составления городского списка города Сургута, которым немного позднее воспользовался воевода Вельяминов-Зернов. Городовые списки воевод В. Б. Бухвостова и Л. М. Вельяминова-Зернова имеют определенные отличия. Документы, относящиеся к счету ясачнозависимого населения, различались, а городской облик крепостных сооружений Сургута выглядел почти одинаково. Отличие заключается в большей конкретизации описаний острожных стен в списке В. Б. Бухвостова. Городовой список 7199 г. (1690–1691) публикуется здесь в Приложении 1 по интернет-ресурсу, городской список 7204 г. (1695–1696) – в Приложении 2 по архивному подлиннику из документов РГАДА [12], городской список 7205 г. (1697) – в Приложении 3 по существующей книжной публикации [8, с. 229–231]. Нет сомнений, что Вельяминов-Зернов был знаком с городским списком 7199 г. (1690–1691), возможно, даже частично копировал его.

Список 1697 г. имел по боковым полям листов надпись-помету: «Лев Миронов сын Вельяминов-Зернов». Это имя и фамилия воеводы, управлявшего в 1697–1701 гг. Сургутом. Фамилии М. С. Трусова, «сидевшего» в Сургуте в 1695–1657 гг., в городском списке 204 г. (1695/96) нет. Может, список принадлежал тому же Л. М. Вельяминову-Зернову, чье воеводство захватывало и осень 1696 г. В специальной книге о Сургуте упоминается городской список Сургута 1701 г., его цитирует Н. А. Миненко [4, с. 159–160]. В Сургуте воеводствовал тогда тот же Л. М. Вельяминов-Зернов. Можно предположить, что за время своего воеводства Вельяминов-Зернов три раза отправлял в Москву примерно одинаковый городской список Сургута: в 1696, 1697 и 1699 гг. и, возможно, еще и городской список 1701 г., который использовала Н. А. Миненко. В 1701 г. городской список Сургута Вельяминова-Зернова попал в стены Сибирского приказа, через них – к деятелям Сибирского приказа и в составлявшуюся «Ведомость 1701 г. сибирским городам», в сокращенном варианте [13, с. 156–157]. Об этом имеется указание в самой «ведомости»: «выписано из сибирских сметных списков последних

к Москве присылок и писано ниже сего» [13, с. 136]. Причем дельцы сибирского приказа воспользовались городовым списком Сургута от 207 г. (1698–1699), видимо, очередного, поступившего от Вельяминова-Зернова.

О Вельяминове-Зернове известно лишь, что он «сидел» на воеводстве в 1694–1701 гг., что ему было не менее 60 лет и что в 1701 г. он просил о перемене. Вместе с его просьбой в Сибирский приказ поступила челобитная от сургутских служилых людей. Они одобряли воеводство Л. М. Вельяминова-Зернова, но, поддерживая его челобитную, сообщали, что в настоящее время он «застарел и за болезнью своею во всяких твоих великого государя делах меж грацкими всяких чинов жители росправы не чинит и от того его неисправления мешдо нами чинитца неустроение» [14, с. 137].

Городовые списки содержат конкретные сведения, по которым несложно составить схему города и острога в масштабе и сравнить с рисунком С. У. Ремезова из «Чертежной книги Сибири» (рис. 1). Точкой отчета оборонительных строений в городских списках является Спасская проходная башня, две угловые башни имели одинаковое название – Набережные и, соответственно названию, располагались вдоль берега; вторая «проезжая башня о шти углах» Богородицкая, поставлена согласно городovým спискам в 199 г. (1690–1691) на месте, «а где были задние ворота», скорее всего, напротив Спасской; две другие угловые башни Боровая и Казенная располагались в зависимости от места расположения Спасской – на северо-западной стене или в юго-восточной. Рассмотрим оба варианта расположения Спасской башни.

Первый вариант – Спасская башня, построенная над главными воротами, находится на северо-западной стене, откуда проходит сухопутная зимняя дорога в город. Тогда следующие башни в городских списках перечисляются по ходу солнца – Боровая на западном углу, Казенная на восточном углу, Богородицкая в юго-восточной стене, Набережная угловая, другая Набережная угловая (рис. 2, схема 1).

Второй вариант – Спасская башня с главными воротами находилась в юго-восточной стене, со стороны захода судов из реки Оби в Бардакову протоку. Тогда следующие башни в городских списках перечисляются против хода солнца: Боровая башня стояла на восточном углу, Казенная находилась на западном углу, Богородицкая проходная башня – в северо-западной стене (рис. 2, схема 2).

В пользу первого варианта говорит расположение главных ворот на западе в сторону столицы, куда идет зимний путь. Нахождение Богородицкой проходной башни со стороны посада, где по городovому списку 1701 г. находилась церковь Рождества Богородицы, тоже подтверждает этот вариант, хотя в городovом списке 1690–1691 гг. (Приложение 1) название башни объясняется изображением на ней Богородицы: «А словет та башня Богороцкая, потому что на той башне над воротаы поставлен образ Пресвятыя Богородицы Казанские». В Городском списке 1690–1691 гг. (Приложение 1) говорится: «А построена та башня проезжая для того, что в нынешних годех по тое сторону города слобода – жителей болши сорока дворов – и бес проезжей башни для неприятельского приходу в том месте быть невозможно, потому что угольных башен очищать неоткуда». На плане города Сургута «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова за пределами кремля постройки расположены только с восточной стороны двумя группами: одна группа домов сосредоточена вокруг церкви, вторая отделена широкой «улицей» (рис. 1). Никакой новой слободы с западной стороны кремля не обозначено, что подтверждает место Богородицкой башни на юго-восточной стене, а Спасской, соответственно, – в северо-западной стене.

За второй вариант свидетельствует городovый список 1701 г., в котором написано, что в девяти саженьях от Спасской башни стояла таможня, а от таможни улицей надо было идти до старой Васильевской проезжей башни 88 сажень. Васильевская башня находилась

на краю внешнего, посадского острога с восточной стороны [4, с. 161]. Про Богородицкую башню ничего не сказано, хотя она была построена позже остальных и, соответственно, сохранилась лучше. Также второму варианту соответствует и обозначение на чертеже С. У. Ремезова креста на крыше восточной башни (рис. 1). Во всех трех публикуемых в Приложении городских списках есть информация, что Боровая башня в 188 г. (1679–1680) была сломана, построена новая восьмиугольная и на ней сделана колокольня. Если Боровая башня С. У. Ремезовым отмечена на восточном углу, то тогда Спасская башня находилась в юго-восточной стене.

Для выяснения расположения стен, башен кремля и острога были выстроены схемы в масштабе по городским спискам в двух вариантах (рис. 2). Для удобства масштабирования сажени были переведены в метры исходя из казенной сажени, равной 2,16 м, утвержденной Соборным уложением 1649 г., которую продолжали использовать в первые годы правления Петра I.

При составлении схемы кремля по городскому списку 1690–1691 гг. (Приложение 1) получается, что расположение стен имело форму относительно правильного четырехугольника (рис. 2, схема 1). В стене со Спасской башней упоминается ширина ворот – 2,75 сажени (5 м), протяженность острожной стены между Казенной башней и Набережной дается без учета Богородицкой башни, построенной в этом же году, но с размерами задних ворот – сажень с четвертью (2,7 м). Ниже приводятся размеры новой Богородицкой башни с шириной в 3 сажени с аршином (7,2 м). Стены кремля уже были заменены с рубленых городнями на острожные. В стене между набережными башнями был встроен «государев двор, где стоят воеводы», протяженность которого в стене – 8 сажень без четверти (около 17 м). Таким образом, кремлевский острог имел форму четырехугольника с почти равными сторонами 64,82 + 61,56 + 63,2 + 62,58 м. Общий периметр кремлевских стен вместе с башнями – 134 сажени, а длина всех сторон без угловых башен при сложении составляет 114 сажений. Размеры угловых башен в этом списке не приводятся. И если разницу в 20 сажений отнести только к ширине 4 угловых башен, то размеры башен по 5 сажений в ширину (10,8 м) будут нереально большими. Но башни, как известно, выступают наружу от стен, поэтому при измерении периметра могли измеряться все стороны угловых башен. Кроме того, башни могли быть разными по форме и размерам, например, по городскому списку 1701 г. Боровая башня была восьмиугольная шириной 3,5 сажени, а Казенная, вероятно, была четырехугольной шириной 2,5 сажени [4, с. 159].

Интересно, что во всех трех списках периметр кремля указывается один и тот же – 134 сажени, хотя размеры острожных стен в городских списках 1695–1696 гг. и 1697 г. отличаются от размеров в городском списке 1990–1991 г.: длина стены между Казенной и Боровой башнями увеличилась до 29,5 м, длина стены с Богородицкой башней увеличилась более чем на 1 сажень – до 31 сажени (20+11), без учета размеров Богородицкой башни, которая в этих списках не указана. Если добавить к острожной стене ширину Богородицкой башни – 7,2 м, то кремль будет иметь пятиугольную форму с пятым углом на Богородицкой башне. Это неминуемо привело бы к необходимости перестройки острожной стены и должно было быть отражено в городском списке. Скорее всего шестиугольную башню пристроили одной стеной к существующим воротам крепости.

Кроме кремлевского острога в Сургуте был внешний острог, одинаково описанный в трех городских списках. Стены острога тоже были составлены на схеме в масштабе. Описание острога начинается от восточной Набережной башни. Сначала идет 7 сажений (15,12 м) острожной стены до малых водяных ворот, через которые завозили с реки в город воду. Потом 36 сажений (77,7 м) до средних водяных ворот, роль оборонительной стены выполняют поставленные в ряд дворы служилых людей, далее дворы служилых людей составляют стену

на протяжении 43 саженей (92,88 м) до наугольных (расположенных в углу) ворот. Далее от угла до Васильевской башни 16 саженей (33,5 м) стоит острожная стена. Васильевская башня была построена на месте больших задних ворот и имела караульную избу, вероятно, для наблюдения за подходом к городу со стороны реки Оби. От Васильевской башни до угла острога на 23 сажени (49,68 м) – острожная стена, которая продолжается от угла острога до Боровой башни на расстоянии 74 сажени (159,84 м). В последнем участке острожной стены имеются Боровые ворота, которые, вероятно, использовались для провоза дров и бревен для строительства.

В связи с наличием двух вариантов расположения стен и башен кремля внешний городской острог тоже имеет две разновидности. В первом варианте внешняя острожная стена огибает Казенную башню и форма границ острога выглядит округленной, вписанной в рельеф местности (рис. 2, схема 1). Судя по плану города 1893 г., от кремля к востоку и юго-востоку поверхность понижается к оконечности мыса, образованного при впадении р. Саймы в протоку Бардаковку. Но тогда сглаживается восточный угол, который прописан во всех трех списках как репер, а в городских списках 1695/96 и 1697 гг. этот угол называется Боровым или Боровским, другими словами, он был явно выражен в острожной стене.

Во втором варианте внешняя острожная стена примыкает к башням только одной стены – юго-западной. Внешний острог в этом случае имеет форму вытянутого четырехугольника (рис. 2, схема 2). Интересно, что в городских списках 1690–1691, 1695–1696 и 1697 гг. не упоминается церковь Рождества Богородицы за пределами кремля, зато эта церковь изображена на чертеже С. У. Ремезова и описана в городском списке 1701 г. [4, с. 161].

Для проведения дальнейших археологических исследований и сохранения культурного слоя, содержащего остатки крепостных и острожных сооружений, важно максимально точно определить их место на плане современного Сургута. Сложность этой работы в том, что в Сургуте с 70-х гг. прошлого века началось активное строительство, которое продолжается и сейчас. Современная планировка не соответствует планировке начала XX в., не сохранилось ни одной улицы, остались лишь некоторые уличные направления. Из дошедших до нас топографических планов старого Сургута самым древним является «План города Сургута с показанием ныне состоящего и вновь назначенного строения» 1797 г. (рис. 3). На нем в середине застройки у берега р. Бардаковки можно разглядеть площадь, по форме близкую к квадрату, на которой планировалось строительство гостиного двора. Площадь схожа с местом расположения кремля-острога, что обоснованно связали П. А. Корчагин и К. В. Плотников [11, с. 165–166]. Это подтверждается и расположением с набережной стороны площади сложного в плане строения, обозначенного на карте под цифрой 3 как «присутственные места» (административное здание). По городским спискам (Приложения 1–3) в набережной стене острога в конце XVII в. находился двор воевод.

Литерой «л» на плане обозначена соборная церковь у восточного края площади (стены острога), а цифрой 2 отмечена приходская церковь. В Сургуте соборная церковь была Свято-Троицкой и согласно городским спискам 90-х гг. XVII в. находилась внутри острога (кремля): «А в остроге соборная и апостолская церковь святые и живоначалные Троицы, и та церковь ветха и огнила, и в олтаре и в трапезе потолок местами обвалился. А строена та церковь при воеводах при Федоре Волинском с товарищем во 121-м (1612–1613) году» (Приложение 1). Из городского списка 1701 г. известно, что в 1700 г. Свято-Троицкая церковь сгорела и была перенесена на новое место [4, с. 160]. Вероятно, после еще одного городского пожара 1712 г. церковь сгорела и долго не восстанавливалась. Согласно городской ведомости 1740 г. в городе действовала одна церковь – Рождества Богородицы, а соборная Троицкая церковь строилась [4, с. 161–162].

В Описании Тобольского наместничества 1790 г. при топографическом описании города Сургута тоже упоминаются две церкви – каменная соборная и деревянная казенного строения, – и обе находились вне крепости [1, с. 175].

Довольно точная топографическая съемка города Сургута представлена на плане 1893 г., и, хотя на нем не обозначена Свято-Троицкая церковь, планы 1797 и 1893 гг. удалось совместить (рис. 4). К сожалению, не известны топографические планы Сургута начала XX в., только в Сургутском краеведческом музее хранится план-схема «Сургут до 1917 года» с улицами и кварталами без масштаба, выполненная по воспоминаниям старожила П. П. Пугно. На плане обозначена Троицкая церковь на западном углу улиц Набережной и Троицы. Сейчас улица Набережная перекрыта улицей Гагарина, а улица Троицы в советское время называлась Ленина, в настоящее время застроена домами. В 30-х гг. XX в. церковь разобрали на кирпичи, а в 50-х на фундаменте церкви построили деревянный кинотеатр «Октябрь». В 1995 г. на месте кинотеатра построили новый мемориал Славы в память о погибших в Великой Отечественной войне, и одновременно с ним была возведена Троицкая часовня в память о прежнем храме.

Таким образом, определение места расположения каменной Свято-Троицкой церкви позволило определить нахождение кремля и острога на современном плане и карте города Сургута (рис. 5).

Используя сведения, содержащиеся в городских списках, и обобщая выводы, сделанные всеми исследователями, кратко историю строительства городских (острожных) укреплений можно изложить в следующем виде.

В 1594 г. при князе Федоре Борятинском был построен кремль со стенами в виде рубленых городен, поставленных четырехугольником, по углам которого располагались четыре глухие башни. Почти сразу после этого был построен и внешний острог, а в связи с походом на Пегую орду при воеводе О. Т. Плещееве в 1596 г. острог был укреплен: вокруг города и острога поставлен чеснок – специальные заграждения.

В 1602 г. при воеводе Якове Борятинском над воротами, которые находились в юго-восточной стене, связывающей город и внешний острог, была поставлена Спасская проходная башня. Стоит отметить, что в источниках разного времени имеются несоответствия в порядке постройки башен: по городовому списку 1690–1691 гг. (Приложение 1) город был построен сразу с четырьмя угловыми башнями, а в «Ведомостях сибирских городов» 1701 г. описывается, что три башни были построены в 1594 г., а угольная в бору (Боровая) – только в 1622 г. [13, с. 156].

В 1665 г. при воеводе Ф. А. Зыкове первоначальный город (кремль), состоящий из рубленых городней, был заменен острогом. По периметру крепостных стен, снаружи, в землю были врыты бревна частокола. Город окружила новая острожная стена с добавлениями (ворота, башни). В острожной стене с северо-запада между Казенной и Набережной башнями были сделаны ворота. Причиной этой перестройки крепости стало негодное состояние городских укреплений, о чем еще в 1656 г. воевода П. Ж. Кондырев писал в Москву: «Город, государь, и острог весь згнил и обвалился, починить нельзе и некем» [15]. Новые башни строились почти там же, где и в рубленном городе, и носили их названия.

В 1680 г. при воеводе Д. И. Лихареве перестраивается угловая Боровая башня: «А Боровая старая башня сломана, и на том же месте осмиугольная башня поставлена, и на ней колоколня зделана при сиденье столника и воеводы Дмитрея Иванова сына Лихарева 188-го году» [16]. А в 1691 г. при воеводе В. Б. Бухвостове в северо-западной стене между Казенной и Набережной башнями, на месте Задних ворот строится Богородицкая башня для защиты жителей новой слободы из 40 дворов.

Пока остается неизвестной дата постройки Васильевской башни. Из городского списка 1690–1691 гг. известно, что она была проезжей, поставленной над большими задними воротами в юго-восточной стороне внешнего (посадского) острога и имела караульную избу. К 1690 г. башня вместе с караульной избой уже сгнила и обвалилась (Приложение 1). О каких-либо перестройках внешнего «посадского» острога в известных источниках ничего не сообщается. В городском списке 1697 г. (Приложение 3) сообщается о ветхом состоянии северо-восточной стены внешнего острога, примыкающей к Боровой башне: «А от угла острогу до Боровой городской башни 74 сажени, да в той же стене ворота, словут Боровые. Ширина воротам сажень с четвертью. И того острогу, и башни, и ворот ныне ничего нет – все сгнило без остатку» [17].

В 1712 г. городские укрепления сгорели, и к 1718 г. на прежнем месте был построен новый острог (кремль) с тыновыми стенами, в плане крепость сохраняла четырехугольную форму с тремя глухими башнями и одной проезжей башней в северной стене.

Подводя итоги, можно сказать, что публикуемые городские списки конца XVII в. являются наиболее достоверными и подробными источниками по городским острожным укреплениям Сургута, а также по другим административным и культовым строениям. Выстроенная нами схема укреплений по «Городовым спискам» подтверждает четырехугольную форму кремля, а не шестиугольную, изображенную на рисунке С. У. Ремезова [18]. В «Городовых списках» содержится подробное описание внешнего «посадского» острога, поставленного почти одновременно с кремлем. Внешний острог отсутствует на рисунке С. У. Ремезова, так как к этому времени он во многих местах сгнил и разрушился из-за отсутствия необходимости обороны посада. Вычерчивание схемы внешнего острога подтверждает второй вариант плана кремля, где главные Спасские ворота расположены в юго-восточной стене, а острог имеет форму вытянутого четырехугольника. После совмещения планов города 1797, 1793 гг. и привязки их к генеральному плану современного Сургута с помощью места расположения Троицкой церкви можно относительно точно определить границы, где залегают остатки крепостных сооружений. Это особенно важно для будущих археологических исследований и сохранения объекта археологического наследия, а также для использования его в популяризации местной истории.

Литература

1. Описание Тобольского Наместничества: Новосибирск : Наука, 1982. 321 с.
2. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1.
3. Элерт А. Х. Сургутский уезд первой половины XVIII в. в экспедиционных материалах Г. Ф. Миллера // Сургут, Сибирь, Россия : мат-лы Международной научно-практической конференции, посвященной 400-летию города Сургута. Екатеринбург : НПМП «Волот». 360 с.
4. Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург : Изд-во «Тезис», 1994. 328 с.
5. Буцинский П. Н. Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. / К истории Сибири. Тюмень : Изд-во «Мандрика», 2003. С. 254–266.
6. Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М. : Стройиздат, 1978. 190 с.
7. Резун Д. Я., Васильевский В. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 1989. 304 с.
8. Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Вып. I. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2002. С. 114–240.
9. Корчагин П. А. Отчет о научно-исследовательской работе «Рекогносцировочные археологические исследования в историческом центре г. Сургута в 2008 году». 2008 г. // Архив Сургутского краеведческого музея. Ф. 04. Оп. 28. Д. 17.
10. Пархимович С. Ю. Отчет о результатах научно-исследовательской работы по теме: «Разработка научно-проектной документации для обоснования достопримечательного места «Культурный слой города Сургута». Книга 1. Нефтеюганск // архив ООО НПО «Северная археология-1», 2012. 104 с.

11. Корчагин П. А., Плотников К. В. Планиграфическая реконструкция кремлевских укреплений города Сургута на рубеже XVII–XVIII веков // От карты прошлого – к карте будущего. Пермь : Перм. госуд. национ. исследоват. университет, 2017. С. 157–167.
12. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1123, л. 39–43 об. Подлинник.
13. Первое столетие сибирских городов. XVII век. История Сибири. Первоисточники. VII выпуск. Новосибирск : Изд-во «Хронограф», 1996. 190 с.
14. Вершинин Е. В. Воеводское управление Сибири (XVII век). Екатеринбург : Изд-во «Развивающее обучение», 1998. 204 с.
15. РГАДА. Стб. 503. Ч. 1. Л. 171.
16. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1, ч. 4. Д. 1009. Л. 94–98 об. Подлинник.
17. РГАДА. Ф. 214 Кн. 1164, л. 27-30а об.
18. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. В 2-х томах. 2-е доп. издание. Тобольск : Фонд «Возрождение Тобольска», 2007. Т. 1. Факсимиле рукописи, хранящейся в Российской государственной библиотеке. Фонд 265, собрание графа Н. П. Румянцева. 48 л.
19. План существующего расположения города окружного города Сургута Тобольской губернии. С показанием предполагаемого урегулирования в 1883 году // РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 44. Л. 3.
20. План Тобольского наместничества городу Сургуту // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22619.

Приложение 1

Описание острога г. Сургута в Городовом списке 7199 (1690–1691 гг.) года

Сургуцкого города Городовой список 199-го году, сколько в остроге ворот и башен, и как которые ворота и башни словут, и сколько меж башен вместо рубленого города острогу сажень, и что в нынешнево 199-го году великих государей наряду и в зелейном погребе пушечных припасов: зелья, и свинцу, и ядер, и то писано в сем списке порознь.

Сургуцкой город был рубленой, и вместо рубленого города поставлен острог без мостов и без лесниц. Стоит над обскою протокою от болшей Оби с версту. Из острогу ворота. Ширина воротам 3 сажени бес чети.

А над ворота башня шатровая, словоет Спаская.

А от Спаской башни до наугольной Боровой башни острогу 17 сажень с четью, а рублена та башня о осми углах в замок. А на верху той башни зделана колоколя.

А от Боровой башни до Казенной башни острогу 28 сажень с полусаженью.

А от Казенной башни до Набережной угольной башни острогу 28 сажень с четью. Да в той же стене ворота задние. Ширина воротам сажень с четью. Зделаны в острожной стене, а не в башне.

А от Набережной угольной башни до другой Набережной угольной же башни по берегу острогу 21 сажень, да в той же стене государев двор, где стоят воеводы, а в нем 8 сажень бес чети, да в той же стене с воевоцкого двора воротца. Ширина вородцам сажень бес чети.

А от другой Набережной угольной башни до Спаских ворот 10 сажень.

А около всего острогу, что вместо рубленого города и башен, по мере 134 сажени, а вышина острогу до обламов 1 пол 2 сажени, а от обламов до верху сажень бес чети.

А рубленой город и 4 башни по углам ставлены при воеводе при князе Федоре Борятинском во 103-м году сургуцкими и иных городов служилыми людьми.

А Спаская шатровая башня над ворота поставлена при воеводе при князе Якове Борятинском во 110-м году.

А вместо рубленого города острог поставлен и задние ворота в той острожной стене промеж Казенной и Набережной башен зделаны при сиденье столника и воеводы Федора Андреева сына Зыкова во 173-м году, и тот острог ныне весь подгнил, держитца толко на иглах². А катки³, и обламы, и задние ворота – все огнило и обвалилось.

А Боровая старая башня сломана, и на том же месте осмиугольная башня поставлена, и на ней колоколя зделана при сиденье столника и воеводы Дмитрея Иванова сына Лихарева 188-го году.

А где были задние ворота, и на том месте в нынешнем во 199-м году поставлена проезжая башня о шти углах. Рублена в замок. В ней ширина 3 сажени с аршином, в вышину до обламов 3 сажени с полусаженью, а от обламов до шатра сажень с четью, а шатер 5 сажень. На шатре вышка сажень. А словоет та башня Богороцкая, потому что на той башне над ворота поставлен образ Пресвятыя Богородицы Казанские.

А построена та башня проезжая для того, что в нынешних годах по тое сторону города слобода – жителей болши сорока дворов – и бес проезжей башни для неприятелского приходу в том месте быть невозможно, потому что угольных башен очищать неоткуда.

А в остроге соборная и апостолская церковь святыя и живоначалныя Троицы, и та церковь ветха и огнила, и в олtare и в трапезе потолок местами обвалилса. А строена та церковь при воеводах при Федоре Волынском с товарищем во 121-м году.

Да в остроге ж приказная изба да казенной анбар, зелейной погреб, 4 анбара хлебных, анбар соляной, государев двор, где стоят воеводы, а на том дворе всякое хоромное строенье огнило и обвалилось, да в том же остроге изба караулная, тюрьма, подвал винной постро-

ен в нынешнем во 199-м году для винной присылки, которое вино прислано ис Тоболска в прошлом во 198-м году 450 ведр. А служилых всяких людей дворов в остроге нет.

А острожного места, где был старой острог, от Набережной городской угольной башни до Водяных острожных ворот 7 сажен. Воротам ширина пол 2 сажени 4.

А от Водяных острожных ворот до средних Водяных же ворот 36 сажен.

А в стене стоят вместо острогу служилых людей дворы, а воротам ширина сажень.

А от Водяных средних ворот до острожного угла вместо острогу в стене служилых людей дворы, а в них 43 сажени, а на углу ворота ширина пол 2 сажени.

А от наугольных острожных ворот до задних болших острожных ворот 16 сажен. А над ворота была проезжая башня, слыла Васильевская. А на башне была изба караулная, и та башня и караулня и згнила, и обвалились. А воротам ширина 3 сажени бес чети.

От Васильевской башни до ворот угла острогу 23 сажени.

А от угла острогу до Боровой городской башни 74 сажени, да в той же стене ворота, словут Боровые. А ширина воротам сажен с четью. И того острогу ныне ничего нет.

И всего острожного места по мере 207 сажен.

В Сургуте ж наряду: пищаль медная 9 пядей, а ныне 132 ядра железных весом по 2 гривенки 5 ядро, пищаль медная 7 пядей, а к ней 355 ядер железных и свинцовых, 4 пищали затинных железных, а к ним 1000 ядер железных и свинцовых.

Да в казне великих государей 35 мушкетов, и у тех мушкетов с[т]волю роздуло. А у них замки переломаны, а починить мушкетов и замков некому.

Да в зелейном погребе пушечных припасов у 198-го в нынешней во 199-й год осталось 28 пуд 24 гривенки с полугривенкою, и з деревом зелья пушечново 50 пуд 28 гривенок с полугривенкою, и з деревом, и с рогожи, и с веревки зелья ручново 44 пуда, 29 гривенок свинцу, 1487 ядер железных и свинцовых, и в нынешнем во 199-м году пушечным припасом, зелью и свинцу росходу не было.

И те пушечные припасы остались у 199-го в 200-й год.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1, ч. 4. Д. 1009. Л. 94–98 об. Подлинник.

Получено с сайта: https://sibrelic.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1690_1699gg/akty_istoricheskie_1690g/1690_1691/64-1-0-578

Приложение 2

Городовой список Сургута 204 (1695/1696 г.) года

Л. 39. Город Сургут был рубленой и вместо рубленого города поставлен острог без мостов и без лестниц, стоит над Обской протокою от большой

Л. 39 об. Оби с версту. Из острогу ворота, ширина воротам 3 сажени без четверти. И над вороты башня шатровая, словет Спасская.

А от Спасской до наугольной Боровой башни острогу 17 сажен с четвертью. А рублена та башня о осми углах в замок, а на верху той башни зделана колокольня.

А от Боровой башни до Казенной башни острогу 29 сажень с полусаженью.

Л. 40. А от Казенной башни до Богородицкой башни 20 сажень. А от Богородицкой до Набережной угольной башни 11 сажень. А от Набережной угольной до другой Набережной угольной же башни по берегу острогу 21 сажень. Да в той же стене двор, где стоят воеводы, а в нем 8 сажень. Да в той же стене с воеводского двора воротца, ширина воротцам сажень без четверти.

Л. 40 об. А от другой Набережной угольной башни до Спасских ворот 10 сажень.

И около всего острогу, что вместо рубленого города, и башен по мере 134 сажени, а вышина острогу до обломов пол-2 сажени (т.е. 1,5 саж.), а от обломов до верху 1 сажень бес четверти.

А рубленой город и башни по углам ставлены во 103 году (т.е при основании Сургута в 1594/95 г.) сургуцкими и иных городов служилыми людьми. А Спасская проезжая башня поставлена во 110 (1601/1602) году.

Л. 41. А вместо рубленого города острог поставлен во 173 (1664/1665) году. И тот острог ныне весь подгнил и во многих местах вывалился, а катки и обламы все огнили и обвалились. А Боровая старая башня сломана и на том де месте осьмиугольная башня поставлена и на ней колокольня зделана во 188 (1679/1680) году. А Богородицкая проезжая башня поставлена, где были задние ворота во 199 (1690/1691) году, а рублена та башня о шти углах.

Л. 41 об. А в остроге церковь во имя Живоначальной Троицы, ветхая и гнилая. В алтаре и трапезе потолок местами обвалился. Строена та церковь в 121 (1612/1613) году.

А в остроге приказная изба, казенный анбар, зеленый погреб, два анбара хлебные, один соляной, двор, где стоят воеводы, на дворе хоромное строение огнило.

В остроге тюрма, подвал винной, у Спасских ворот изба караульная, жилых дворов в остроге нет.

Л. 41 об. От Набережной городской угольной башни до острожных водяных ворот 7 сажень, ширина пол-2 сажени. А от этих водяных ворот до средних водяных же ворот 36 сажен. А в стене стоят вместо острога служилых людей дворы, а воротам ширина сажень. А от водяных средних ворот до острожного угла вместо острога дворы служилых людей, а в них 43 сажени.

Л. 42 об. А на углу ворота, ширина 2 сажени. А от Наугольных острожных ворот до проезжей Васильевской башни 16 сажень. Была на Васильевской башне изба караульная. Башня и изба сгнили и обвалились. От Васильевской башни до Боровского угла 23 сажени острога, а словут те ворота Большие задние.

Л. 43. А от угла острога до городской Боровой башни 74 сажен. Да в той стене ворота Боровые, ширина 1 сажень с четвертью. Того острога и башни и ворот уже нет. А по мере острожного места кругом 107 сажень.

В 201 (1691/1692) у Спасской башни построен кружечный двор.

Л. 43 об. Ружейный наряд:

Пищаль медная 9 пядей, пищаль медная 7 пядей, 4 пищали затинных железных.

РГАДА. Ф. 214. Кн. 1123, л. 39 – 43 об. Подлинник.

Приложение 3

Городовой список города Сургута 205 (1696-1697 г.) года

(Л. 27) Города Сургута городской список 205-го году, сколько в остроге ворот и башен, и как которые ворота и башни словут, и сколько меж башен, вместо рубленого города, острогу сажен, и что в Сургуте ружейного наряду, и в зелейном погребе пушечных припасов и зелья, и свинцу, и ядер – и то писано в сем городском списке порознь.

Город Сургут был рубленой, и вместо рубленого города поставлен острог без мостов и без лесниц. Стоит над Обскою протокою от Большой Оби с версту. Из острогу ворота, ширина воротам 3 сажени бес четверти, (Л. 27об.) а над вороты башня шатровая, словет Спасская.

А от Спасской башни до наугольной Боровой башни острогу 17 сажен с четью, а рублена та башня о осми углах в замок. А наверху той башни зделана колокольня.

А от Боровой башни до Казенной башни острогу 29 сажен с полусаженю.

А от Казенной башни до Богородцкой башни 20 сажен. А от Богородцкой башни до Набережной угольной башни 11 сажен.

(Л. 28) А от Набережной угольной башни до другой Набережной угольной же башни по берегу острогу 21 сажень. Да в той же стене двор, где стоят воеводы, а в нем 8 сажен бес четверти, да в той же стене с воевоцкого двора воротца, ширина воротцам сажень бес четверти.

А от другой Набережной угольной башни до Спасских ворот 10 сажен.

А около всего острогу, что вместо рубленого города, и башен по мере 134 сажени. А вышина острогу до абламов пол-2 сажени. А от абламов до верху сажень бес четверти.

(Л. 28 об.) А рубленой город и четыре башни по углам ставлены во 103-м году сургутскими и иных городов служилыми людьми. А Спасская проезжая башня поставлена во 110-м году.

А вместо рубленого города острог поставлен во 173-м году, и тот острог ныне весь подгнил и во многих местах вывалился, а катки и обламы все огнили и обвалились.

А Боровая старая башня сломана, и на том же месте осмиугольная башня

(Л. 29) поставлена, и на ней колокольня зделана во 188-м году.

А Богородцкая проезжая башня поставлена, где были задние ворота, во 199-м году. А рублена та башня о шти углах.

А в остроге церковь Святые Живоначальные Троицы, и та церковь ветха и огнила, и в олтаре и трапезе потолок местами обвалился. А строена та церковь во 121-м году.

Да в остроге ж приказная изба, казенной анбар, зелейной погреб, два анбара

(Л. 29 об.) хлебных, анбар соляной, двор, где стоят воеводы. А на том дворе всякое хоромное строение огнило и обвалилось. Да в том же остроге тюрьма, подвал винной, да у Спасских ворот изба караульная. А служилых и всяких чинов людей дворов в остроге нет.

А острожного места, где был старой острог, от Набережной городской угольной башни до острожных водяных ворот 7 сажен. А воротам ширина пол-2 сажени.

А от водяных острожных ворот до средних водяных же ворот 36 сажен.

(Л. 30) А в стене стоят, вместо острогу, служилых людей дворы. А воротам ширина сажень.

А от водяных средних ворот до острожного угла вместо острогу в стене служилых людей дворы, а в них 43 сажени. А на углу ворота, ширина воротам пол 2-сажени.

А от Наугольных острожных ворот до проезжей Васильевской башни 16 сажен. А на той Васильевской башне была изба караульная, и та башня и караульня згнила и обвалилась вся без остатку.

(Л. 30 об.) А воротам ширина 3 сажени бес четверти. А от Васильевской башни до Борового угла острогу 23 сажени. А словут те ворота Большие Задние.

А от угла острогу до Боровой городской башни 74 сажени, да в той же стене ворота, словут Боровые. Ширина воротам сажень с четвертью. И того острогу, и башни, и ворот ныне ничего нет – все згнило без остатку. А по мере острожного места кругом 207 сажен.

Да в прошлом в 201-м году в старом остроге у проезжей Спаской башни построен (Л. 30а) кружечный двор. А на том дворе строения: изба с сеньми да с выходом, погреб, потому что кружечного двора не было.

Да в Сургуте ж ружейного наряду:

Пищаль медная, 9 пядей. А к ней 132 ядра железных, весом ядро по полу- 2 гривенки.

Пищаль медная ж, 7 пядей. А к ней 355 ядер железных и свинцовых.

4 пищали затинных, железных. А к ним 1 000 ядер железных и свинцовых.

(Л. 30а об.) И того ружейного наряду ядра в казенном анбаре у городских целовальников.

Да в том же казенном анбаре, у них же, городских целовальников, казенных 35 мушкетов, и у тех мушкетов стволы раздуло и замки переломаны, а починить мушкетов и замков некому.

Да в зелейном погребе пушечных припасов:

У 204-го в 205-й год в остатке 28 пуд 24 гривенки с полугривенкою и з деревом зелья пушечново. 50 пуд 28 гривенок с полугривенкою з деревом, и с рогожи и с веревки зелья ручново. И то пушечное и ручное зелье отсырело и к стрельбе не годитца. 43 пуда 29 гривенок свинцу. И тому зелью и ядрам в 205-м году расходу не было.

РГАДА. Ф. 214. Кн. 1164, л. 27-30а об.

Публикуется по: Вершинин Е.В., Шашков А.Т. *Документы XVII в. по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Вып. 1.* Екатеринбург, 2002. С. 229-231.

Рис. 1. Город Сургут из «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова 1707 г.

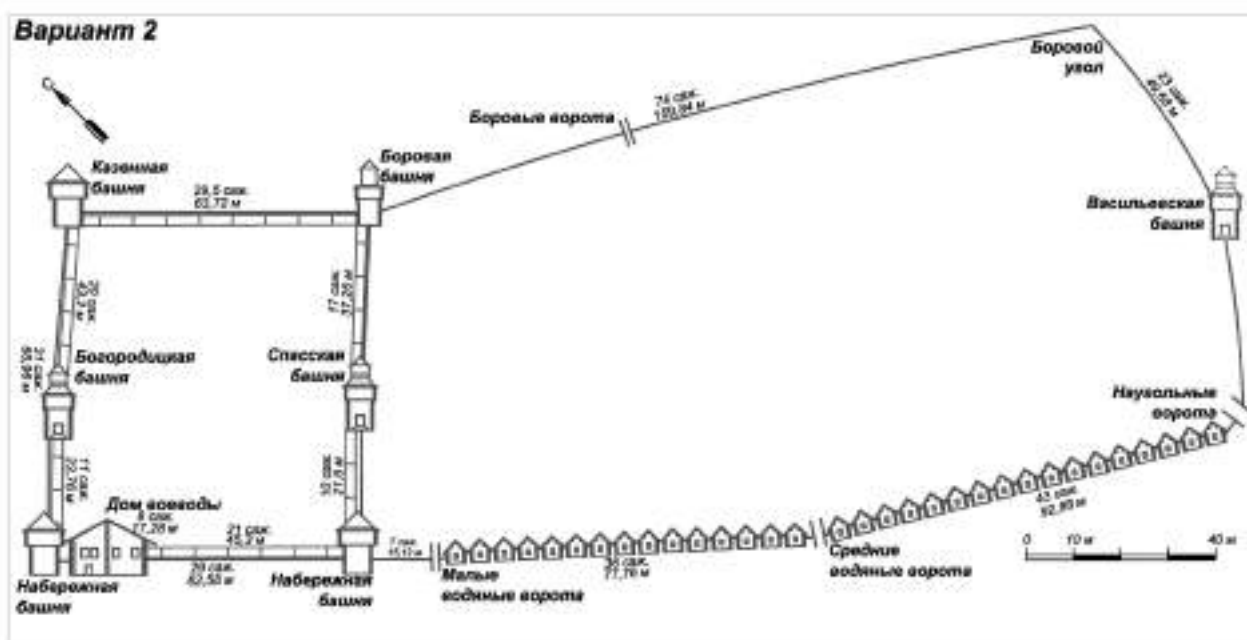
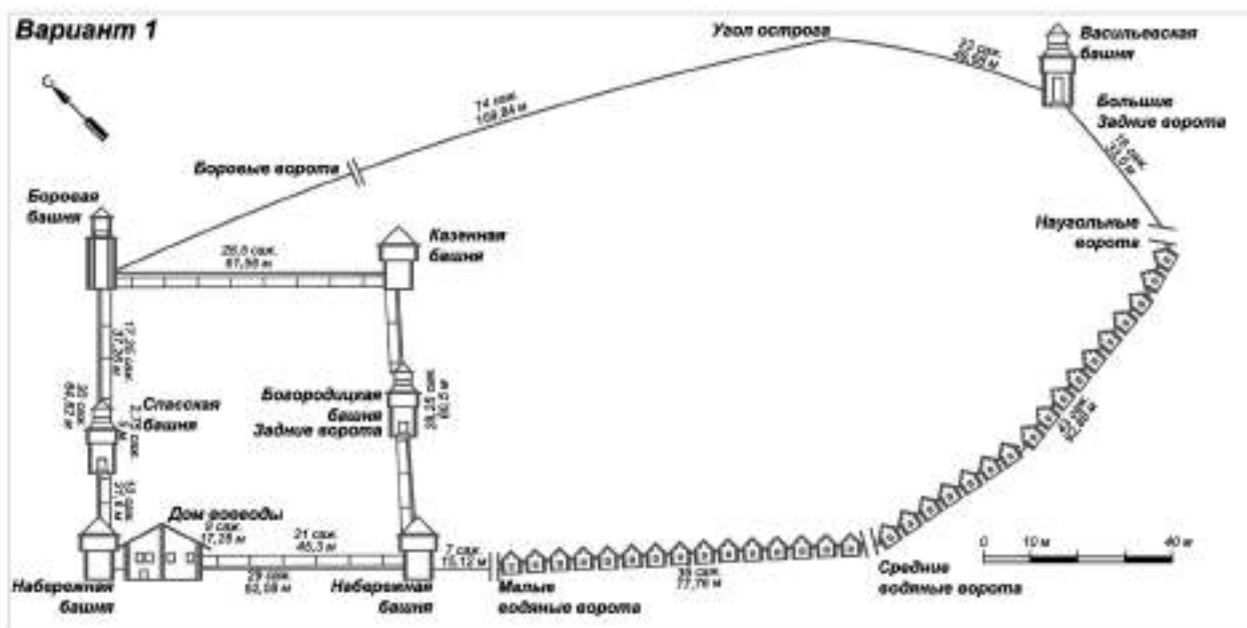

Рис. 2. Схема кремля и острога: *вариант 1* – по городовому списку 1690/91 гг.; *вариант 2* – по городовым спискам 1695/96 гг. и 1697 г.

Рис. 3. План Сургута 1797 г. из «Плана Табольскаго наместничества городу Сургуту»

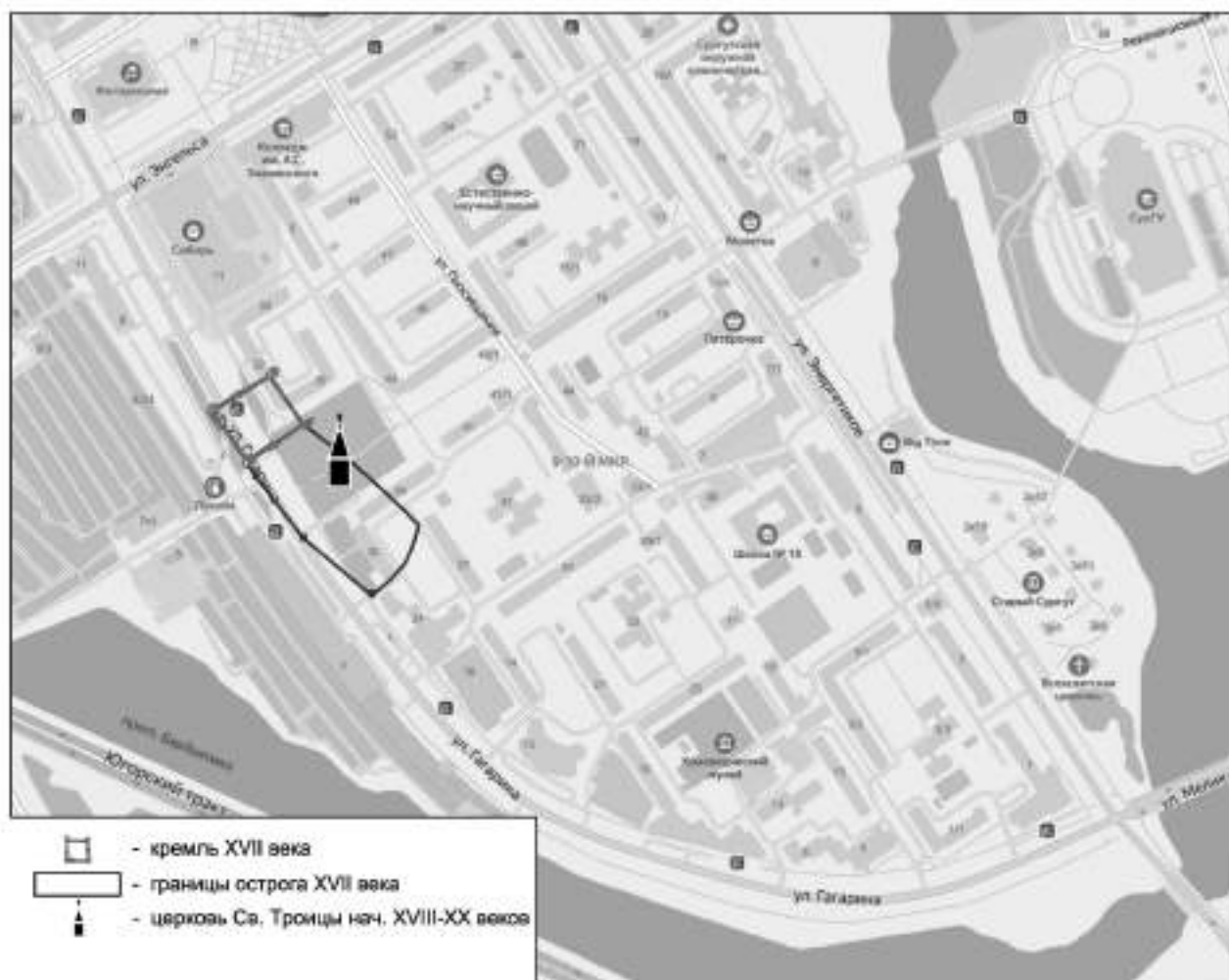

Рис. 5. Расположение кремля и острога конца XVII в. на современной карте Сургута

УДК 904:72.03(571.122)

DOI 10.34822/2312-377X-2020-1-132-141

*Фролов И. В.**Frolov I. V.***ОКОННИЦА XVIII в. ИЗ РАСКОПОК
БЕРЁЗОВСКОГО ГОРОДИЩА 2019 г.****WINDOW SILL OF THE 18th CENTURY FROM EXCAVATIONS
OF THE TOWN OF BERYOZOV IN 2019**

В статье дается описание фрагмента слюдяного заполнения оконницы. Фрагмент найден в ходе охранных раскопок памятника археологии «Берёзовское городище» под реставрацию на объекте культурного наследия «Мост деревянный на ряжах через овраг Култычный (вторая пол. XIX – XX в.)». Величина фрагмента и его сохранность позволяют делать научно обоснованную реконструкцию слюдяного заполнения оконного проема. Это важно для понимания материальной культуры березян XVII–XIX вв.

The article describes a fragment of a windowsill filling made of muscovite. The fragment was found during excavations of the archeological monument "Beryozovskoye Gorodishche" (a town) for restoration at the cultural heritage site of regional significance "Wooden bridge on ryazh (cribs) across the Kultichny gully (second half of the 19th – 20th centuries)". The size of the fragment and its preservation allows us to make a scientifically based reconstruction of the mica filling of the window opening. This is important for understanding the material culture of the population of Beryozov in the 17th–19th centuries.

Ключевые слова: археология нового времени, русский город XVII–XIX вв., архитектурная археология, слюдяная оконница, мусковит, Берёзов.

Keywords: modern age archaeology, Russian city of the 17th–19th centuries, architectural archaeology, micaceous windowsill, muscovite, Beryozov.

Введение. Изучение остатков конструкций архитектурных сооружений является одним из приоритетных направлений современной археологии. Роль археологических материалов для изучения и реконструкции архитектуры прошлого с каждым годом растет. Особенно важное значение археология имеет для понимания развития русского зодчества. Большая часть зданий русских поселений были деревянными и часто погибали в пожарах или разбирались по причине их ветхости. Раскопки на территории русских городов наглядно демонстрируют роль археологии в реконструкции русского градостроительства на разных этапах его исторического развития. Важной составляющей архитектурной археологии русского города является накопление материалов не только по конструкции зданий, но и об отдельных архитектурных элементах. Прежде всего речь идет о необходимости накопления и осмысления археологических материалов, связанных с оконными и дверными заполнениями, элементами декоративного украшения зданий, включая интерьеры. Определенную сложность представляет отслеживание по археологическим материалам конструкции кровли.

Одной из отличительных черт русской городской архитектуры XVI–XVIII вв. являлось использование слюды в оконных заполнениях. Слюда для оконных заполнений на Руси применяли уже в XI–XIII вв. Об этом свидетельствуют археологические находки в Новгороде

Великом. К концу XVIII в. использование слюды в качестве светопроводящего материала в окнах и фонарях настолько прочно ассоциировалось с Россией, что этот минерал получил международное научное название *vitrum moscoviticum* Wall, что значит «московское стекло», которое позже сократилось до простого «мусковит» [1–7].

Находки слюдяных пластин оконных заполнений встречаются в археологических материалах русских городов достаточно часто. Как правило, это находки отдельных пластин, которые не связаны между собой, что не позволяет реконструировать оконницу в целом: ни технологию изготовления, ни рисунок оконного заполнения. Поскольку традиция слюдяных оконниц практически утрачена, археологические материалы играют важную роль в изучении и сохранении исторической памяти в отношении создания и использования слюдяных оконниц [8–9].

История изучения. Первые археологические работы в Берёзове были проведены в 2004 г. А. Е. Ермоленко, который заложил три разведочных раскопа на месте предполагаемого расположения кремля кон. XVI – XVIII в. У склона Богородского лога был обнаружен культурный слой, он был отнесен к остаткам «сооружений Берёзовской крепости, погибшей в пожаре начала XIX века», слой прорезан на участке обследования одиннадцати могильными ямами XIX в. В 2005 г. поиск кремлевских сооружений кон. XVI – XVIII в. был продолжен под руководством Г. П. Визгалова. Были найдены остатки сооружений, датированных кон. XVI – XVIII в. Исследования были продолжены в 2007–2009 гг. на месте, где располагался кремль и острог. Были исследованы 24 жилых и хозяйственных постройки кон. XVI – нач. XVIII в. В 2009 г. в кремлевской части городища в раскопе № 1 были выявлены и полностью изучены остатки 14 жилых и хозяйственных построек XVI–XIX вв. и фрагменты южной стены кремля, залежавшие на четырех строительных ярусах. В раскопе 2, заложенном в посадской части, были вскрыты остатки 11 построек XVIII–XIX вв., залежавшие на двух строительных ярусах. В 2012 г. проводились спасательные археологические раскопки под руководством С. Ю. Пархимович. Было раскопано 15 жилых и хозяйственных построек кон. XVI – XIX в. В 2018 г. Г. П. Визгалов завершил исследование участка культурного слоя между зданием районного краеведческого музея и домом купца Добровольского [10–12].

В 2019 г. Юганской археологической экспедицией под руководством В. Э. Чибиряка в Берёзове были проведены охранные раскопки на месте деревянного моста на ряжах через овраг. На южном склоне оврага были обнаружены остатки трех сооружений, которые представляют собой материковые ямы (рис. 1). При разборе заполнения сооружения 1 был найден крупный фрагмент слюдяного заполнения оконницы. На этапе выявления остатки сооружения представляли собой пятно культурного слоя на материке. Пятно имело в плане форму, близкую к квадрату с округлыми углами, со сторонами 3 × 2,7 м, было ориентировано на север – юг. С восточной стороны пятно имело небольшой «отросток». Предположительно, остатки входа. Предварительно сооружение датируется второй половиной – концом XVIII в. [13–14]. На рис. 2 приведено фото фрагмента слюдяного заполнения *in situ*, зачищенного в культурном слое заполнения сооружения до извлечения.

Описание предмета. Фрагмент оконного заполнения слюдяной оконницы представляет собой фрагменты шести слюдяных пластин с остатками рядовых железных полос переплета. Пластины имеют форму, близкую к квадрату. Пять пластин позволяют снять размеры ширины и длины, одна пластина фрагментирована настолько, что измерить ее ширину и длину не представляется возможным. На рис. 3 приведена схема с обозначением ракурса Фасад/Интерьер, рядности А/Б и нумерацией слюдяных пластин 1–6:

– Пластина 1 хорошей сохранности, максимальная ширина – 9 мм, длина (высота) – 10,4 мм. Пластина 1 накрывает пластины 2, 3 и 4 внахлест. Ширина перекрытия – 0,9–1,1 см.

По краям имеются сквозные отверстия квадратного сечения со сторонами около 1 мм – следы кованых гвоздей.

– Пластина 2 плохой сохранности, что позволило измерить только ширину – 8 мм, длину (высоту) измерить не представляется возможным из-за утрат. Пластина 2 накрыта пластиной 1 и перекрывает пластины 3, 4, 5. Ширина перекрытия – 0,9–1,1 см.

– Пластина 3 хорошей сохранности, имеет размеры: ширина – 8,5 мм, длина (высота) – 7,3 мм. Пластина 3 накрыта пластиной 1 и 2 и перекрывает пластину 4. Ширина перекрытия – 0,9–1,1 см. По краям имеются сквозные отверстия квадратного сечения со сторонами около 1 мм – следы кованых гвоздей.

– Пластина 4 очень плохой сохранности – уцелел один угол. Угол имеет скос и связан с пластинами 1, 2 и 3. Пластина 4 накрыта пластинами 1, 2 и 3. Перекрытие с пластинами 1 и 2 составляет около 1 см, с пластиной 3 – 1,5–1,9 см.

– Пластина 5 хорошей сохранности, имеет размеры: ширина – 6 мм, длина (высота) – 7,5 мм. Пластина 5 перекрыта пластиной 2 и перекрывает пластину 6. Ширина перекрытия – 0,9–1,1 см. По краям имеются сквозные отверстия квадратного сечения со сторонами около 1 мм – следы кованых гвоздей.

– Пластина 6 хорошей сохранности, имеет размеры: ширина – 5,7 мм, длина (высота) – 6,3 мм. Пластина 6 накрыта пластинами 2 и 5. Ширина перекрытия – 0,9–1,1 см. Важная деталь: пластина 6 дополнительно скреплена с пластиной 5 стежком нити. По краям имеются сквозные отверстия квадратного сечения со сторонами около 1 мм – следы кованых гвоздей.

С внешней (фасад) и внутренней (интерьер) стороны слюда скреплена рядовыми полосами. Полосы имеют фрагментарную сохранность. Сильно коррозированы. Сохранились фрагменты шести рядовых полос: три с фасадной стороны и три с интерьерной. В местах, свободных от коррозии, ширина полос составляет 9–10 мм, толщина – 1–1,1 мм. С учетом сильной коррозии толщина полос могла быть больше – 1,2–1,3 мм. Со стороны фасада и интерьера размеры полос одинаковые, отличия не наблюдаются. Местами видны гвоздики, которыми скреплены полосы. Шляпки сильно коррозированы, ножка гвоздей квадратного сечения со сторонами не более 1 мм. На сохранившихся участках рядовых полос расстояние между крепежными гвоздями колеблется от 3,6 до 4,2 см. Рядовые полосы переплетаются располагаются практически под прямым углом друг к другу. Это позволяет сделать вывод, что слюдяное заполнение оконницы имело прямоугольный (решетчатый) рисунок. Это наиболее распространенная разновидность оконниц после косячатых, где рядовые полосы расположены наклонно, под углом к контурной полосе и деревянным обвязкам (рис. 4).

С учетом общей логики расположения пластин относительно друг друга можно предположить, что пластина 4 перекрывала пластину 5. Пластины ряда Б были накрыты пластинами ряда А. Пластины набраны таким образом, что верхний ряд перекрывал нижний наподобие рыбной чешуи. Это должно было способствовать лучшему водоотводу и теплоизоляции. Судя по сохранившейся прошивке, пластины предварительно скреплялись нитью (одним-двумя стежками по каждой стороне), что позволяло, с одной стороны, их перемещать в ходе подгонки переплета, с другой – не позволяло рассыпаться всей композиции до окончательного закрепления в переплете.

На рис. 5 приведены некоторые аналогии слюдяных оконниц, представленные в музейном Госкаталоге [15]. При изготовлении слюдяного заполнения оконниц использовались пластины разного размера и формы. На изготовление крупных пластин шло сырье высокого качества, которое встречается редко. Такие пластины стоили дорого и могли использоваться при изготовлении сложных декоративных композиций. Сырье низкого каче-

ства позволяло получать пластины небольшого размера, которые стоили меньше. Использование дешевой слюды вело к сгущению сетки полос переплета. Это увеличивало расход металла, вес конструкции окна в целом и снижало проводимость света. Поэтому при изготовлении слюдяных оконниц наиболее крупные пластины шли на центральную часть заполнения, а мелкие – на периферию. В то же время представленные аналогии наглядно показывают, что даже по крупному фрагменту слюдяного заполнения нельзя сделать вывод о размерах окна в целом.

Заблуждением будет считать, что слюдяные оконницы датируются временем исключительно XVI–XVII вв. Архитектор-реставратор И. А. Киселёв отмечает, что «еще в середине XVIII века в окнах московских строений могли использовать слюдяные заполнения» [1]. Это утверждение подтверждается датировкой некоторых слюдяных оконниц, представленных в Госкаталоге. Например, слюдяная оконница из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (Госкаталог № 4081482) датирована XVII–XIX вв. [15].

Заключение. Найденный в ходе раскопок 2019 г. в Берёзове фрагмент слюдяного заполнения оконницы на сегодня самый крупный из обнаруженных на этом памятнике. Он включает шесть слюдяных пластин, шесть рядовых полос и элементы их крепления: стежки прошивки и носковые гвозди. Это позволяет реконструировать как внешний вид оконного заполнения, так и технологию его изготовления. Перед закреплением в оконном переплете рядовыми полосами слюдяные пластины были предварительно скреплены между собой стежками суровой нити. Рядовые полосы располагались под прямым углом и образовывали решетчатый рисунок. Верхний ряд пластин набирался по фасаду внахлест пластин нижнего ряда. Пластины верхнего ряда (ряд А) большего размера, чем пластины нижнего ряда (ряд Б). Можно предположить, что пластины нижнего ряда соединялись с рамой оконницы, а пластины верхнего ряда имели большую световую проводимость. Фрагмент залегал в культурном слое вверх фасадной стороной, вниз – интерьерной в южной половине заполнения сооружения 1. Верхняя часть (ряд А) ориентирована внутрь заполнения сооружения 1. Предварительно можно датировать фрагмент слюдяного заполнения оконницы второй половиной – концом XVIII в.

Данная статья вводит в научный оборот новый источник для изучения и реконструкции архитектуры русского города XVII–XVIII вв. в части оконных заполнений. Материалы, изложенные в публикации, указывают на необходимость обобщения накопленных археологических материалов по оконным заполнениям, в частности по данным раскопок Берёзова.

Литература

1. Киселёв И. А. Московские окна. Слюдяные оконницы XVII–XVIII веков. Слуховые окна первой половины XIX века. Оконные проемы и заполнения XVIII–XIX веков. М., 2013. 480 с.
2. Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. М. : Искусство, 1988. 192 с.
3. Красовский М. В. Курс истории русской архитектуры. Ч. I. Деревянное зодчество. Петроград : Товарищество Р. Голике и А. Вилборга, Звенигородская 11. 1916. 406 с.
4. Маковецкий И. В. Памятники народного зодчества Русского Севера. М. : Изд-во АН СССР, 1955. 184 с.
5. Ополовников А. В. Русское деревянное зодчество: Гражданское зодчество. М. : Стройиздат, 1983. 367 с.
6. Ополовников А. В. Сокровища Русского Севера. М. : Стройиздат, 1989. 367 с.
7. Rhamm K. Ethnographische Beiträge zur germanisch-slawischen Altertumskunde. Zweite Ab-
teilung: Urzeitliche Bauernhöfe in germanisch-slawischem Waldgebiet erster teil. Braunschweig.: Kommissions-
verlag von Friedrich Vieweg und Sohn, 1908. 1088 S.

8. Татауров С. Ф., Татаурова Л. В., Самигулов Г. Х. Слюдяные окна в постройках Тары и ее окрестностях в XVII–XVIII вв.: археологические реконструкции // Уральский исторический вестник. 2019. № 2 (59). С. 135–142.
9. Чёрная М. П. «Сквозь окошечко косящатое... сквозь стеколинку стеколчату» // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. Т. 1. Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. С. 307–311.
10. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Археологические исследования Берёзовского городища // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. Омск : Изд-во «Апельсин», 2008. С. 166–178.
11. Пархимович С. Ю. Археологические раскопки под реставрацию объекта культурного наследия «Дом купца К. В. Добровольского, 1876 г.», Тюменская область ХМАО-Югра, пгт. Березово, ул. Собянина, д. 41 в 2012 г. Кн. 1 : отчет о НИР. Нефтеюганск, 2013 // Архив НПО СА. Ф. I. Д. 345/1.
12. Визгалов Г. П. Многовековая Югра: история расселения и адаптация человека на севере Западной Сибири (экологический и социокультурный аспекты). Археологические раскопки, проведенные в 2018 году на территории посада в пгт. Березово Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Кн. 3 : отчет о НИР. Сургут, 2019 // Архив НПО СА. Ф. I. Д. 581/3.
13. Столбов В. И. Мост через столетия (предварительные данные археологических исследований 2019 г.) // Меншиковские чтения-2019 : мат-лы Рос. науч. конф. Вып. 12 : Берёзово (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра), 22–23 ноября 2019 г. Тюмень : Изд-во «Титул», 2019. С. 51–57.
14. Фролов И. В. Коллекция монет с раскопок ВОАН «Березовское городище» под реставрацию ОКН «Мост деревянный на ряжах через овраг Култычный (вт. половина XIX – XX вв.)» (по материалам раскопок 2019 г.) // Меншиковские чтения-2019 : мат-лы Рос. науч. конф. Вып. 12 : Берёзово (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра), 22–23 ноября 2019 г. Тюмень : Изд-во «Титул», 2019. С. 58–62.
15. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. URL: www.goskatalog.ru (дата обращения: 27.05.2020).

1

A. De Vroe Stadt.	1. Commandant's Kloos.	3. Sint Gerechts Kloos.	5. Coorn Kloos.
B. Sint Catharin.	2. De Kloof Kloos.	4. Wagen Kloos.	6. Posten na de Rivier.

2

Рис. 1. Исторические изображения г. Берёзова: 1 – Берёзов XVII в. с гравюры голландского путешественника Витсен, Николаас; 2 – Берёзов XIX в. Фрагмент акварели М. С. Знаменского (мост – место находки)

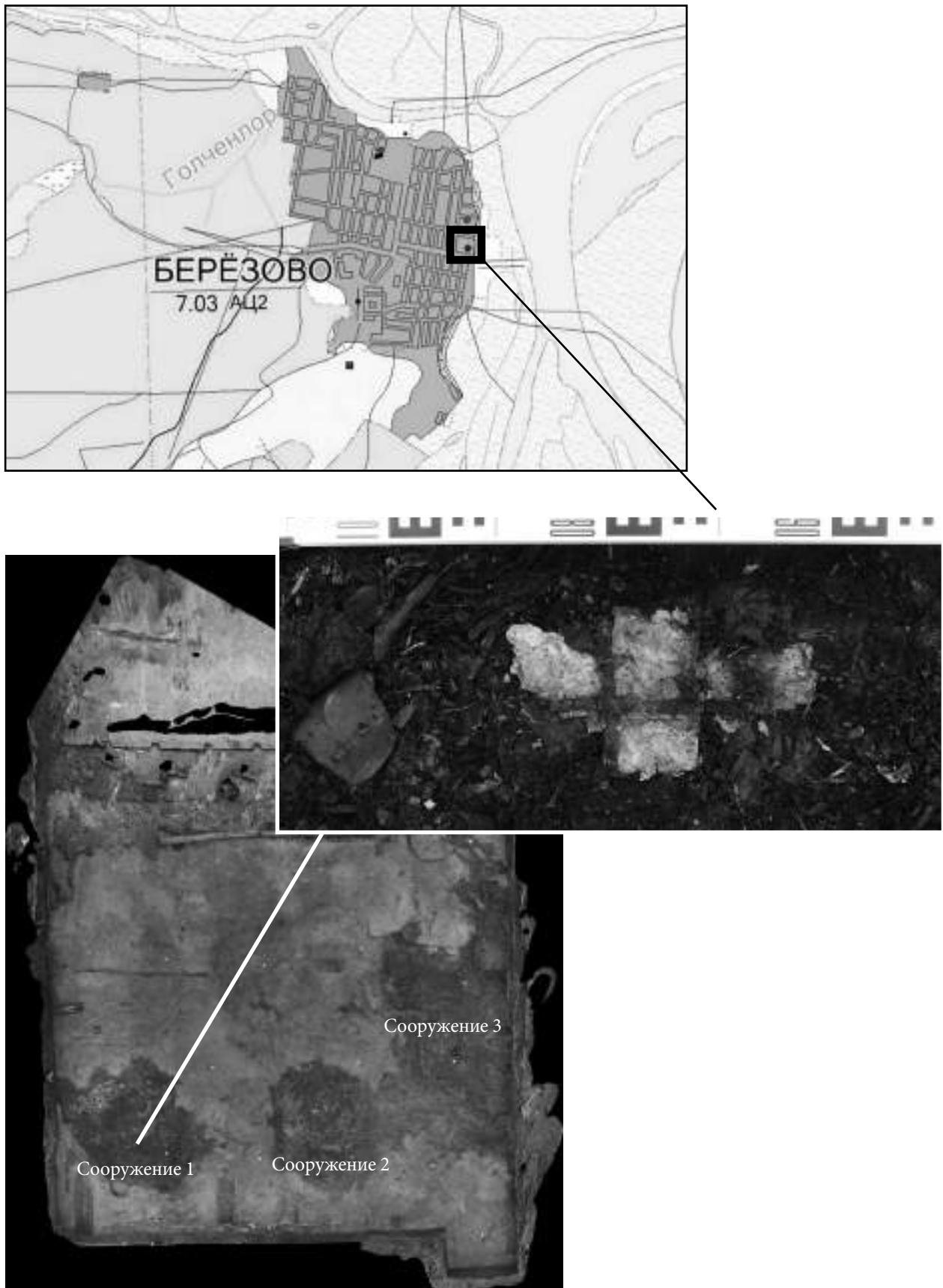
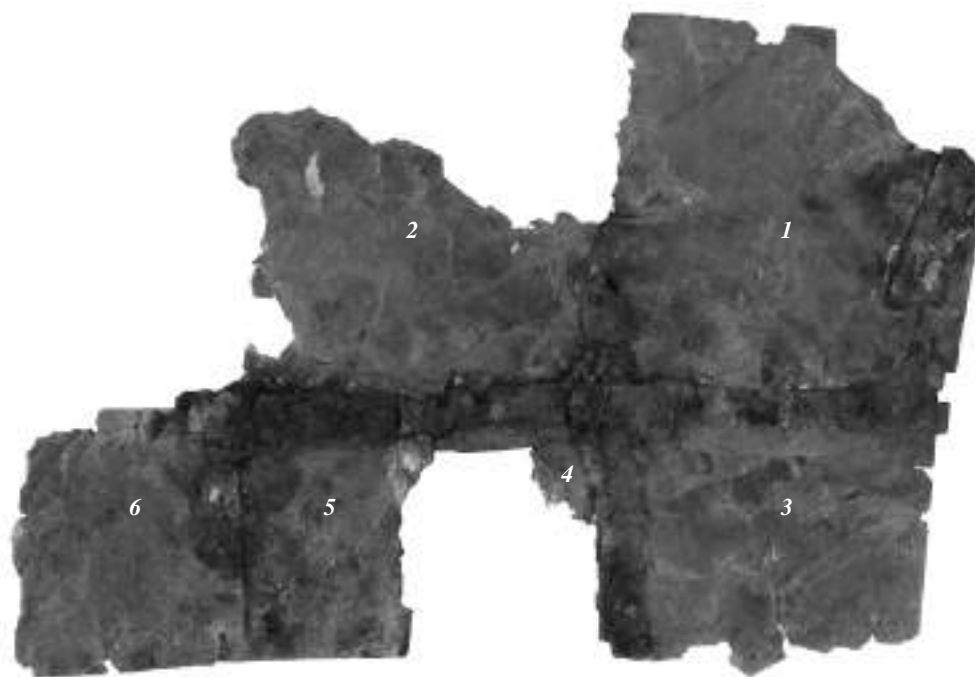

Рис. 2. Фрагмент слюдяного заполнения оконницы в культурном слое Берёзовского городища

Вид «Фасад»

ряд А

ряд Б

Вид «Интерьер»

ряд А

ряд Б

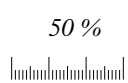

Рис. 3. Схема расположения слюдяных пластин

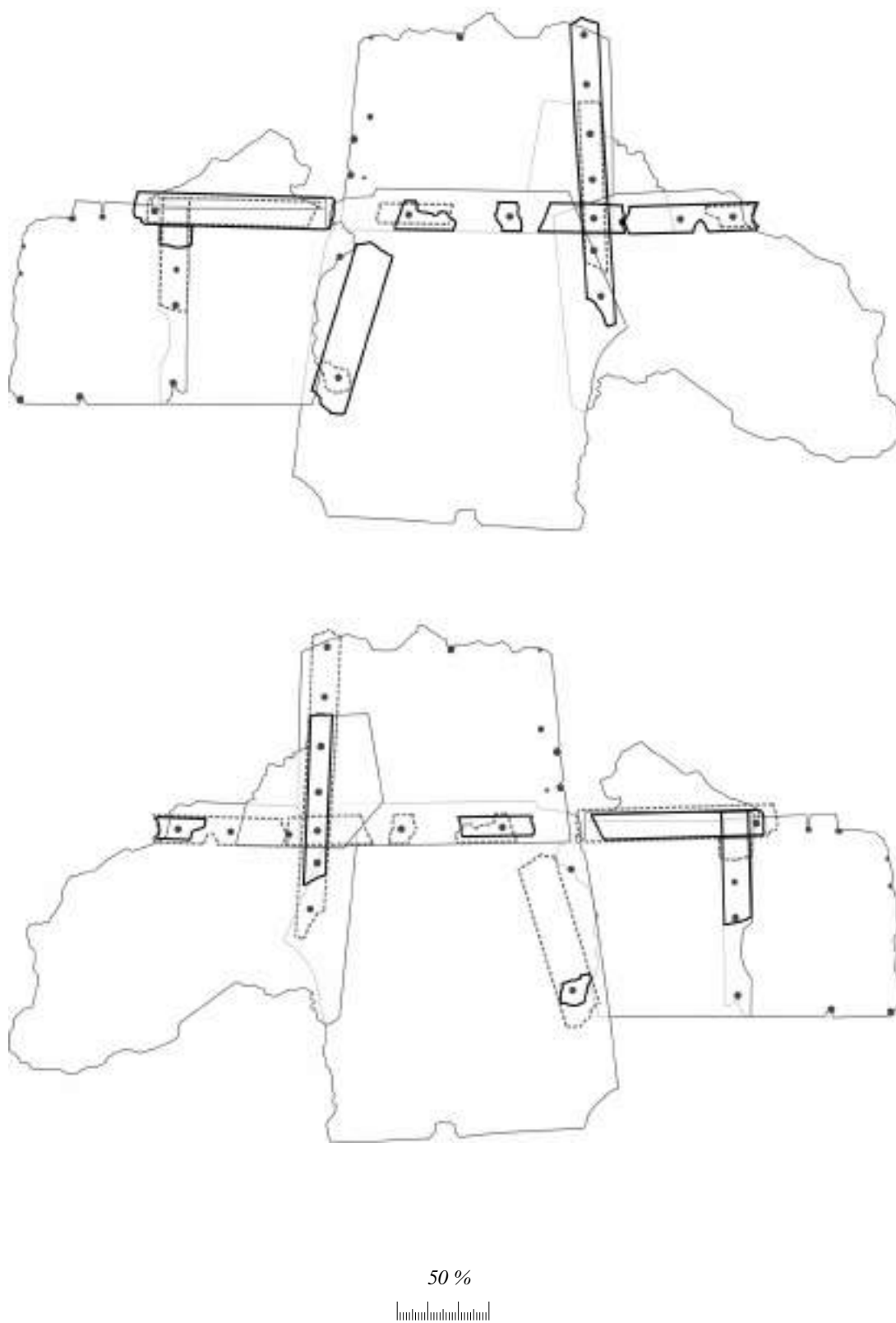
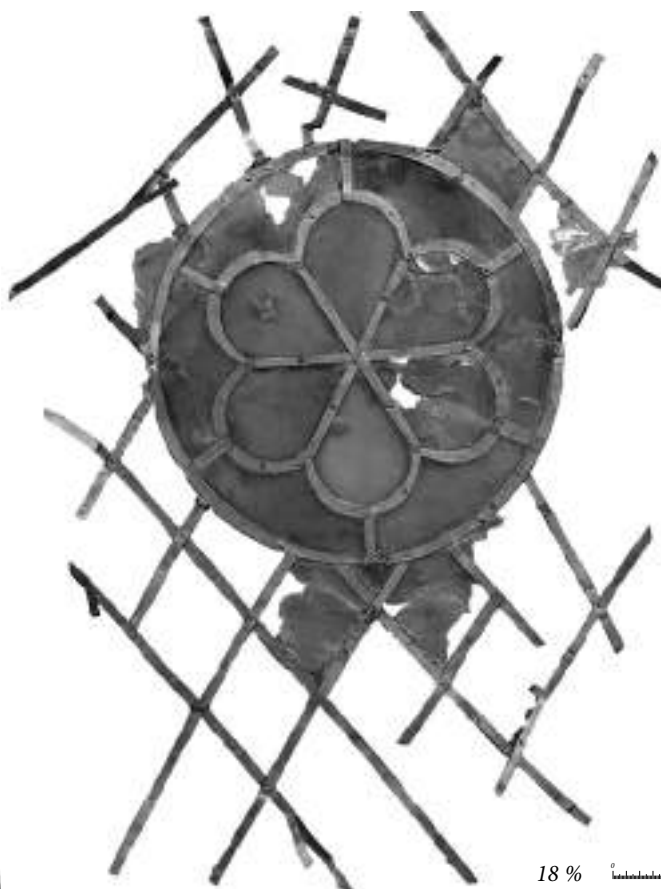

Рис. 4. Реконструкция расположения слюдяных пластин. Художник Ольга Кузькокова

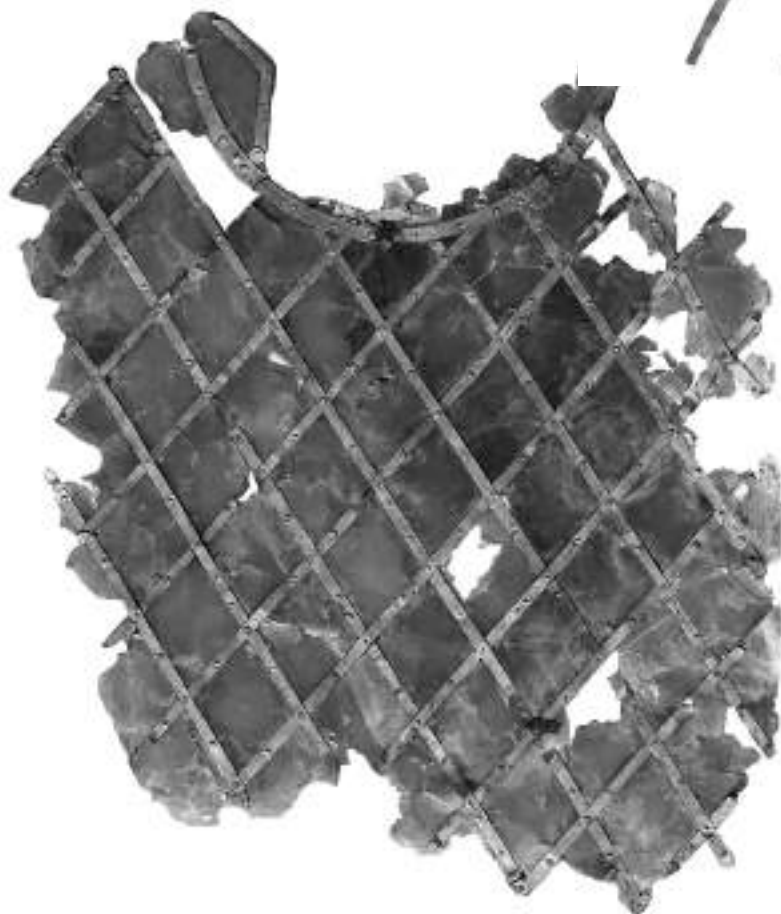
госкаталог № 16705982

30 %
0 5 cm

18 % 5 cm

госкаталог № 15673863

госкаталог № 15673953

18 % 5 cm

госкаталог № 4081482 (масштаб не указан)

Рис. 5. Аналогии слюдяных оконниц из Госкаталога

УДК 903.26 (571.122)

DOI 10.34822/2312-377X-2020-1-142-147

Столбов В. И., Володеева Ю. С.
Stolbov V. I., Volodееva Yu. S.

**НАТЕЛЬНЫЕ КРЕСТЫ XVII–XVIII вв.
ИЗ РАСКОПОК БЕРЁЗОВСКОГО ГОРОДИЩА**

**BAPTISMAL CROSSES OF THE 17th–18th CENTURIES
IN THE EXCAVATIONS IN BERYOZOVSKOE GORODISHCHE**

В статье дается описание нательных крестов, найденных во время раскопок Берёзовского городища в 2019 г. Комплексный анализ находок позволил дать им подробную типологическую и хронологическую характеристику, выявить аналогии.

The article examines the baptismal crosses that were found in the excavations of Beryozovskoe gorodishche (a town) in 2019. Their comprehensive analysis allowed us to give detailed typological and chronological characteristics of certain types of crosses and identify their analogies.

Ключевые слова: археология Нового времени, нательные кресты, Берёзовское городище.

Keywords: modern age archaeology, baptismal cross, Beryozovskoe gorodishche (a town).

В последнее время все большее значение приобретают исследования, направленные на археологическое изучение памятников Западной Сибири позднего средневековья и нового времени (XVII–XIX вв.). В связи с этим в научной литературе появляются многочисленные публикации, посвященные предметам христианской металлопластики: исследованы нательные кресты из культурного слоя Тобольска [1], Иркутских некрополей [2–3], Мангазейского [4] и Умревинского острогов [5], а также появились работы по крестам из Тискинского могильника селькупов в Нарымском Приобье [6] и могильников Омского Прииртышья [7].

Целью данной работы является введение в научный оборот результатов раскопок окраинной части посада Берёзовского городища, произведенных в 2019 г. под руководством В. Э. Чибиряка, и анализ нательных крестов из коллекции с использованием типологии, разработанной Э. П. Винокуровой [8] и дополненной В. И. Молодиным [9].

Раскопки велись в окраинной северной части посада – на южном и северном склонах Култычного (Богородицкого) оврага. Известно, что Берёзовский острог и примыкающие к нему посадские строения XVI–XVIII вв. находились в 400 м к югу от места раскопа. На северном берегу оврага хозяйственная деятельность стала вестись позже – в XIX в. [10, с. 54]. Ближайшая к раскопу церковь Рождества Богородицы была основана в 1593 г. вместе с острогом, но не на южном, а на северном берегу Култычного оврага [11, с. 90–91]. Неоднократно горевшее деревянное здание всегда восстанавливалось, в том числе, например, силами опального князя А. Д. Меншикова в 1729 г. Нынешнее каменное здание, построенное в 1777 г., находится в 200 м от места раскопок. Так как аварийные изыскания велись в наиболее удобном для переправы через овраг месте, на котором последние 100 лет стоял деревянный мост, большое количество находок (420 экз.) здесь не случайно. Это подтверждает в том числе и коллекция монет XVIII – начала XX в., собранная во время раскопок – 106 экземпляров [12, с. 58].

По общему составу находок, в том числе по анализу монет, культурный слой был датирован концом XVIII – началом XX в., на южном склоне оврага был выявлен комплекс сооружений второй половины XVIII в. [10, с. 54–57].

При раскопках среди прочих находок обнаружены 4 нательных креста (рис.), которые, скорее всего, не имеют отношения к православным погребениям. Только один крест из четырех был найден на северном склоне оврага, где и располагалась церковь, остальные три креста – на южном склоне. Удаленность церкви от места раскопа и отсутствие при ней погоста позволяют говорить о найденных крестах как о случайных утратах жителей Берёзова, переправлявшихся через овраг из посада в церковь и обратно. Об этом же свидетельствует и отсутствие человеческих останков в остеологической коллекции.

Нательные кресты относятся к разновидности мелкой пластики. Традиционно они считаются предметами личного благочестия, главной индивидуальной святыней верующего человека. Более чем за 200 лет изучения истории культового литья выработаны исследовательские подходы и методы, однако многие вопросы далеки от разрешения. Необходимо упомянуть, что в позднем средневековье в России сложилась практика использования тельников не только из металла, но и из других материалов – кожи, кости, рога, дерева, – которых в Берёзове на данный момент не обнаружено.

1. Крест нательный XVII–XIX вв., выполненный литьем из сплава цветных металлов (олово, свинец), размером $4,5 \times 2,6 \times 0,3$, четырехконечной формы, с удлиненной нижней лопастью, со слабо выраженными трапециевидными концами и шариками на волютах в углах средокрестия. На лицевой стороне в центре – восьмиконечный Голгофский крест на Голгофе-«горке», по сторонам, параллельно кресту, изображены копие и трость, а на концах боковых лопастей – буквы монограммы «IC» «XC» под титлами. Обратная сторона гладкая. Крест окислен и потерт, сверху и снизу от него – плохо читаемая надпись.

Данный тип крестов сформировался во второй половине XVII в. (в конце столетия подобные кресты уже встречаются на русском Дальнем Востоке) и широко бытовал на территории России вплоть до XX в. [13, с. 55]. Это подтверждает недавняя публикация двух крестов из Албазинского острога, схожих с берёзовским [14; с. 148, рис. 2.2.39].

По классификации Э. П. Винокуровой, крест соотносится с вариантом 2 подтипа 4 типа I [8, с. 334–337, рис. 12 – 1], а по Молодину – тип 4.3.1. [9, с. 55, рис. 67]. Аналогичные кресты встречается, например, в каталоге Ханенко [15, с. 33, № 164] – медный эмалированный крест XVII в., но с более фигурным ушком, а также в каталоге Островского и Федорова [16, с. 201, № 130], однако по своим размерам берёзовский крест – меньше. Следует заметить, что у большинства аналогичных изделий лопасти прямоугольные, а не трапециевидные, расширяющиеся к концам, как в данном случае.

2. Крест нательный XVII–XIX вв., выполненный литьем из сплава меди, размером $3,3 \times 2,2 \times 0,1$, имеет простую четырехконечную форму с удлиненной нижней лопастью. На лицевой стороне в центре – восьмиконечный Голгофский крест с желобком на Голгофе-«горке» с головой Адама, на концах боковых лопастей в квадратных клеймах – буквы монограммы «IC» «XC» под титлами. Обратная сторона коррозирована, имеются очертания круглых клейм с неразборчивым текстом в средокрестии и на лопастях – по одному клейму на правой, верхней и левой лопастях, два клейма на нижней лопасти. Все изображения и надписи рельефные. Крест окислен и потерт, на нем нанесены плохо читаемые надписи: сверху – «ЦРС?», внизу – «МЛРБ».

Крест относится к подтипу 1 типа I нательных крестов XVII–XIX вв., по классификации Винокуровой [8], и тип 1 – по Молодину [9]. При кажущейся простоте формы крест довольно редок: в публикациях нигде не встречаются круглые клейма на обратной стороне креста, редок и Голгофский крест в виде желобка. Однако в научном отчете Г. П. Визгалова

по раскопкам Мангазейского городища за 2009 г. есть абсолютно идентичный крест [17; т. 1, с. 78–79; т. 2, с. 167, рис. 243]. Чуть менее похожий и больший по размерам, но тоже с круглыми медальонами на оборотной стороне, крест был найден С. Ю. Пархимович в Мангазее в 2013 г. [18; т. 1, с. 85; т. 2, с. 165; рис. 295]. Подобная аналогия позволяет предположить, что производство данного креста может относиться к XVII в. – времени бытования Мангазеи и расцвета Берёзова как административного и таможенного центра.

3. Крест нательный XVII–XVIII вв., выполненный литьем из сплава цветного металла, размером $4 \times 3 \times 0,1$. По форме он четырехконечный с удлиненной нижней лопастью. Концы кринообразные пятилопастные (лилиеподобные), углы средокрестия закругленные. На лицевой стороне в центре – восьмиконечный Голгофский крест с цатой на средокрестии, по сторонам – копие и трость, в квадратных клеймах на концах боковых лопастей – буквы монограммы «IC» «XC» под титлами, на верхней лопасти над Голгофским крестом – надпись «IACI/IAIBI», над надписью – квадратное клеймо. На нижней лопасти под стилизованной Голгофской горой – прямоугольное клеймо со стертой надписью. Обратная сторона коррозирована, имеются очертания круглых медальонов с текстом в средокрестии и на лопастях, на правой лопасти в медальоне читаемая надпись «ЖИВЕ», в остальных медальонах надписи неразборчивы. Все изображения и надписи рельефные. Крест окислен и потерт. Надпись над Голгофским крестом «IACI/IAIBI» соотносится с традиционной для этого положения надписью «ИИИ», дальнейшая трактовка затруднительна.

Похожих крестов в изученных источниках и каталогах немного. А. Б. Островский и Ю. А. Федоров приводят пример подобного креста (№ 244; тип V-3-3-1-Б), но с лучами, исходящими из средокрестия [16, с. 255]. Можно сказать, что это подтип 1 тип IX по Э. П. Винокуровой, но имеющий слишком много отличий в деталях. Идентичный крест был найден в Иркутске [3, с. 167; рис. 2, крест № 26] и отнесен к 10 типу по Молодину, однако у илимского креста есть существенные различия, не позволяющие согласиться с этим утверждением: в частности, количество сегментов на лилиеподобных концах (3, а не 5) и надпись на верхней лопасти [9; с. 79, рис. 137]. Также берёзовский крест похож на тобольский [1; с. 264–267, рис. 1–7], но тоже не тождественен ему как по количеству кринообразных лепестков (3, а не 5), так и по размерам (размеры тобольского – $3,3 \times 2,25$). Судя по всему, берёзовский и иркутский кресты требуют выделения особого подтипа. По утверждению А. К. Станюковича, И. Н. Осипова и Н. М. Соловьева, подобные изделия появились в XVII в. и бытовали вплоть до начала XVIII в. [13, с. 59–60].

4. Крест нательный XVIII – нач. XX в., выполненный литьем из медного сплава, размером $4 \times 2 \times 0,1$. По форме он четырехконечный, листовидный, со стилизованным растительным обрамлением и с фигурным ушком. На лицевой стороне в центре – восьмиконечный Голгофский крест, по сторонам – параллельные кресту копие и трость, фон верхней лопасти и горизонтальной перекладки заполнен трудночитаемыми надписями. На оборотной стороне – трудночитаемый текст молитвы. Крест окислен и потерт.

По классификации Винокуровой, изделие относится к типу 5 [8], по Молодину – к типу 5.1.2.1 [9]. Подобные нательные кресты различных размеров в XVIII – начале XX в. являлись массовой продукцией (до 6–7 пудов в месяц) старообрядческих меднолитейных мастерских и встречались повсеместно. На оборотной стороне крестов обычно воспроизведен текст псалма 67 «Да воскреснет Бог». По номенклатуре мастеров-литейщиков, крест близок к так называемым «крупным женским». В начале XX в. мастера отпускали последние торговцам по цене 3,5 коп. за штуку [13; с. 53, № 5–14 в каталоге]. Пять похожих изделий обнаружено в некрополе Умревинского острога [5; с. 99–103]. Идентичные кресты были найдены в Кижях [19; с. 219] и на Шпицбергене [20; с. 408, фото 4]. Шпицбергенский крест датирован концом XVIII – началом XIX в. Подобные изделия встречаются и в Тискинском могильнике

кон. XVIII – первой половины XIX в., А. И. Боброва относит их к типу 1 «с лиственной» группы II «фигурные» (по терминологии А. С. Уварова) [6; с. 7].

Несмотря на сравнительно небольшое количество православной металлопластики из раскопок Берёзовского городища в 2019 г., это все же достаточный материал для размышлений. Все находки принципиально отличаются как друг от друга, так и от тельников из раскопок Берёзова предыдущих лет [21, с. 256–257], однако относятся к широко распространенным типам сибирских и европейских нательных крестов. Некоторые морфологические особенности креста 2 и креста 3 расширяют наше представление о вариантах уже изученных и опубликованных типов крестов.

Хронологические рамки, при всей условности датировки, довольно велики – с начала XVII по начало XX в. Кресты 2 и 3 относятся к более древним формам XVII–XVIII вв., тип креста 4 был известен с конца XVIII по начало XX в., вариации креста 1 бытовали с середины XVII в. При этом все они могли быть утеряны на протяжении XVIII в. – во время первого освоения склонов Култычного (Богородицкого) оврага под хозяйственную деятельность.

Следует также отметить широкую географию тельников, аналогичных берёзовским: Кижы, Тобольск, Прииртышье, Нарымское Приобье, Мангазейский, Умревинский, Албазинский и Илимский остроги, Иркутск, Шпицберген. Обнаружение подобных крестов в закрытых комплексах XVII в. и в городском культурном слое XVIII–XIX вв. свидетельствует об определенной герметичности традиций русской православной металлопластики в период расширения границ Русского государства на восток.

Литература

1. Аношко О. М. Кресты-тельники из культурного слоя Тобольска // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск : Изд-во «Омский институт» ОФ РГТЭУ, 2011. С. 259–267.
2. Бердников И. М. Кресты-тельники из раскопок некрополя Спасской церкви города Иркутска // Вест. НГУ. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2012. Т. 11, Вып. 7. С. 164–178.
3. Бердников И. М. Особенности погребального обряда Спасского некрополя Иркутского острога / И. М. Бердников // Вестник НГУ. 2009. Т. 8, Вып. 5. С. 252–260.
4. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазья: новые археологические исследования (Материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург ; Нефтеюганск : Изд-во «Магеллан», 2008. С. 296.
5. Горохов С. В, Бородовский А. П. Нательные кресты Умревинского острога // Вестн. НГУ. Серия : История, филология. 2017. Т. 16, № 3: Археология и этнография. С. 98–107.
6. Боброва А. И. Нательные кресты Тискинского могильника // Археология, этнография и антропология Евразии 2004. № 4 (20). С. 107–115.
7. Татаурова Л. В., Кромм И. Д. К вопросу о типологии крестов-тельников из русских памятников Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний : материалы XV Междунар. Зап.- Сиб. археол.-этногр. конф. Томск, 2010. С. 284–285.
8. Винокурова Э. П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы XVII в. М. : Наука, 1999. С. 326–360.
9. Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск : Изд-во «Инфолио», 2007. С. 248.
10. Столбов В. И. Мост через столетия (предварительные данные археологических исследований 2019 г.) // Меншиковские чтения-2019 : мат-лы Российской научной конференции, вып. 12 : Берёзово (Ханты-Мансийский автономный округ Югра), 22–23 ноября 2019 г. Тюмень : ИД «Титул», 2019. С. 51–57.

11. Берёзово (Очерки истории от древности до наших дней) / отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург : ИД «Сократ», 2008. С. 472.

12. Фролов И. В. Коллекция монет с раскопок ВОАН «Березовское городище» под реставрацию ОКН «Мост деревянный на ряжах через овраг Култычный (вт. половина XIX – XX вв.)» (по материалам раскопок 2019 г.) // Меншиковские чтения-2019 : мат-лы Российской научной конференции, вып. 12 : Берёзово (Ханты-Мансийский автономный округ Югра), 22–23 ноября 2019 г. Тюмень : ИД «Титул», 2019. С. 58–62.

13. Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М. Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X–XX веков из частных собраний. М. : Клуб «Раритет». 2003. С. 62.

14. Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / отв. ред. А. П. Забияко, А. Н. Черкасов. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 348.

15. Ханенко Б. И., Ханенко В. Е. Древности Русские. Кресты и образки. Киев, 1899. С. 33.

16. Островский А. Б., Федоров Ю. А. Русский православный крест в собрании русского этнографического музея. СПб., 2007. С. 348.

17. Визгалов Г. П. Отчет о результатах НИР «Комплексные археологические исследования города Мангазея XVII века» в 2009 году // Архив НПО «Северная Археология-1», Ф.И. Д. 292/1-2. Нефтеюганск, 2010. С. 213.

18. Пархимович С. Ю. Отчет о НИР «Охранно-спасательные работы на памятнике федерального значения «Городище Мангазея» // Архив НПО «Северная Археология-1», Ф.И. Д. 420/1-2. Нефтеюганск, 2014. С. 170.

19. Герман К. Э. Кресты-тельники с Кижского погоста // Церковь Преображения Господня на острове Кижь : 300 лет на заонежской земле. Музей-заповедник «Кижь». Петрозаводск, 2014. С. 216–220.

20. Хохоровски Я. Православные нательные кресты из поморских захоронений Южного Шпицбергена // Культура русских в археологических исследованиях : междисциплинарные методы и технологии. Омск : Изд-во «Омский институт» ОФ РГТЭУ, 2011. С. 396–416.

21. Пархимович С. Г. Коллекция артефактов из раскопок Берёзовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Изд-во ОмГУ, 2008. С. 251–262.

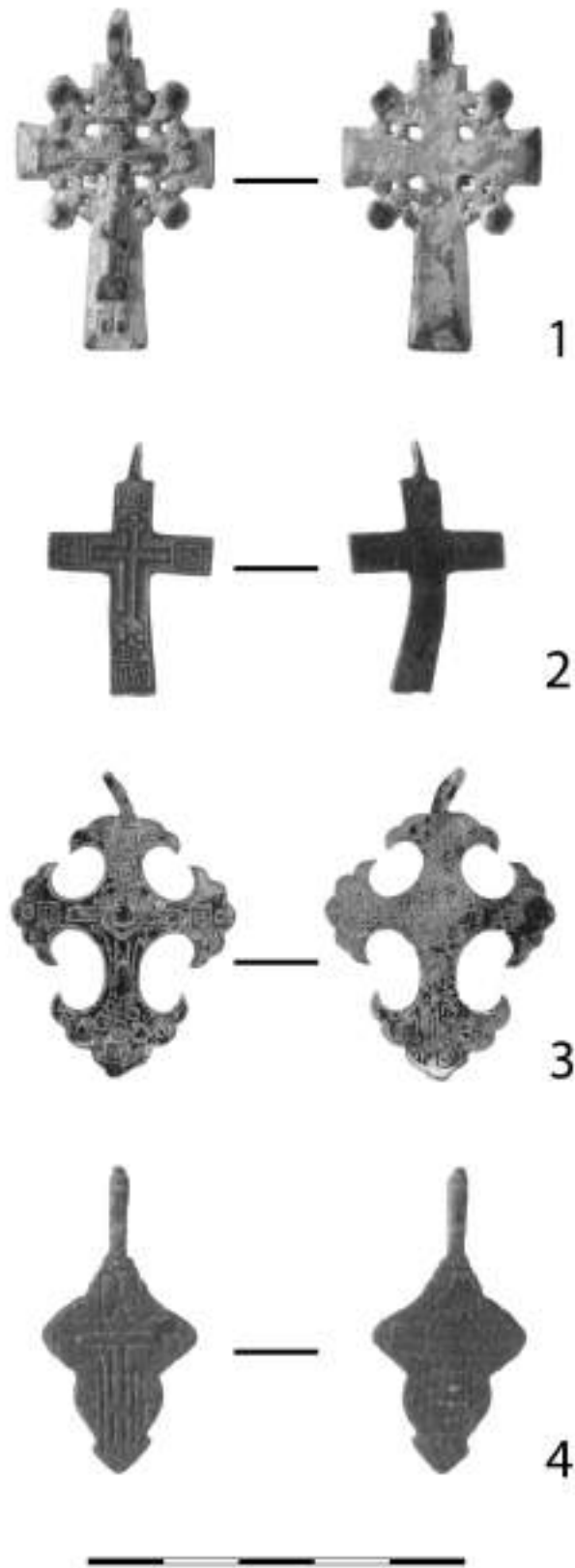

Рис. Нательные кресты XVII–XIX вв. из раскопок Берёзовского городища

УДК 902.2(571.122)+39(=511.1)

DOI 10.34822/2312-377X-2020-1-148-172

Скоробогатова А. Ю., Лобанова Т. В.
Skorobogatova A. Yu., Lobanova T. V.

**УГУТСКОЕ 21 И УГУТСКОЕ 40 – ПОСЕЛЕНИЯ XVII – НАЧАЛА XVIII вв.
НА РЕКЕ БОЛЬШОЙ ЮГАН:
РЕЗУЛЬТАТЫ СТАЦИОНАРНОГО ИЗУЧЕНИЯ 2016 г.**

**UGUTSKOE 21 AND UGUTSKOE 40 – SETTLEMENTS
IN THE 17th – EARLY 18th CENTURIES ON THE BOLSHOY YUGAN RIVER:
RESULTS OF A STATIONARY RESEARCH IN 2016**

В статье впервые публикуются материалы, полученные в ходе археологических раскопок селища Угутское 21, селища Угутское 40. Выяснено, что это одно поселение, функционировавшее в XVII – начале XVIII в. и принадлежавшее остякам Юганской волости Сургутского уезда. В работе представлены данные по планировочной структуре, архитектуре, вещевом комплексе, а также палеозоологические материалы. Предварительно данное поселение идентифицировано с юртами Ямелцовыми, позднее Угутскими.

The article publishes materials obtained during the archaeological excavations of Ugutskoe 21 selishche (a village) and Ugutskoe 40 selishche for the first time. It is found out that this is one settlement that functioned in the 17th – early 18th centuries and belonged to the Ostyaks of the Yuganskaya volost in the Surgutsky Uyezd. The paper presents data on the planning structure, architecture, clothing complex, as well as paleozoological materials. Previously, this settlement was identified with the Yameltsov yurts, later with the Ugutsky ones.

Ключевые слова: север Западной Сибири, Большой Юган, поселение Угут, Сургутский уезд, Юганская волость, остяки.

Keywords: the North of Western Siberia, the Bolshoy Yugan river, Ugut settlement, Surgutsky Uyezd, Yuganskaya volost, Ostyaks.

Введение

Общеизвестно, что археологическая наука во многом началась с решения задачи идентификации раскопанных памятников с конкретными историческими населенными пунктами и народами. Для регионов севера Западной Сибири данная проблематика по-прежнему остается особо актуальной, в том числе для Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Предлагаемая статья относится к недавно выделившейся в археологической науке области – исторической археологии.

Цель настоящей работы – воссоздание региональной истории Юганской волости Сургутского уезда в кон. XVI – нач. XVIII в. Ранее прошлое данной территории основывалось прежде всего на документальных и картографических источниках. Однако содержащиеся в них сведения о культуре коренных народов Сибири крайне скудны и фрагментарны. Археологические данные позволяют наиболее полно реконструировать аспекты региональной истории, в частности материальной, духовной культуры и экономики, не освещенные в письменных источниках.

Задачи статьи – ввести в научный оборот новые данные, полученные в результате раскопок селищ Угутское 21 и Угутское 40; представить материалы по архитектуре, вещевому

му комплексу, хозяйству и элементам религии; определить культурно-хронологическую принадлежность археологических памятников и предпринять попытку идентифицировать эти населенные пункты с поселениями, известными по картографическим источникам XVII в.; а также указать перспективу дальнейшего изучения.

Описание памятников. Селища Угутское 21 и Угутское 40 находятся в Сургутском районе ХМАО-Югры, в 5 км к востоку от с. Угут, на правой террасе небольшой речки Угутки – притока р. Большой Юган, в 6,5 км от устья.

Селище Угутское 21 выявлено в 2008 г. Л. Ю. Фефиловой [1], топографическая съемка и обследование проведены в 2012 г. В. А. Маракулиным [2]. Селище Угутское 40 выявлено в 2013 г. Ю. В. Балуевой [3]. Проект по сохранению памятников был разработан в рамках договора № 15-40 от 13.09.2015, заключенного между ООО «РН-Юганскнефтегаз» – ОАО «НК «Роснефть» и ООО «НПО «Северная археология-1» [4]. В списке вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность ХМАО-Югры, Селище Угутское 21 значится под № 4193, Селище Угутское 40 – под № 5237 [5–6].

Стационарные раскопки обоих селищ производились археологическим отрядом ООО «Северная археология-1» под руководством А. Ю. Скоробогатовой. Территория этих объектов полностью изучена в 2016 г. тремя раскопами общей площадью 4730 кв. м [7]. Материалом для настоящего исследования стали данные, полученные в ходе этих раскопок. Остатки сооружений данных памятников составляли ансамбль, расположенный на суходольных гривах, находящихся примерно на одинаковом расстоянии друг от друга (рис. 1, 2 – 1). Первая от реки площадка располагалась на узком пойменном останце, на ней было размещено 2 сооружения (№ 6, 7), самая крупная площадка находилась на краю низкой подболоченной террасы, где размещались 4 сооружения (№ 1–4), одно сооружение (№ 5) было расположено на отдельном возвышении, в 200 м в глубине террасы. Остатки строений представляли собой подквадратные впадины с обваловками размерами от 6 × 8 до 10 × 13 м, с четко выраженными углами (рис. 2, табл. 1).

Стратиграфия. Культурные слои памятника относятся к легким супесям. Они залегали в заполнении сооружений и ям в виде серо-коричневых мешаных слоев различных оттенков и структур. Важным моментом, зафиксированным еще до начала раскопок, была особенность выраженности в рельефе обваловок строений. У сооружений № 3, 5–7 они были высотой до 0,25 м и фиксировались вокруг котлована строения с разрывом на месте входа. У сооружений № 1, 2, 4 валы имелись только с боковых сторон, и высота их была значительна – до 0,4 м (табл. 1). Обваловки построек состояли из мешаной супеси, по цвету и структуре они отличались от заполнения котлованов. Эти отложения возникли в результате оползания подсыпки, состоявшей из грунта, пластов лесной подстилки и, возможно, бересты, с наклонных стен домов. Слои обваловок прослежены как за пределами котлованов, так и в них. За пределами строений они распространялись полосами шириной 1,6–3 м вокруг котлованов или с двух сторон от них, в данном случае была найдена погребенная лесная подстилка. Внутри котлованов слои обваловок фиксировались только вдоль стен, перекрывая основное заполнение.

Архитектура поселения. Поселок состоял из семи слабоуглубленных каркасных построек (рис. 3), известных как традиционные жилища обских угров [8, с. 132, 163; 9, с. 253]. Планировка жилища нерегулярная, жилища направлены входами в разные стороны, чаще к центру поселка или в сторону ближайшего водоема. Сооружения различаются между собой основательностью постройки. Мощность культурного слоя указывает на длительное существование селища, но в жилищах отсутствуют следы ремонтов и перестроек. С другой стороны, таежный вмещающий ландшафт не допускает долгого проживания на одной территории

значительных групп населения. Совокупность всех полученных данных дает возможность предположить, что не все жилища функционировали одновременно. Застройка этого селища велась последовательно, по мере ветшания сооружений или для расселения новых поколений.

Таблица 1

Метрические характеристики (м) и пространственная организация жилищ

Характеристики	Жилища						
	1	2	3	4	5	6	7
Размер по внешнему контуру	9 × 6	8 × 9	13 × 10	7,8 × 6	7 × 8	7 × 9	9,4 × 8,5
Размер котлована	4,5 × 4,5	4 × 5,5	7 × 7	4х4,5	4,5 × 4,5	5,4 × 3,8	5,4 × 5,3
Размер внутреннего котлована	2,1 × 2,4	2,1 × 3,2	4 × 4,7	–	2,1 × 2,5	2,3 × 3	2,7 × 3,7
Высота обваловки	0,25	0,4	0,25	0,4	0,2	0,2	0,3
Глубина котлована (общая/внутренняя)	0,3/0,15	0,5/0,25	0,5/0,25	0,35	0,4/0,3	0,4/0,23	0,3
Размер тамбура	–	1,75 × 2,5	5,7 × 2,7	–	–	3,2 × 2,3	–
Ширина нар	1,35	1,3	1,7	–	1,6	1,45	1,5
Направление входа	ЮЗ	ЮЗ	ЮВ	В	В	СВ	СЗ
Ориентировка стен	СВ – ЮЗ	СВ – ЮЗ	ССЗ – ЮЮВ	З – В	З – В	ЮЗ – СВ	ЮВ – СЗ
Форма обваловки	П-образная	2 параллельных вала	П-образная	2 параллельных вала	П-образная	П-образная	П-образная
Расположение очага относительно входа	справа	справа	справа	справа	справа	слева	справа
Обмазка трубы	–	+	+	+	+	–	+
Наличие окладного венца	кроме дальней	боковые	все	кроме ближней	кроме ближней	кроме ближней	кроме ближней
Количество столбовых ям	–	16	15	7	9	9	3

Котлованы всех семи сооружений в принципе однотипны, но имеют некоторые специфические черты (рис. 3–6). Эти индивидуальные особенности связаны в основном с количеством столбовых ям и их локализацией, количеством и местом расположения бревен вдоль краев котлованов (табл. 1). Кроме того, в двух сооружениях были исследованы ямы, которые не имеют отношения к конструкции жилищ и хозяйственной деятельности населения. Основные характеристики котлованов всех жилищ приведены в таблице 1. На фоне материка они фиксировались очень четко в виде квадратов мешаного грунта, ограниченных деревянной рамой из двух, трех или четырех бревен, лежащих горизонтально (рис. 4–6). Котлованы стенками были ориентированы по линиям северо-запад – юго-восток или северо-северо-запад – юго-юго-восток. Бревна залегали на материке вдоль стен снаружи котлованов. Остатки бревен представляли собой отдельные линзы древесного тлена мощностью 12–18 см, углистые или темно-коричневые прослойки. Они располагались в основном вдоль трех сторон котлованов – по двум боковым и передней или задней стенкам. В одном случае котлован был окружен рамой со всех сторон, в другом бревна лежали только вдоль боковых стенок. Край сооружения № 7 был прослежен исключительно по деревянной раме, мешаным грунтом было заполнено лишь внутреннее углубление в котловане. В этом жилище между рамой и углублением сразу под лесной подстилкой находился материк. Интересная особенность была зафиксирована в жилище № 5. Там одно из бревен было уложено в канавку, выкопанную вдоль стены котлована. Вероятно, это было сделано с целью выравнивания поверхности, на которой нужно было разместить раму. По углам бревна были уложены в основном встык, только в жилище № 3 их концы лежали друг на друге с нахлестом в 0,2 м.

В центре котлованов, кроме одного, в полу имелось углубление прямоугольной формы с отвесными стенками глубиной 0,15–0,3 м. Вдоль трех стен это углубление ограничивало ступеньку из материка шириной 1,3–1,6 м – нары. Поверхность нар была ниже древней дневной поверхности на 10–25 см. Деревянное покрытие на них не зафиксировано. По краям нар сохранились следы их укрепления в виде узких прослоек сгнившей древесины и ямочек, оставшихся от досок, установленных на ребро, и от вбитых колышков, которые их подпирали. У передней стены материковая ступенька была уже – до 0,6 м и, вероятно, использовалась для спуска в жилище. Иногда эта ступенька была укреплена горизонтально лежащей плахой. Дно котлованов в углублении покрывала плотная темно-серая супесь с высоким содержанием органики, под ней находилась прослойка мешаного материкового грунта – обе мощностью около 5 см. Под ними прослеживались многочисленные бессистемные углистые пятна диаметром 4–6 см и глубиной до 0,18 м. В жилище № 4 подобное углубление отсутствовало, дно котлована по всей площади было практически на одном уровне, только в центре фиксировалось незначительное понижение.

Следы установки каркаса стен жилища зафиксированы у четырех котлованов (рис. 3–5). Во всех случаях это были ямы аморфной формы размерами от 0,2 × 0,5 до 0,4 × 0,7 м с наклонными стенками и приостренным дном глубиной 0,1–0,2 и реже – 0,4 м. Они располагались на материке под слоем обваловок у горизонтальных бревен, лежащих по краям стен котлованов. Ямы находились не по углам котлованов, а примерно на одинаковом расстоянии от них. Несмотря на небольшую глубину, аморфную форму и приостренное дно, можно интерпретировать ямы как столбовые, на что указывает их расположение. Эти ямы возникли не в результате вкапывания опор легких конструкций, а, скорее, в результате их вбивания или вкручивания в относительно мягкий грунт. У каждой стены жилища их было от одной до четырех. Однако у тех стен, у которых было зафиксировано только по одной яме, имелись серьезные нарушения слоя выворотнями или норами животных. Поэтому логично предположить, что их было как минимум по две. То есть изначально количество ям у каждого котлована варьировалось от 8 до 10.

Внутри котлованов жилищ № 2, 3, 6, 7 были расчищены столбовые ямы, отличающиеся от предыдущих. Это округлые ямы диаметром 0,12–0,3 м, глубиной 0,18–0,25 м, с вертикальными стенками и древесными остатками внутри. Все факты указывают на то, что столбы в них были установлены вертикально. Эти ямы располагались по углам углублений в полу котлованов и перед очагами (жилища № 6, 7) или только перед очагами (жилища № 2, 3 – ямы № 11, 18). Есть основания полагать, что они никак не были связаны с конструкциями каркасов жилищ, а являлись частью интерьеров домов.

В двух случаях зафиксированы ямы, расположенные с внешней стороны жилищ № 6 и 7. Ямы, заполненные темно-серой супесью, имели размеры от 1 × 1 до 2,5 × 2,2 м при глубине до 0,6 м от дневной поверхности. Судя по всему, при строительстве из них брали грунт для подсыпки стен. Отсутствие аналогичных ям у других жилищ указывает на то, что там для подсыпки стен использовался исключительно грунт, вынутый из котлованов.

Детали интерьера. Внутри котлованов, в переднем правом (6 жилищ) или левом (1 жилище) углу, были зафиксированы остатки очагов размерами 0,67 × 1 – 1,2 × 1,6 м. Все очаги однотипны, формой и устройством практически не отличались. В качестве примера приведем описание очага в жилище № 2. Основание очага находилось на невысоком материковом останце ниже поверхности нар и выше уровня пола в правом переднем углу дома. Подовая часть очага была покрыта толстым слоем глины, которая в процессе эксплуатации подверглась обжигу и фиксировалась в виде ярко оранжевой линзы диаметром 0,75 м. По краю этого пятна у стены котлована жилища были документированы следы установки каркаса очага в виде углистых пятен диаметром 3–5 см. Вертикально установленные жерди, расположенные полукругом с шагом в 10 см, были углублены в материковое основание на 10 см. Задняя стена топки также подверглась сильному обжигу и фиксировалась полукруглой прокаленной полосой шириной 16 см. Зону устья очага, направленного в центр жилища, маркировала сажистая полоса мощностью 20 см. Все эти элементы были покрыты слоем полубоженной комковатой глины мощностью 0,17–0,38 м, оставшейся от обмазки стен верхней части очага. У пяти жилищ (№ 2–4, 5, 7) рядом с передними правыми углами котлованов поверх обваловок были зафиксированы линзы глиняной обмазки аморфной формы диаметром около 1 м, мощностью 5–9 см. Они располагались на расстоянии 0,7–1,2 м от задних стенок очагов. Скорее всего, это были остатки обмазки дымовых труб. У всех вышеописанных построек реконструируется наличие очага в форме чувала, аналогичного ранее обнаруженным при раскопках поселений конца XVI–XVII в. [10–11]. Данный факт позволяет идентифицировать раскопанные сооружения как остатки построек жилого назначения, в первую очередь для зимнего периода.

Входы в жилища были направлены в разные стороны: к реке, к центру жилой площадки и др. В жилищах без привходовых конструкций у передней стены на месте входа практически отсутствовал слой обваловки, а на материке залегала линза плотной гумусированной слоистой супеси черного цвета. У трех построек (№ 2, 3, 6) перед входом были зафиксированы линзы мешаной супеси, оставшейся от подсыпки стен, однако данный слой отличался от состава обваловок (рис. 7 – 1). Он был другой цветности и более комковатый. У двух жилищ (№ 2, 3) под линзой и рядом на расстоянии около 1 м друг от друга двумя рядами располагались столбовые ямы глубиной 0,2–0,3 м с прямыми стенками. Судя по профилю и заполнению, в них были вертикально установлены небольшие столбы. Две ямы, ближние к стенам жилища № 3, имеют следы установки двух столбов в каждой (рис. 4, яма № 7). У котлована жилища № 6 под упомянутой линзой располагалась Г-образная канавка, в которой, судя по заполнению и форме в разрезе, были вертикально поставлены деревянные элементы стен привходовой конструкции.

В отличие от многих других небольших поселений, существовавших в западносибирской тайге в древности, в межжилищном пространстве исследуемого поселка сформировался довольно мощный культурный слой, схожий по характеристикам с нижней частью заполнения котлованов жилищ (горизонт обитания). Толщина его была в основном 5–10 см, а рядом с сооружением № 3 доходила до 20 см, он был насыщен органикой, фрагментами костей животных и включал множество находок. Слой залегал на расстоянии 8–15 м вокруг жилищ и внешних печей, он фиксировался в виде больших вытянутых линз, крупных пятен и полос (тропинок), сливающихся и пересекающихся. Данные отложения четко маркировали селитебную территорию, в границах которой население поселка занималось хозяйственной деятельностью. В этом культурном слое расчищены 25 линз спекшейся глиняной крошки размерами от 0,5 × 1 до 2,5 × 1,5 м и мощностью до 18 см, в которых прослежены сажистые или золистые прослойки (рис. 3). При этом прокалы в них отсутствовали. В некоторых линзах были найдены развалы частей керамических сосудов, колотый кремьень, металлическое сырье и иглы, в шести печах находились кости животных и рыб. Рядом с пятью линзами были найдены обожженные кости животных, а несколько обгоревших костей лежали непосредственно в двух других линзах. Необходимо отметить, что все остальные кости животных со следами воздействия высоких температур лежали в основном в очагах жилищ, что вполне логично.

Исходя из характеристики и расположения линз, а также обнаружения развалов сосудов и горелых костей животных, можно полагать, что описанные пятна глиняной обмазки – это остатки печей для приготовления еды, конструкцию которых не удалось проследить. Все внешние печи находились у входов в жилища: слева или справа, на расстоянии 5–12 м от домов, и располагались группами от 2 до 4, при этом у жилищ № 1 и 5 они отсутствовали вовсе, а у жилища № 3 их было 13 – 10 слева и 3 справа.

В межжилищном пространстве выделены две производственные площадки: площадка № 1 включает в себя участок шириной 15 м, прилегающий к западной стене жилища № 3. Здесь, в естественной ложбине, очень плотно располагались 10 печей и был зафиксирован самый мощный культурный слой. На этом участке было найдено наибольшее количество костных остатков животных, а также 71 предмет: поломанные железные инструменты и их части, орудия промысла, украшения, элементы одежды, фрагменты кухонной утвари, отходы и заготовки металлургического производства. Площадка № 2 размерами 12 × 12 м расположена в 5 м к северо-востоку от жилища № 3. Здесь располагались 3 печи и найдено 33 предмета – железные гвозди и скобы, крупные абразивы, наковальня. Кроме того, документировано плотное скопление находок: два перстня, две связанные серьги двойчатки, кресальный или ружейный кремьень и оселок (рис. 8–9).

Ритуальные комплексы. В двух жилищах, кроме ям, связанных с конструкцией и хозяйственной деятельностью, были исследованы углубленные объекты явно ритуального назначения. В жилище № 2 в полу прослежено две ямы (№ 22, 26) глубиной 0,15 м с отвесными стенками и плоским дном. Скорее всего, они составляли два канавообразных объекта сложной конфигурации, один из них (№ 26) впоследствии был поврежден шурфом (рис. 6). В ямах находились раздробленные кости конечностей и черепа северного оленя и несколько неопределимых костей – всего 165 фрагментов (вместе с костями из шурфа 2012 г). Причем фрагменты заполняли лишь нижнюю часть ям и лежали отдельными очень плотными скоплениями. В жилище № 3, превосходящем по размеру все остальные постройки практически в два раза, в полу котлована была зафиксирована схожая яма (№ 23). Она была примерно такой же глубины и также была заполнена мешаным материковым грунтом с костями животных (рис. 4, 7 – 3). Ее хорошая сохранность дала возможность сделать некоторые интересные наблюдения. В ходе изучения ямы мы пришли к выводу, что она копалась поэтапно – участок

за участком. После того как готовый сегмент заполнялся костями животных и засыпался, выкапывался следующий, и так далее. На такую последовательность действий указывают форма ямы с границами этих сегментов, очертания стенок и структура заполнения. Здесь кости залежали также отдельными очень плотными скоплениями, однако одни сегменты были заполнены только до половины, а другие – до верха. Всего в яме обнаружены кости голов и конечностей оленей, лошади и одна берцовая кость медведя – всего 357 фрагментов. В разных местах ямы среди костей лежали украшения из сплавов цветных металлов: серьги-двойчатки (три целых и две сломанных), нашивки на одежду (три однотипных рамчатых и один обломок крестообразной) (рис. 7 – 2). Интересно, что на некоторых серьгах сохранились кусочки меха животных, но при этом отсутствовали следы пришивания в виде остатков нитей, соответственно, они не были нашиты на какие-то изделия, а просто соприкасались с мехом. Тогда, исходя из этого и из особенностей залегания фрагментов костей в ямах, вполне обоснованно полагать, что они были завернуты в плотные свертки из шкур животных. Все ритуальные ямы в сооружениях № 2 и 3 однозначно были выкопаны и заполнены костями до начала эксплуатации жилищ, так как грунт в них был практически неотличим от окружающего материка и они были полностью перекрыты неповрежденными прослойками мешаной супеси и супеси темно-серого цвета, залежавшими на полу.

В ходе работ было зафиксировано еще несколько интересных фактов, интерпретация которых также находится в плоскости иррационального. В жилище № 2 в середине нар у задней стены была исследована яма № 6 диаметром 0,6 м и глубиной 0,15 м, с отвесными стенками и плоским дном, заполненная мешаным материковым грунтом, в которой были найдены три полых пуговицы из сплава цветных металлов на основе меди (рис. 6, 8 – 16, 17). Пуговицы располагались на дне ямы компактным скоплением. В правом дальнем углу жилища № 3 в нарах находилась небольшая прямоугольная яма (№ 9) с отвесными стенками и плоским дном глубиной около 20 см с таким же заполнением, как и предыдущая (рис. 4). В ней был обнаружен железный нож с роговой рукояткой, уложенный параллельно стене дома, и две трубчатых кости северного оленя и бобра. Кончик клинка ножа был обломан. Рядом с ямой вплотную к углу лежал обух топора, который при расчистке развалился надвое, причем создавалось такое впечатление, что это целое изделие, которое было воткнуто в нары. Рядом с топором был обнаружен сломанный перстень. На нарах же, у задней стены котлована, примерно в середине, была найдена железная незначительно поврежденная пешня. Она была уложена четко вдоль стены дома и бревна, лежащего за пределами котлована. У левой стены дома, в середине нар, лежало лезвие ножа. С учетом того факта, что практически все орудия труда, обнаруженные на поселении, находились за пределами жилищ, расположение перечисленных предметов не кажется случайным, они намеренно были положены именно в указанные места.

Вещевой комплекс. Наибольшее количество находок располагалось на производственных площадках, на остальном пространстве поселка находки были немногочисленны и приурочены ко входам в жилища. Распределение находок по объектам приведено в таблице 2.

Костюм: детали одежды и украшения. Найдены четыре фрагмента обувных подков и пуговицы трех типов. Первая группа представлена пуговицами из светлого металла, цельнолитыми, шаровидными с округлыми петельками и бортиками высотой 1,1 см, декорированными насечками (рис. 8 – 15). Они лежали скоплением из 12 экземпляров в при входовой конструкции жилища № 6. Ко второй группе относятся две пуговицы из стеклянных бусин белого и черного цвета, надетых на стержни из свинцово-оловянного сплава (рис. 8 – 13–14). Стержень закреплен в бусине шляпками, украшенными насечками. К верхней шляпке припаяна округлая петля для пришивания, которая была обломана. Пуговицы

этих типов имеют широкую датировку и распространение, в частности представлены в материалах Мангазеи [12, с. 77], городка Монкысь Урий [13, с. 68; 8, с. 198–199]. Пуговицы в виде бусин на металлическом стрежне известны также по материалам Полууйского городка [10, с. 176]. Третий тип – полые пуговицы (3 экз.) из сплавов цветных металлов на основе меди, состоящие из полусфер. В коллекции есть только верхние части, они незначительно уплощены, имеют в центре отверстия, в которые вставлены петли для пришивания (рис. 8 – 16–17). Диаметр изделий составляет 1,1–1,3 см. Подобные бусины, использовавшиеся в качестве привесок, встречаются в погребальных комплексах конца XVI – начала XVII в. [14, с. 107, 140–141].

Нашивки на одежду из белого металла (свинца или свинцово-оловянного сплава) – 10 экз. (рис. 8 – 18–20). В коллекции есть крестовидные нашивки с отверстием в центре, решетчатые, из округлых элементов с жемчужинами (III тип по Кардашу), в форме арочной рамки с язычком и косым перекрестьем внутри (I тип по Кардашу) и фрагмент солярной нашивки плохой сохранности. Оловянные нашивки этих типов широко представлены на памятниках северо-таежного Приобья XVI–XVIII вв. [15, с. 138–139; 8, с. 207–211; 13; 14, с. 187–197; 10, с. 77, 84–85]. Нашивки решетчатой формы бытуют в обиходе юганских хантов вплоть до современности [17–18].

Рядом с жилищем № 5 лежали два фрагмента *кольчуги*, самый большой был размером 5 × 7 см, с диаметром железных колец 1,2–1,5 см, в сечении круглых (рис. 8 – 21). В других местах поселения найдены отдельные кольца, прямоугольные или круглые в сечении.

Украшения представлены *серьгами и перстнями*. Семь из восьми серег являются двойчатками (рис. 8 – 1, 3). Они сделаны из проволоки из сплавов металлов на основе меди разной толщины. Представляют собой разомкнутое кольцо с двумя оттяжками на подвижных креплениях. На оттяжки надеты крупные вытянутые бусины, плоские или округлые в сечении, из темно-синего, коричневого или белого стекла. Сверху и снизу от бусин на оттяжки нанизаны обоймочки (либо цельные, либо из витой проволоочки). На двух серьгах вместо обоймочек нанизаны 5–7 чередующихся белых и желтых бисеринок. Одна серьга имеет форму знака вопроса, на оттяжку надета крупная темно-синяя уплощенная бусина, декорированная четырьмя продольными бороздками, сверху и снизу от нее нанизаны одна бисеринка и обоймочка из витой проволоочки (рис. 8 – 2). Практически все серьги найдены в жертвенной яме № 23, за исключением пары связанных серег-двойчаток, лежавших справа от жилища № 3 в скоплении предметов, и серьги «знак вопроса», которая находилась между жилищами № 6 и 7. Серьги-двойчатки бытуют на Руси в XVI – пер. трети XVII в. [19, с. 286], серьги «знак вопроса» имеют широкий ареал и хронологию. В таежном Приобье они встречаются в слоях XIII–XVIII вв. [13, с. 82].

Найдено также 11 перстней, в том числе 7 целых и 4 сломанных. Три перстня с круглым плоским щитком с гравировкой: перекрестье с насечками, композиция из циркульных элементов, профильное изображение птицы (рис. 8 – 6, 7, 9). Остальные перстни кастровые – пять однотипных с выпуклыми шестигранными кастами. Вставки из белого мутного стекла – граненые («бриллиантовая» огранка), пирамидальной формы – крепились «глухим» способом. На четырех таких перстнях боковые грани кастов покрыты перегородчатой эмалью (рис. 8 – 4). Еще два перстня – с восьмиугольными кастами и вставками ступенчатой «изумрудной» огранки из мутного желтоватого стекла – крепились в щиток «глухим» способом. На одном края были украшены вертикальными резными линиями (рис. 8 – 8). У другого на вставку нанесена гравировка в виде головы оленя (?) (рис. 8 – 10). В единственном экземпляре в коллекции представлен оловянный цельнолитой перстень с объемным кастом в виде цветка и плоским обручем с орнаментом в виде зигзага и двух параллельных линий (рис. 8 – 5). Похожие перстни представлены в коллекциях Надымского городка [15, с. 140–141], городка Монкысь Урий [11, с. 194–195], Мангазеи [20].

Орудия и инструменты представлены ножами, топорами, пешнями, иглами, наперстками, гвоздями и скобами.

Ножи универсальные: хозяйственно-бытовые, однолезвийные, с прямой спинкой и черешком, соосным клинку. Практически все ножи сломаны, а лезвия их сильно сточены, что говорит об интенсивном их использовании (рис. 9 – 4–5). Обнаружены также *навершия* и *больстеры* от рукоятей, причем они залегали в слое отдельно от ножей. Два целых однотипных навершия овальной формы с растительным орнаментом, фрагменты больстеров или бортиков наверший, два из которых с растительным орнаментом, третий украшен надписью (рис. 9 – 8–12). Все выполнены из сплавов на основе меди. Такие же навершия известны в материалах погребений XVII в. на Чулыме [21, с. 309]. Медный больстер с растительным орнаментом сохранился на фрагменте сабли или палаша, найденном в Надымском городке в слое конца XVII – первой трети XVIII в. Кроме этого, были обнаружены больстер и навершие овальной формы с низким бортиком от одного ножа, отлитые из свинцово-оловянного сплава. Аналогичные изделия в материалах Надымского городка датированы серединой XVII – пер. третью XVIII в. [10, рис. 3.29 – 3, 4, с. 222, 224].

Хорошо сохранился *наконечник ножен*, сделанный из листа цветного металла подтреугольной формы и каплевидным сечением, длина изделия – 11 см (рис. 9 – 7). Аналогии известны в материалах городков Монкысь Урий (XVI–XVII вв.) и в верхних слоях городка Эмдер [11, рис. 2.3.11, 57–60, с. 261; 14, рис. 46; 7, с. 91].

В коллекции имеется *проушный топор* размерами 14 × 12 см, с широким лезвием, верхний конец которого приподнят к рукояти уплощенным обухом и четко профилированной бородкой. Кончик был отломан и лежал рядом, на лезвии и боковой поверхности имеются множественные дефекты (рис. 9 – 2). Согласно классификации А. И. Соловьева, он относится к типу V [22, с. 94] и датируется второй половиной XVII – началом XVIII в. [22–24], хотя находили подобные изделия и на более поздних памятниках [25–27]. От второго топора сохранился только обух. Также в слое найдены клинья для топоров.

Пешня изготовлена из железного листа, свернутого на конус, с четырехгранным в сечении острием и с поврежденным втульчатый округлым насадом. Длина изделия – 29,5 см (рис. 9 – 1). Шило – острый на одном конце четырехгранный стержень длиной 7,5 см, прямоугольный в сечении, выполненный из сплавов цветных металлов на основе меди. Также найдены фрагментированные и целые кованые *гвозди* (3 ед.) разных размеров и *скобы* (8 ед.), *иглы швейные* (38 экз.), круглые в сечении, длиной 3–5 см, в основном из железа, реже – из цветных металлов на основе меди (11 ед.). Многие иглы деформированы и сломаны. *Наперстки* относятся к двум типам – четыре железных без донца, четыре из цветного металла с донцем и без (рис. 9 – 17, 18). Все наперстки без донца найдены рядом с жилищем № 5. Некоторые изделия сломаны и имеют сквозные дефекты.

Для заточки орудий использовали пассивные и активные *абразивы* из сырья разной твердости и зернистости (песчаник, сланец, кварц), различных форм и размеров – оселки, точильные бруски, гальки и плитки с шлифовкой, большие шлифовальные плиты. Последние применяли и как наковальни. От заточки игл на поверхности одного абразива образовались глубокие бороздки (рис. 9 – 21).

О том, что на поселении занимались отливкой изделий из металла, свидетельствуют находки *сырья* (свинцовые прутки, кусочки листов цветного металла) и *отходов производства* (всплески свинца), которые локализовались в основном на площадке возле печи № 17. В очаге жилища № 3 и рядом с ним найдены обломки *тиглей* и заготовки в виде деформированных трубочек, скрученных из листов цветного металла. Такие же трубочки лежали в печах № 17 и 19. Одиночные *всплески свинца* обнаружены в жилище № 2 и рядом с жилищем № 4.

Таблица 2

Распределение индивидуальных находок по объектам

Наименование предметов	Раскоп 1							Раскоп 2		Раскоп 3			Всего
	Жилища				ПП*	ПП2	МП	5	МП	Жилища		МП	
	1	2	3	4						6	7		
Перстень	–	1	3	–	3	2	1	–	2	–	–	1	13
Нашивка на одежду	1	–	5	–	2	–	2	–	1	–	–	2	13
Пуговица	–	3	–	–	3	–	–	–	–	12	–	–	18
Бусина (бисер)	–	–	–	–	1	–	–	–	2	–	–	–	3
Серьга	–	–	5	–	–	2	–	–	–	–	–	1	8
Крест нательный	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	2
Кольчуга (фрагмент)	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	2	4
Подкова обувная	–	–	–	–	1	–	1	1	–	–	–	–	1
Сосуд керамический	1	10	2	–	12	9	–	2	6	12	3	65	122
Котел медный (ушко)	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	2
Нож (клинок)	2	–	2	–	3	1	2	–	–	–	–	5	15
Нож (навершие)	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	1	3
Абразив	2	–	4	4	11	6	7	6	22	–	–	9	71
Больстер	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	2	3
Пешня	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Топор	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	2
Кресало	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1
Клин для топора	–	–	1	–	1	1	1	–	1	–	–	–	5
Игла	1	–	4	–	4	3	13	2	12	–	–	11	50
Шило	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1
Гвоздь	–	–	–	–	–	3	–	–	–	–	–	–	3
Скоба железная	–	–	1	–	2	3	3	–	1	–	–	–	10
Наперсток	–	–	1	–	–	–	2	–	5	–	–	–	8
Веревка	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1
Трубка курительная	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1
Крючок рыболовный	–	–	–	–	1	–	13	–	1	–	–	4	19
Наконечник стрелы (бронзовый лист)	–	–	1	2	4	–	1	–	2	2	1	12	25
Кремень ружейный	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	4	6
Кремень (фрагменты)	–	–	–	–	8	–	–	–	2	–	–	1	11
Тигль	–	–	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3
Пластина железная	–	–	1	–	2	–	4	1	3	–	–	–	11
Заготовки/отходы (свинец, бронза)	–	–	6	–	2	–	1	–	1	–	–	1	11
Всплеск (свинец)	–	1	–	–	6	–	2	–	–	–	–	–	9
Всего	7	15	43	6	71	33	53	12	67	26	4	121	458

Примечание: *ПП – производственная площадка; **МП – межжилищное пространство.

Орудия промысла. Наконечники стрел, вырезанные из тонких листов цветного металла (39 экз.), относятся к трем типам по классификации О. В. Кардаша: в форме криволинейного треугольника с небольшим отверстием посередине, треугольные с выделенным черенком и шипами, треугольные с выделенными шипами (рис. 9 – 12–16). Такие наконеч-

ники были найдены на многих поселениях позднесредневекового времени в среднетаежном Приобье [14, с. 90; 8, с. 375].

Рыболовные крючки (20 ед.) выполнены из круглых в сечении стержней размерами от $1,2 \times 2,8$ до $2,2 \times 5$ см. Цевье их без ушка, приостренное, обухок изогнут, жальце с бородкой на внутренней стороне, направленной либо вниз, либо к цевью. Крючки найдены у каждого жилища, в основном у внешних печей. Кроме этого, у жилища № 3 вокруг внешних печей было обнаружено несколько расплюснутых *свинцовых дробинок* 3–4 мм в диаметре. Есть в коллекции и несколько целых *ружейных кремней*, в плане они трапециевидной или прямоугольной формы высотой около 1 см, поверхности оформлены крупными сколами, на некоторых краях имеются мелкие частые сколы и забитость. *Наконечники стрел* из железа – довольно редкая находка. Обнаружен всего один шиловидный наконечник длиной 12,5 см, состоящий из длинного подпрямоугольного в сечении стержня с зауженной острой ударной головкой и уплощенным насадом (рис. 9 – б). Найдено одно целое *калачевидное кресало* размером $3,9 \times 8,6$ см (рис. 9 – 3).

Предметы быта, домашнего обихода. Фрагментированные и целые кованые *гвозди* (3 ед.) разных размеров и *скобы* (8 ед.).

Кусок *веревки* длиной около 20 см и толщиной 4 мм, сплетенной из скрученных тонких ниточек из растительных волокон (лен?). Плетение довольно сложное, плохая сохранность не дала возможности проследить его достоверно.

Посуда представлена фрагментами пяти гончарных горшков и многочисленными разрозненными обломками. Сосуды серо-глиняные, толстостенные, без орнамента, с коротким отогнутым наружу венчиком и плоским дном. Найдены они преимущественно скоплениями в очагах жилищ и рядом с печами. Аналоги такой посуде прослеживаются в материалах раскопок верхнего посада г. Тобольска в слоях XVII–XVIII вв. [28, с. 82].

Кроме того, в жилище № 3 и у печи № 16 обнаружены два сломанных ушка от *котла*, сделанных из сплавов цветных металлов на основе меди, на одном сохранилось листовидное окончание (рис. 9 – 19). Фрагменты медных клепаных котлов часто встречаются на поселенческих и погребальных памятниках Северо-Западной Сибири XIII–XVII вв. Ушки с окончаниями листовидной формы не имеют ранних аналогий и, вероятно, относятся к XVI – началу XVII в. [11, с. 235, 268; 15, с. 232].

Средства передвижения. Жители поселка в работе и быту использовали кости животных, но оформленные костяные изделия в слое отсутствовали. На четырех костях оленя имелись следы обработки в виде грубо оструганных поверхностей и просверленных отверстий. В двух случаях это, возможно, были заготовки налобных пластин для оленьей упряжи [15, с. 255].

Нумизматические материалы. Счетный жетон диаметром 2,1 см (рис. 9 – 22), на аверсе изображен бюст французского короля Людовика XIV (в возрасте), круговая легенда читается фрагментарно – LVDOVICVS. Рисунок на реверсе сохранился плохо, в центре – небольшое изображение короны, легенда также читается фрагментарно – REPOS SVIT. Жетон, обнаруженный в постройке № 3, явно использовался как подвеска, так как у него имеется пробитое отверстие. По аналогичным жетонам удалось восстановить легенды на аверсе и реверсе: LVDOVICVS MAGNVS REX, под портретом короля – CL и LE REPOS SVIT LA VICTORIE. На реверсе была изображена богиня безопасности Секуритас (рим.), сидящая на стуле в профиль вправо, левой рукой она подпирала голову, а правой держала корону, расположенную на ее правом колене. Жетон датируется 1658–1711 гг. (годы работы мастера – 1658–1711, годы царствования Людовика XIV – 1643–1715) [29, с. 104]. Медные жетоны XVII–XVIII вв., изготовленные в Нюрнберге, неоднократно встречены на памятниках Западной и Восточной Сибири [21; 23; 30–32].

Предметы личного благочестия. Рядом с жилищем № 5 были найдены *нательные кресты* (2 экз.) (рис. 8 – 11–12). Один – простой четырехконечный, со слегка расширяющимися лопастями размерами 2,2 × 4,3 см – относится к распространенному типу простых четырехконечных крестов, имеющих несложные, упрощенные формы, что является признаком массового производства. В центре – рельефное изображение восьмиконечного Голгофского креста с копием и тростью. Оглавие имеет вид плоского ушка. Второй крест – четырехконечный с сердцевидными концами и лучистым венцом вокруг средокрестия (лучи в виде шариков) таких же размеров. На лицевой стороне помещен рельефный восьмиконечный Голгофский крест с копием и тростью. Оглавие имеет вид ушка. Православные кресты данного типа появляются во второй половине XVII в. и к концу столетия они уже встречаются на русском Дальнем Востоке [33, с. 47]. Кресты с сердцевидными оконечностями являются женскими. Судя по этнографическим коллекциям, их носили не только в качестве нательных, но и как наперсные. В последнем случае женщины прикрепляли их к концам низанных из бисера и металлических гайтанов («крестовок») и носили поверх одежды [31, с. 59–60; 34, с. 11].

Головка *курительной трубки* из сланца подпрямоугольной в плане формы, с трапециевидным сечением размерами 4 × 3 × 2 см, с двумя сквозными отверстиями Г-образной формы диаметром 1,7–0,7 см, одно из них предназначено для подвешивания (рис. 9 – 20). Подобные трубки встречаются в материалах поселений и могильников XVII–XVIII вв. по всей Западной и Восточной Сибири [16; 21, с. 325; 35; 36, с. 509].

На основании анализа вещевого комплекса можно определить хронологические рамки существования поселения – с первой трети XVII по первую треть XVIII в. Надо заметить, что подавляющее большинство вещей найдено в поломанном виде за пределами жилищ, что может указывать как на то, что основная трудовая деятельность обитателей проходила вне дома, так и на то, что большая часть этих вещей была выброшена как пришедшая в негодность. На основании этого можно предположить, что жители покинули поселок и переселились на новое место по причине истощения ресурсов территории.

Палеозоологическая коллекция состоит из 1053 экз. костных остатков. Были определены 1018 костей млекопитающих от 10 видов домашних и диких млекопитающих, 10 костей птиц, 25 костей рыб. 94 экз. костей млекопитающих точно определить не удалось (табл. 3), из них 60 костей – это мелкие кальцинированные фрагменты из очагов.

Домашние животные представлены костями лошади (*Equus caballus*) и собаки (*Canis familiaris*). Почти все кости лошади (52 экз.) были найдены в жилище № 3 и рядом с ним. Один фрагмент – в чувале, 18 фрагментов – под дерном слева от жилища, 33 фрагмента – в заполнении обрядовой ямы № 23, где лежали исключительно кости головы и нижних отделов конечностей. Отсутствуют кости осевого скелета (ребра и позвонки), за исключением первого шейного позвонка и фрагмента второго, который, вероятно, был разрушен при отделении головы от тела животного. Все кости, за исключением фаланг пальцев и мелких костей запястья, сильно раздроблены. По состоянию зубной системы можно сказать, что возраст животного был около 5 лет. Кроме этого, два обожженных фрагмента метаподии найдены в чувале жилища № 2, один фрагмент плечевой кости – рядом с жилищем № 5, одна локтевая кость – рядом с жилищем № 7. В межжилищном пространстве раскопа 1 были обнаружены задняя часть черепа собаки и первый шейный позвонок. Рядом с жилищем № 7 – 2 ребра, целая локтевая и фрагменты лучевой и плечевой костей.

Найдены также останки *диких животных*: северного оленя, лося, медведя, выдры, лисы, соболя, зайца-беляка и бобра.

Кости северного оленя (*Rangifer tarandus*) преобладают на всех раскопах (табл. 3) и составляют 82–92 % от определимых останков млекопитающих. Более половины всех останков было найдено в обрядовой яме № 23 (321 экз.), расположенной в жилище № 3, и в яме

№ 26 (155 экз.) в жилище № 2. Здесь были сосредоточены кости от 3 особей и от 1 особи северного оленя соответственно. Надо отметить, что все кости оленя были сильно раздроблены. По состоянию зубной системы можно сказать, что среди забитых оленей были особи в возрасте 2-х лет и старше. На территории раскопа № 2 большая часть костей оленя, включая фрагмент лицевой части черепа, была найдена в межжилищном пространстве к югу от постройки. В раскопе № 3 скопления костей оленя были сосредоточены в чувале постройки № 6 (122 экз.) и в заполнении постройки № 7 (19 экз.). Еще 77 костей северного оленя были найдены в межжилищном пространстве вокруг построек. Это преимущественно сильно раздробленные фрагменты костей поясов конечностей.

Кости лося (*Alces alces*) сохранились только на территории раскопа № 1. Раздробленные фрагменты костей ног были обнаружены в жилище № 3 и на прилегающих к нему участках, а также в чувале жилища № 2.

Медведь бурый (*Ursus arctos*). Скопление костей поясов и верхних отделов конечностей как минимум от 2-х взрослых особей медведя были сосредоточены в обваловке жилища № 3. В жилище № 1 лежали лопатка и фрагмент плечевой кости, в жилище № 7 найдены парные нижние челюсти старой особи медведя (вероятно, самки). Один фрагмент нижней челюсти найден в жилище № 5.

Череп и нижняя челюсть взрослой выдры (*Lutra lutra*) найдены на производственной площадке около печи № 19. Нижний конец задней лапы (2 первые фаланги, метаподии и нижний конец большеберцовой кости) и шейный позвонок взрослой особи обнаружены рядом с чувалом в жилище № 6. Фрагменты плечевой, лучевой и большеберцовой костей, возможно, от одной особи лисицы (*Vulpes vulpes*), найдены рядом с жилищем № 5. Фрагмент лопатки и локтевая кость, предположительно соболя (*Martes sp.*), найдены на площадке около печи № 19. Заяц-беляк (*Lepus timidus*) представлен фрагментами двух черепов, найденных у чувала в жилище № 6. Фрагменты бедренных костей бобра (*Castor fiber*) были найдены в жилищах № 3, 5, 6, хвостовой позвонок со следами огня – в жилище № 6. В жилище № 3 найден диафиз большеберцовой кости.

Немногочисленные кости птиц были найдены на площадке у печи № 19, а единичные – в жилище № 6 и рядом с ним (табл. 3). Это преимущественно кости плечевого сустава крыла. Все кости раздроблены.

Почти все кости рыб были найдены у печи № 19 возле жилища № 3, единичные кости – в жилищах № 6 и 7. По 12 костям были определены 4 вида рыб: язь (*Leuciscus idus*), обыкновенный окунь (*Perca fluviatilis*), обыкновенная щука (*Esox lucius*) и налим (*Lota lota*). Еще 1 кость была отнесена к семейству карповых (*Cyprinidae*). 13 костей рыб определить не удалось. Все определенные виды принадлежат к группе озерных или озерно-речных рыб, живущих оседло или мигрирующих в пределах речного бассейна.

Таблица 3

Видовой состав и количество костей животных в различных объектах

Виды и группы	Раскоп 1								Раскоп 2		Раскоп 3		
	1*	2	яма 26	3	яма 23	4	МЖП	ПП	5	МЖП	6	7	МЖП
Собака	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	5
Лошадь	–	2	–	1	33	–	1	17	–	1	–	–	1
Олень северный	3	1	155	15	321	2	23	27	6	21	122	19	86
Лось	–	3	–	2	–	–	5	5	–	–	–	–	–
Медведь бурый	2	–	–	14	1	–	–	1	1	–	–	2	–
Выдра	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	8	–	–
Соболь	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–
Лисица	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–

Окончание таблицы 3

Бобр	-	-	-	2	-	-	-	-	1	-	1	-	1
Заяц-беляк	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-
Млекопитающие	-	11	10	9	2	-	5	12	-	1	-	38	6
Птица (вся)	-	-	-	-	-	-	-	7	-	-	2	-	1
Щука обыкновенная	-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	2	1	-
Язь	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-
Сем. карповые	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
Налим	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-
Окунь обыкновенный	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
Рыбы неопределимые	-	-	-	-	-	-	-	13	-	-	-	-	-
Всего	5	17	165	43	357	2	36	95	8	26	137	60	100

Примечание: *1 – номер жилища, МЖП – межжилищное пространство, ПП – производственная площадка.

Таблица 4

Количество определяемых элементов скелета крупных млекопитающих

Элемент скелета	Северный олень	Лошадь	Лось	Медведь бурый
Рог (Corn)	33	-	-	-
Череп (Cranium)	28	3*	-	-
Нижняя челюсть (Mandibula)	15	4*	-	3
Зубы (Dentes)	33	2*	-	-
Подъязычная кость (Hyoidium)	1	-	-	-
Атлант (Atlas)	3	1	-	-
Эпистрофей (Axis)	5	1	-	-
Шейные позвонки (Vertebrae cervicales)	10	-	-	-
Грудные позвонки (Vertebrae thoracales)	20	-	-	-
Поясничные позвонки (Vertebrae lumbales)	7	-	-	-
Хвостовые позвонки (Vertebrae caudalis)	1	-	-	-
Позвонки (Vertebrae)	10	-	-	-
Крестец (Sacrum)	5	-	-	-
Грудина (Sternum)	4	-	-	-
Ребра (Costae)	56	1	-	-
Лопатка (Scapula)	23	2	-	2
Плечевая (Humerus)	47	1	1	5
Локтевая (Ulna)	13	1	1	5
Лучевая (Radius)	33	-	-	-
Таз (Pelvis)	17	4	-	3
Бедренная (Femur)	48	1	1	-
Большеберцовая (Tibia)	49	3	-	2
Коленная чашечка (Patella)	4	-	-	-
Трубчатые **	117	4	1	-
Метаподии (Metapodium)	72	16	7	-
Пяточная (Calcaneus)	13	2	2	-
Таранная (Talus)	13	3	1	-

Окончание таблицы 4

Запястье, предплюсна (Carpus, tarsus)	57	3	–	–
Фаланга 1 (Phalanges 1)	32	2	1	–
Фаланга 2 (Phalanges 2)	21	–	–	–
Фаланга 3 (Phalanges 3)	–	2	–	1***
Всего	790	56	15	21

Примечание: * – вероятно, фрагменты одной кости; ** – фрагменты не определенных ближе трубчатых костей ног; *** – коготь от фаланги 3.

Все костные остатки животных можно разделить на две группы: кухонные отходы и следы ритуальных действий. Анализ кухонных отходов и опосредовано ритуальных скоплений показывает, что основой питания жителей поселка был северный олень. Дополнительными источниками питания были мясо лося, бурого медведя, бобра. Рацион дополняли птица и речная рыба.

Жители поселения добывали пушных зверей – бобра, выдру, соболя, лисицу, зайца. Кости головы и лапы выдры, а также черепа зайцев, вероятно, сохранялись в качестве промысловых талисманов.

О наличии ритуальной деятельности говорят найденные в полу двух жилищ ритуальные ямы, заполненные колотыми костями. Особенность залегания слоев указывает на то, что ямы были сделаны в полу на начальной стадии строительства жилища, сразу после выкапывания котлована. Судя по конфигурации, яма в постройке № 3 состояла из отдельных сегментов, сооружавшихся последовательно. После выкапывания первого углубления туда плотно укладывались кости, ямка закапывалась, следом вплотную к ней выкапывалась следующая. Кости уложены плотными кучками на дне. В жилище № 2 все кости принадлежат северному оленю, в жилище № 3 – оленю, лошади и одна кость – медведю. Представлены преимущественно кости головы и поясов конечностей. По состоянию зубной системы можно сказать, что возраст лошади был около 5 лет, оленей – больше 2-х лет. Вместе с костями в яму укладывались украшения: нашивки на одежду, серьги, бусины.

Аналогичные обрядовые действия зафиксированы при изучении некоторых поселений нового времени. Так, при раскопках городка Монкысь Урий (Частухинский Урий) конца XVI – XVII в. выявлены аналогичные ямы в полу и под стенами жилищ [37, с. 87; 38, с. 133–135]. При изучении поселения XVII–XIX вв. Сырой Аган 12 в Сургутском Приобье под нарами одного из жилищ был найден приклад в виде новорожденного теленка [39, с. 7]. Исследователь угорских народов К. Ф. Карьялайнен сообщает, что у хантов есть дух почвы жилого места, которому жертвовали животное, затем кости, завернутые в шкуру, погребали внутри жилища рядом с нарами, стоящими у задней стены. Эта жертва была нужна, чтобы попросить у «Земной матери» землю для строительства. Иногда «Земная мать» получает в жертву котел, который тоже закапывают в землю и в который кладут монетки или винтовочные пули [40, с. 233].

Заключение

В итоге стационарных раскопок и первичного анализа полученных данных, в частности изучения особенности конструкций жилищ и комплекса артефактов, выяснено, что оба селища, Угутское 21 и Угутское 40, принадлежали одному историческому поселению, разделенному небольшими болотистыми ложбинами. Населенный пункт составляли семь жилых строений и хозяйственные сооружения, которые функционировали во второй половине XVII – начале XVIII в. (возможно, и дольше – с начала XVII в.). Вероятнее всего, данное поселение служило зимним пунктом проживания.

Судя по картографическим источникам рубежа XVII–XVIII вв., в бассейне среднего течения р. Большой Юган лишь один населенный пункт находился на правом берегу [41, Лист 11, с. 19, 20; 42; 43, Лист 123]. Предварительно данное поселение идентифицировано с юртами Ямелцовыми, позднее Угутскими, входившими в состав Юганской волости Сургутского уезда.

Данные, характеризующие жилые и хозяйственные сооружения поселения, объекты, возникшие в ходе ритуальных действий, предметы вещевого комплекса не оставляют сомнения в том, что населенный пункт принадлежал ясачному населению Юганской волости, а именно юганским осяткам – предкам современных юганских хантов, проживающих преимущественно в Сургутском районе ХМАО-Югры.

Формат настоящей публикации не позволяет в полной мере проанализировать все полученные материалы, в связи с чем в перспективе предполагается сделать серию публикаций, в которых более подробно будут описаны и проанализированы объекты архитектуры, религиозной обрядовой деятельности, а также хозяйство. Также на основании документальных данных (переписей ясачного населения), возможно, будут выяснены фамилии проживавших в нем осятков. Поэтому дальнейшее аналитическое изучение материалов раскопок имеет значительный научный потенциал.

Благодарность: авторы благодарят А. А. Пушкарева за помощь в определении счетного жетона и О. Е. Пошехонову за помощь в работе над текстом.

Литература

1. Фефилова Л. Ю., Звягин О. Л., 2008. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Большой Юган в Сургутском р-не ХМАО-Югры летом 2008 г. Екатеринбург // Архив УчМАЛ.
2. Маракулин В. А. Историко-культурные изыскания (экспертиза) по землям, отводимым под размещение объекта: «Обустройство кустов скважин № 45, 46, 59 Угутского месторождения : отчет о НИР. Нефтеюганск, 2012 г. // Архив НПО СА Ф. 2. Д. 434.
3. Балуева Ю. В. Археологическая разведка земельного участка, отводимого под размещение объекта: «Обустройство кустов скважин № 45, 46, 59 Угутского месторождения» в Сургутском р-не ХМАО-Югры в 2013 г. : отчет о НИР. Нефтеюганск, 2014 // Архив НПО СА. Ф. 1. Д. 527.
4. Проект «Мероприятия по обеспечению сохранности объекта культурного (археологического) наследия селище Угутское 21, расположенного в проектируемых коридорах коммуникаций объекта «Обустройство кустов скважин № 45, 46, 59 Угутского месторождения». Нефтеюганск, 2016 // Архив НПО СА.
5. Об утверждении Списка вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность : приказ руководителя Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского авт. окр. № 81-ПП от 29.12.2008.
6. Об утверждении Списка вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность : приказ руководителя Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского авт. окр. № 18-ПП от 06.05.2014.
7. Скоробогатова А. Ю. Отчет о результатах спасательных археологических полевых исследований выявленного объекта культурного (археологического) наследия селище Угутское 21 в зоне обустройства кустов скважин № 45, 46, 59 Угутского месторождения в Сургутском районе ХМАО-Югры в 2016 г. Нефтеюганск, 2018 // Архив НПО СА 576/1-4 НАУЧ.
8. Попов А. А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М. ; Л., 1961. С. 131–226.

9. Соколова З. П. Жилище народов Сибири. М. : ИПА «Три Л», 1998. 284 с.
10. Кардаш О. В. Полуыйский мысовой городок князей Тайшиных. Екатеринбург ; Салехард : Изд-во «Магеллан», 2013. 380 с.
11. Кардаш О. В., Визгалов Г. П. Городок Монкысь Урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках. Екатеринбург : Издательская группа «Караван», 2015. Т. 1. Археологические исследования. 448 с.
12. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург ; Нефтеюганск : Изд-во «Магеллан», 2008.
13. Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001. 296 с.
14. Зыков А. П., Кокшаров А. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001. 320 с.
15. Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург ; Нефтеюганск : Изд-во «Магеллан», 2009. 360 с.
16. Баранов М. Ю. Спасательные археологические работы (раскопки) на поселении Урочище Бала 1 в Ханты-Мансийском районе ХМАО-Югры Тюменской области. Раскоп 3. (2 книги). Книга 1 : отчет о НИР. Нефтеюганск, 2014 // Архив НПО СА. Ф. I. Д. 397/1.
17. Носкова А. В. Археологические раскопки могильника Тат-Ягун 54 в Сургутском районе ХМАО-Югры в 2007 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого / отв. ред. Я. А. Яковлев. Тюмень ; Ханты-Мансийск : Изд-во «РИФ» КоЛеСо, 2008. Вып. 6. С. 187–197.
18. Фефилова Т. Ю., Звягина Л. Ю. Металлические нашивки в украшении женского сака юганских ханты 1970-х гг. // Музейное дело в Ханты-Мансийском округе – Югре : науч.-метод. сб. Вып. 4. Ханты-Мансийск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 77–84.
19. Жилина Н. В. Серьги в уборе Московской Руси // Археология Подмосквья : Материалы научного семинара. Вып. 14. М., 2018. С. 278–306.
20. Визгалов Г. П. Комплексные археологические исследования города Мангазея XVII века в 2009 году. Книга 1 : отчет о НИР. Нефтеюганск, 2010 // Архив НПО СА. Ф. I. Д. 292/1.
21. Дульзон А. П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Томск : Изд. ТГПИ, 1953. Т. 10. С. 127–335.
22. Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. Новосибирск : Наука, 1987. 193 с.
23. Молодин В. И. Кыштовский могильник. Новосибирск : Наука, 1979. 184 с.
24. Беликова О. Б. Зырянский могильник конца XVI – XVII в. таежного Причулымья в свете археологии и археоботаники : (опыт комплексного исследования одного кургана). Томск, 2010. 432 с.
25. Руденко С. И. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914.
26. Яковлев Я. А., Боброва А. И. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Приобья: топор // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого : сб. статей / отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 137–174.
27. Мурашко О. А., Кренке Н. А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке (по археологическим коллекциям Музея антропологии МГУ). М. : Наука, 2001. 155 с.
28. Аношко О. М., Селиверстова Т. В. Характеристика русской гончарной посуды из раскопок на территории верхнего посада г. Тобольска // Вестник ТюмГУ, 2009. № 7.
29. Groenendijk F., Levinson R. Rechenpfennige, Nürnberg. Signierte und zuweisbare Gepräge: Die Familie Lauffer, mit einem Supplement auf Band 1, с a. München, 2015. Band 2, 252 S.
30. Спасский И. Г. Счетные жетоны // Исторический памятник русского арктического мореплавания 18 века, 1951. С. 130–138.

31. Чиндина Л. А. Позднесредневековые могильники Среднего Приобья в XVII в. Хронологический дискурс // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : Изд-во Ом. ун-та, 2004. С. 284–290.
32. Пушкарев А. А. Нюрнбергские счетные жетоны XVI–XIX вв.: от Западной Европы до Западной Сибири // Былые годы. 2015. № 34 (4). С. 825–833.
33. Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск : Изд-во ИНФОЛИО, 2007. 248 с.
34. Станюкович А. К. Произведения русской средневековой металлопластики из округа Звенигорода (новые открытия) // Вестник клуба «Раритет», 2000. № 1.
35. Шаповалов А. В. Табак в Западной Сибири в XVII–XVIII вв. // Чуждое – чужое – наше. Наблюдения к проблеме взаимодействия культур. Новосибирск, 2000. С. 107–121.
36. Баранов М. Ю., Куприянов В. А. Культурно-хозяйственный комплекс приобских остяков XVII–XIX веков (по материалам исследований поселения «Урочище Бала 1») // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Изд. дом «Наука», 2017. С. 504–511.
37. Семенова В. И. Поселение и могильник Частухинский Урий. Новосибирск : Наука, 2005. 164 с.
38. Лобанова Т. В., Кардаш О. В. Костные остатки животных в ритуально-обрядовых комплексах городка Монкысь Урий / Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 46, № 2, 2018. С. 131–139.
39. Шорин А. Ф., Баранов М. Ю. Возможности археологии в реконструкции жилища как области реализации мифологических представлений // Материалы и исследования по истории Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 70–81.
40. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов / пер. с нем. Н. В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. Т. I. 152 с.; Т. II. 1995. 284 с.; Т. III. 1996. 247 с.
41. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. Т. 1. Факсимильное издание. М. : ФГУП ПКО «Картография», 2003. 100 с.
42. Ремезов С. У. Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова: Факсимильное издание. Тобольск : Изд-во Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2011. Т. 1. 512 с.
43. Ремезов С. У. Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. Тобольск : Изд-во Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2011. Т. 2. 692 с.

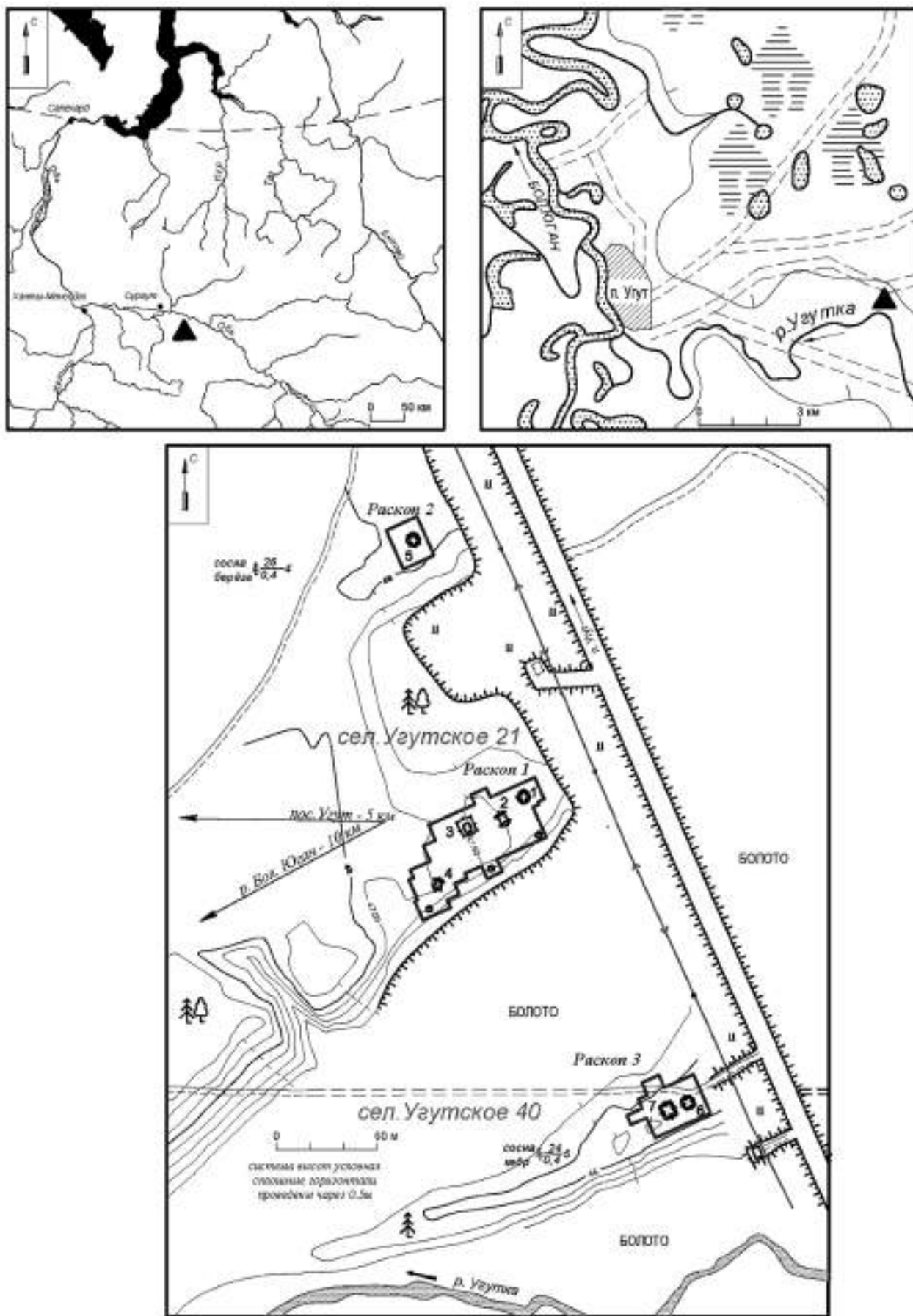

Рис. 1. Расположение селищ Угутское 21, 40

Рис. 2. Селища Угутское 21, 40: 1 – вид сверху, с северо-запада; 2 – жилище № 2 до начала работ, вид с северо-запада

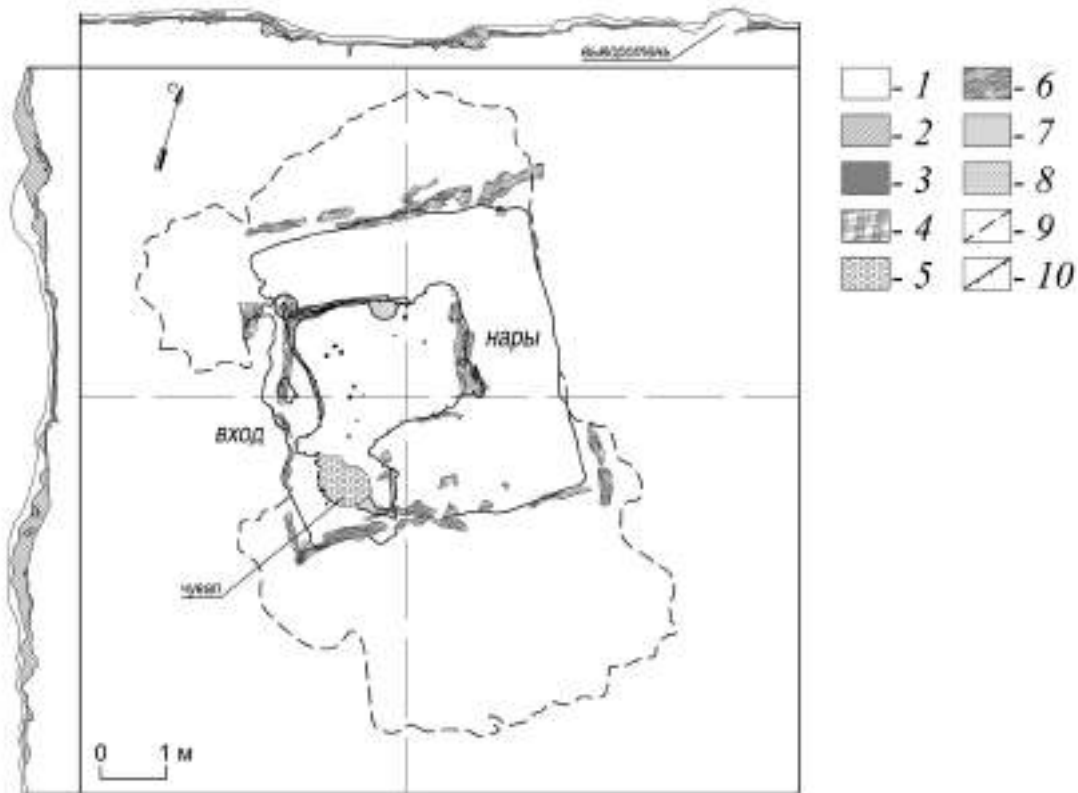

Рис. 5. План жилища № 1. Условные обозначения: 1 – очаг; 2 – обваловка жилища; 3 – мешаный слой; 4 – темно-серый слой (горизонт обитания); 5 – глиняная обмазка; 6 – деревянный тлен; 7 – углистая прослойка; 8 – столбовая яма; 9 – граница обваловки; 10 – граница понижения

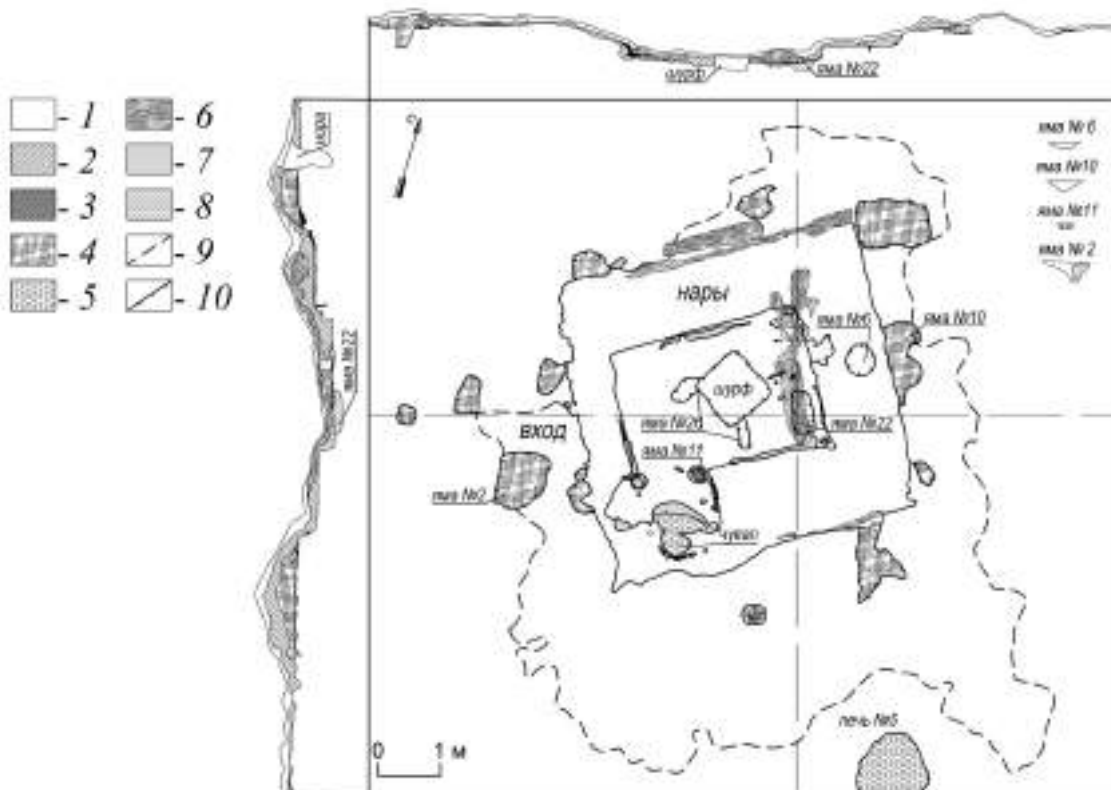

Рис. 6. План жилища № 2. Условные обозначения: 1 – очаг; 2 – обваловка жилища; 3 – темно-серый слой (горизонт обитания); 4 – мешаный слой; 5 – глиняная обмазка; 6 – деревянный тлен; 7 – углистая прослойка; 8 – столбовая яма; 9 – граница обваловки; 10 – граница понижения

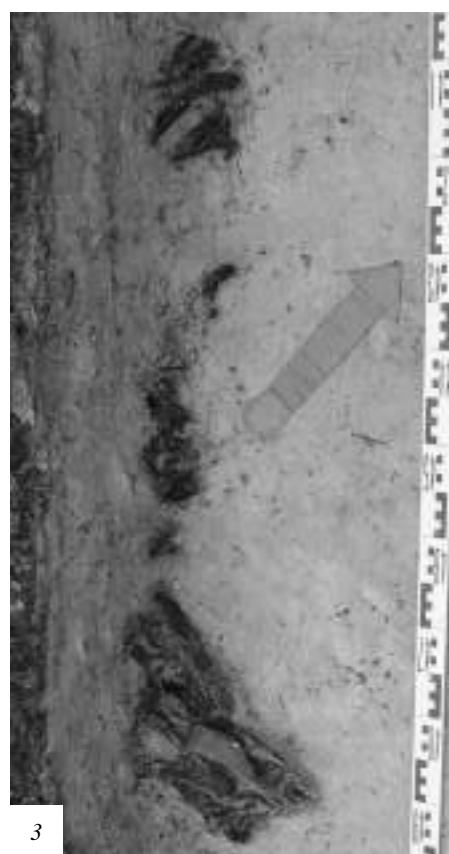
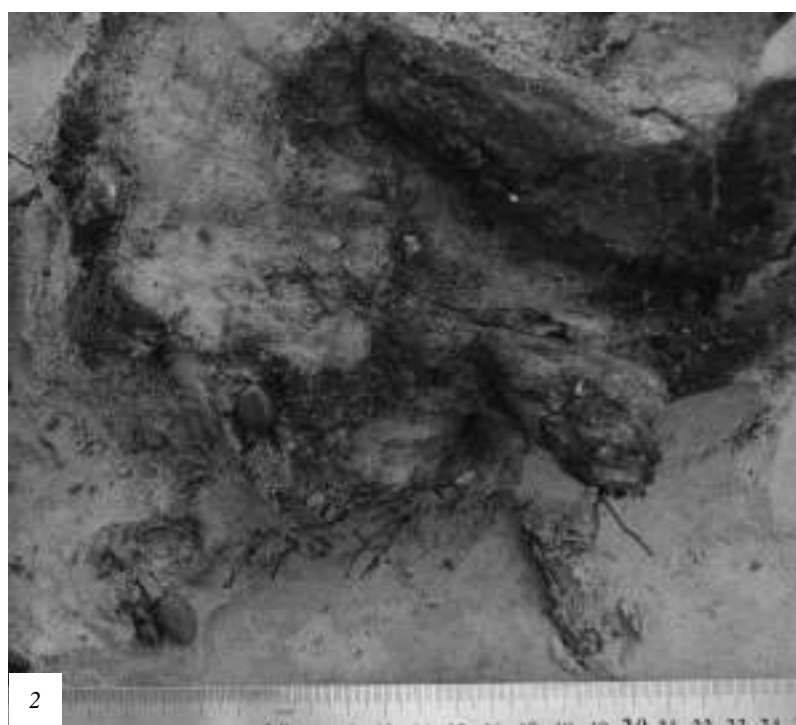
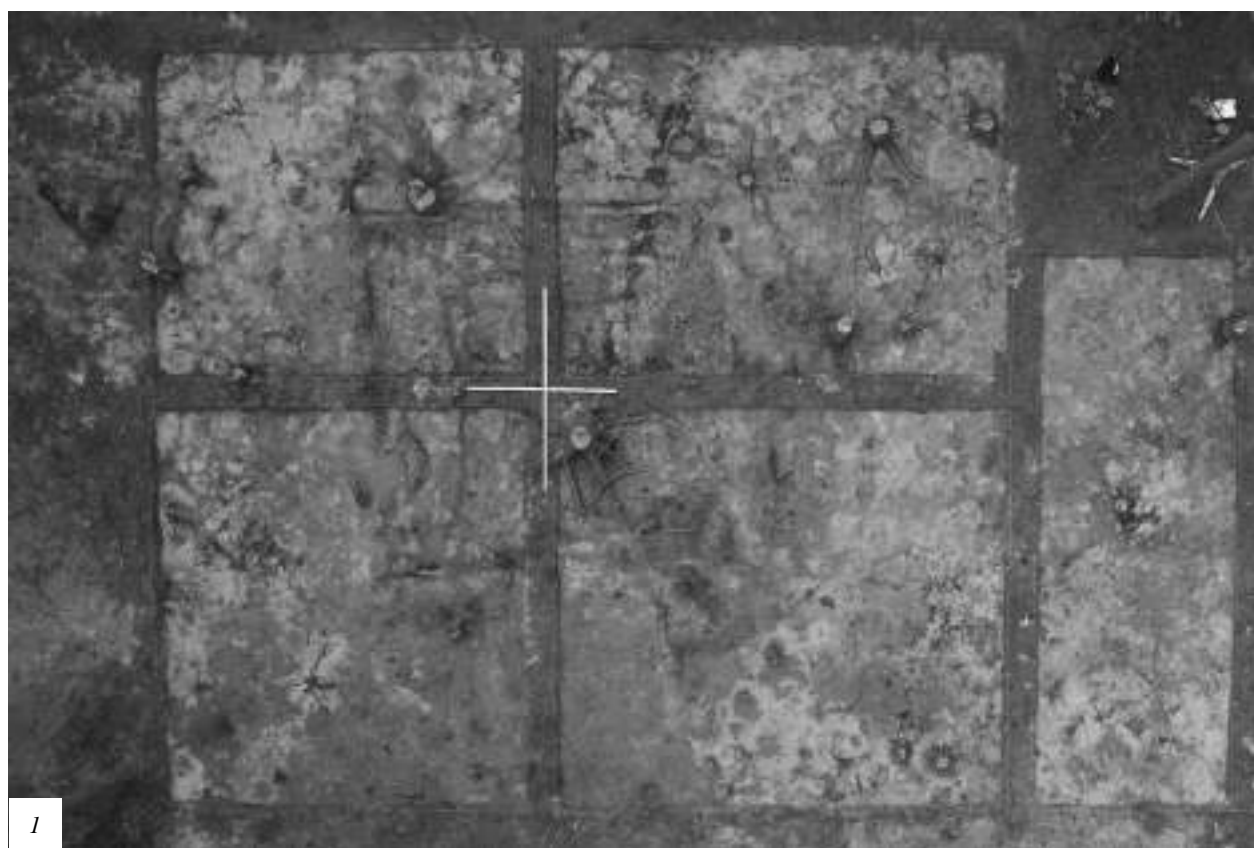

Рис. 7. Селище Угутское 21, 40: 1 – жилище № 3 после снятия дерна; 2 – серги в жертвенной яме № 23; 3 – кости в жертвенной яме № 23

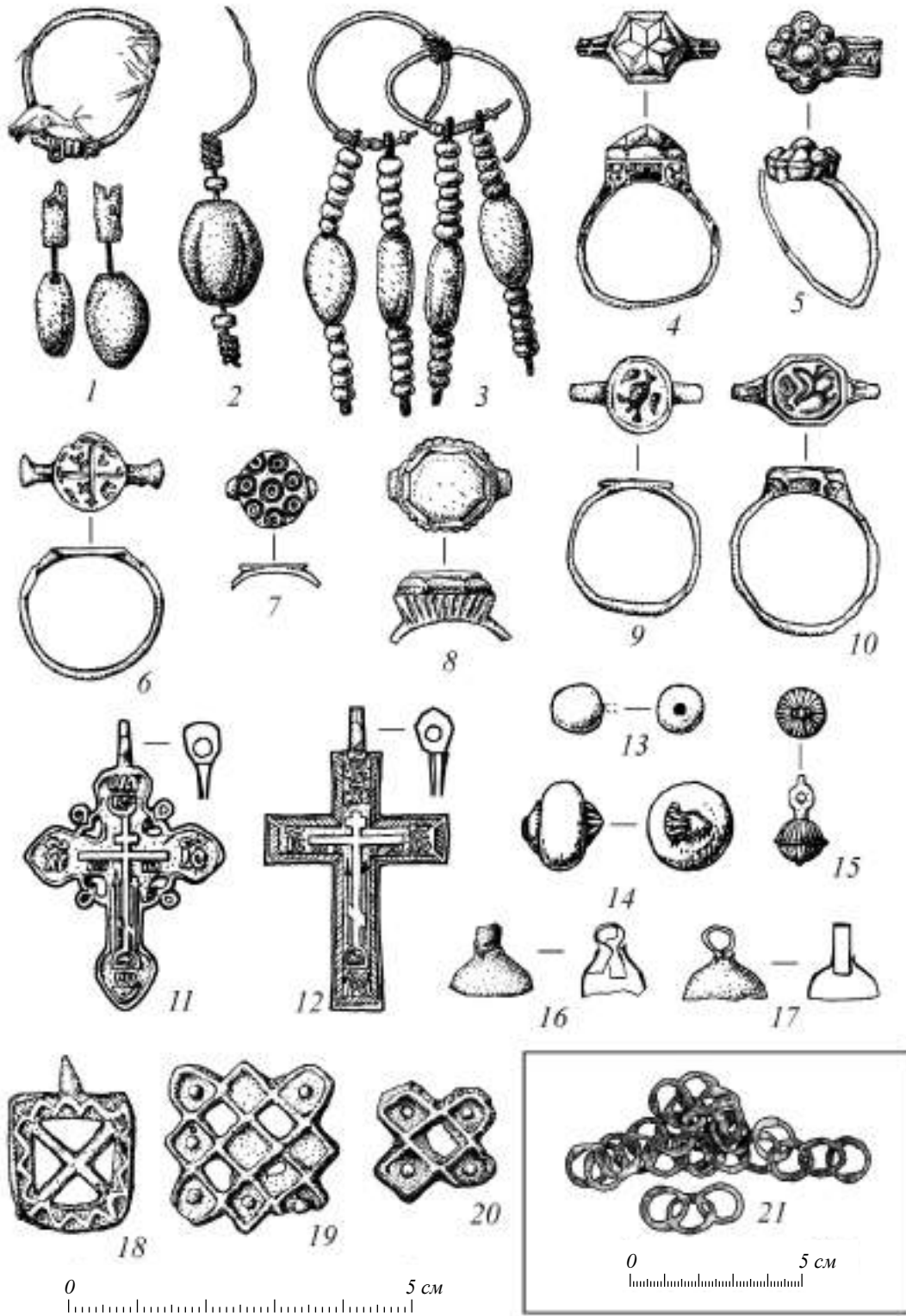

Рис. 8. Селище Угутское 21, 40. Детали одежды и украшения: 1-3 – серьги; 4-10 – перстни; 11-12 – кресты-тельники; 13-17 – пуговицы; 18-20 – нашивки на одежду; 21 – фрагмент кольчуги

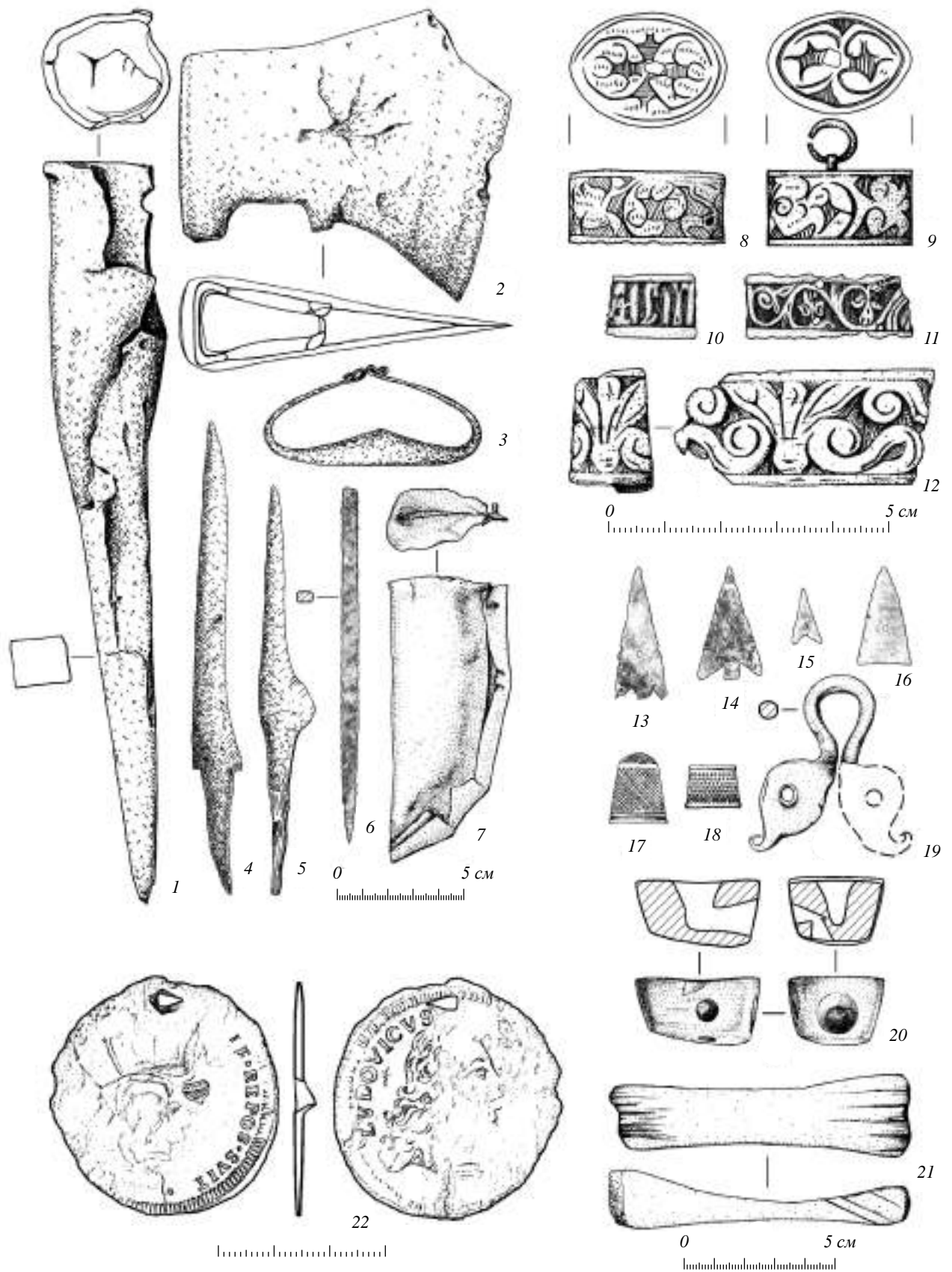

Рис. 9. Селище Угутское 21, 40. Орудия и инструменты: 1 – пешня; 2 – топор; 3 – кресало, 4, 5 – ножи; 6 – наконечник стрелы из железа; 7 – накладка на ножны; 8–12 – Навершия и bolsterы рукоятей ножей; 13–16 – наконечники стрел медные; 17, 18 – наперстки; 19 – ушко котла; 20 – курительная трубка; 21 – абразив для заточки игл; 22 – счетный жетон

УДК 904:58(571.122)

DOI 10.34822/2312-377X-2020-1-173-180

Корона О. М., Лобанова Т. В.

Korona O. M., Lobanova T. V.

**РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РАСТИТЕЛЬНЫХ МАКРООСТАТКОВ
ИЗ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ПОСАДСКОЙ ЧАСТИ ГОРОДА БЕРЁЗОВА
(XVII–VIII вв.)**

**RESEARCH RESULTS OF PLANT MACROFOSSILS
FROM OCCUPATION LAYER OF THE POSAD OF BERYOZOV
IN THE 17th–18th CENTURIES**

Проведен археоботанический анализ проб из русского города Берёзова, расположенного в подзоне северотаежных лесов Западной Сибири. В результате из 29 растительных образцов и 8 проб культурного слоя определено более пяти тысяч остатков плодов и семян, 27 таксонов растений, для каждого образца получены видовые списки (семенные комплексы) растений, макроостатки которых встречаются в культурном слое посадской части города. В образцах наиболее часто встречаются семена пищевых растений, произрастающих в окрестностях города: брусники, голубики, водяники, княженики, морошки, малины, черемухи, кедра. Культурные злаки представлены овсом, который завозили в город из южных областей. Из европейской части в город завозили семена хмеля и орехи лещины.

The archaeological and botanical analysis of samples from the Russian town of Beryozov is made. The town of Beryozov is situated in the subzone of the north taiga woodlands in Western Siberia. As a result, from 29 plant samples and 8 samples of the occupation layer, more than five thousand remains of fruits and seeds, 27 taxa of plants are identified. Lists (seed complexes) of plants for each sample species are obtained, the macro-residues of which are found in the occupation layer of the posad part of the town. In the samples, the most common seeds of food plants growing in the vicinity of the city are lingonberries, blueberries, crowberries, Arctic raspberry, cloudberries, raspberries, bird cherry, and cedar. Cultivated cereals are represented by oat, which were brought from the southern regions. Hop seeds and hazelnuts were brought to the city from the European part.

Ключевые слова: археоботаника, средневековье, русское население, Берёзов, Западная Сибирь.

Keywords: Archaeobotany, the Middle Ages, Russian population, Beryozov, Western Siberia.

Город Берёзов (63°56' с. ш., 65°03' в. д.) – один из первых русских городов на севере Западной Сибири, был основан в 1592–1593 гг. на берегу р. Оби близ устья р. Сосьвы [1, с. 274; 2, с. 44]. Археологическое изучение посадской части города началось сотрудниками НПО «Северная Археология-1» под руководством Г. П. Визгалова в 2009 г. и было продолжено в 2018–2019 гг. [3]. Ранее были опубликованы результаты анализа остеологических материалов с этой территории [4]. В замороженном культурном слое городища хорошо сохранились не только кости животных, но и другие органические остатки, в том числе макроостатки растений: плоды, семена, хвоинки, укороченные побеги, чешуи шишек и целые шишки хвойных растений, побеги листостебельных мхов, мелкие листочки и другие, поддающиеся морфологическому определению, остатки растений [5].

Целью данной работы является анализ археоботанических остатков для дальнейшей реконструкции хозяйственной деятельности и использования природных ресурсов региона населением посада города Берёзова.

Материал и методы

В ходе археологических раскопок на территории древнего посада Берёзовского городища в 2018–2019 гг. был зафиксирован ряд остатков разновременных хозяйственных и жилых построек и выделено пять строительных ярусов, которые охватывают период с момента застройки этого места с середины XVII и до конца XVIII в. Датировка проводилась дендрохронологическими и археологическими методами [3]. Из культурного слоя памятника было отобрано 35 образцов для анализа растительных макроостатков: 29 из них содержат единичные остатки плодов и семян пищевых растений (лещины, кедра, черемухи, грибов), а 8 – это небольшого объема почвенные образцы, содержащие визуально различимые скопления растительных остатков. Растительные образцы были зафиксированы на всей изученной территории и во всех хронологических горизонтах.

Материал просеивали на колонке сит (минимальный диаметр ячейки 0,25 мм) и просматривали под микроскопом Carl Zeiss Stemi 2000-C. Определение отобранных макроостатков проводили по эталонным коллекциям плодов и семян Музея Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук и по определителям [6–8].

В результате анализа 35 образцов отобрано и определено 2183 макроостатка 27 таксонов растений.

Результаты и их обсуждение

Результаты археоботанического анализа представлены в таблице. Все многообразие обнаруженных растений можно разделить на группы в соответствии с их ролью в жизни людей и экологическими условиями их произрастания. Авторы не отметили особенностей в распределении тех или иных видов растений из разных групп по территории раскопа или его толще, поэтому на данном этапе исследований сочли возможным привести все образцы под их порядковыми номерами.

Таблица

Видовой состав и количество растительных макроостатков из образцов посадочной части г. Берёзова

№	Таксон	Количество остатков
1	Лещина обыкновенная (<i>Corylus avellana</i>)	1 орех
2	Зеленые мхи (<i>Bryophyta</i> gen. indet.)	веточки
	Марь белая (<i>Chenopodium album</i>)	587 семян и 20 фр.
	Сурепица (<i>Brassica campestris</i>)	23 семени и 20 фр. (обуглены)
	Хлопушка обыкновенная (<i>Oberna behen</i>)	5 семян (обуглены)
	Пикульник (<i>Galeopsis</i> sp.)	12 орешков
	Липучка (<i>Lappula</i> sp.)	1 орешек (обуглен)
	Неопределимые	160 обугленных семян плохой сохранности
3	Черемуха обыкновенная (<i>Padus avium</i>)	16 косточек
4	Сосна сибирская (<i>Pinus sibirica</i>)	8 мелких фр. семян
	Береза древесная (<i>Betula</i> sect. <i>Albae</i>)	1 крылатка
	Овес посевной (<i>Avena sativa</i>)	20 фр. чешуй
	Хмель (<i>Humulus lupulus</i>)	2 плода
	Брусника (<i>Vaccinium vitis-idaea</i>)	1 семя
	Морошка (<i>Rubus chamaemorus</i>)	108 косточек и 16 половинок
	Княженика (<i>Rubus arcticus</i>)	1 косточка
	Марь белая (<i>Chenopodium album</i>)	1 семя и 2 фр.

Продолжение таблицы

4	Сурепица (<i>Brassica campestris</i>) Фаллопия вьюнковая (<i>Fallopia convolvulus</i>)	1 семя 1 фрагмент ореха
5	Лещина обыкновенная (<i>Corylus avellana</i>)	1 фр. скорлупы ореха
6	Лещина обыкновенная (<i>Corylus avellana</i>)	1 фр. скорлупы ореха
7	Лещина обыкновенная (<i>Corylus avellana</i>)	1 фр. скорлупы ореха
8	Лещина обыкновенная (<i>Corylus avellana</i>)	3 фр. скорлупы ореха
9	Ель сибирская (<i>Picea obovata</i>) Береза древесная (<i>Betula</i> sect. <i>Albae</i>) Овес посевной (<i>Avena sativa</i>) Княженика (<i>Rubus arcticus</i>) Марь белая (<i>Chenopodium album</i>) Осока (<i>Carex</i> sp.)	1 хвоинка и фр. коры 7 крылаток и 3 чешуи 3 фр. чешуй 195 косточек и 160 фр. 3 семени 4 орешка
10	Сосна сибирская (<i>Pinus sibirica</i>) Овес посевной (<i>Avena sativa</i>) Водяника (<i>Empetrum</i> sp.) Морошка (<i>Rubus chamaemorus</i>) Двукосточник тростниковидный (<i>Phalaroides arundinaceae</i>) Осока (<i>Carex</i> sp.) Марь белая (<i>Chenopodium album</i>) Гвоздичное (<i>Caryophyllaceae</i> gen. indet.) Фаллопия вьюнковая (<i>Fallopia convolvulus</i>) Горец развесистый (<i>Persicaria lapathifolia</i>) Пикульник (<i>Galeopsis</i> sp.)	1 фр. семени (орешка) 1 зерновка и 16 фр. чешуй 5 семян 440 косточек и 20 фр. 12 зерновок 2 орешка 6 семян 1 фр. семени 1 орех и 2 фр. 2 фр. ореха 1 орех и 2 фр.
11	Сосна сибирская (<i>Pinus sibirica</i>)	2 семени (орешка), один обуглен
12	Лещина обыкновенная (<i>Corylus avellana</i>)	1 фр. скорлупы ореха
13	Сосна сибирская (<i>Pinus sibirica</i>)	2 обугленных семени (орешка)
14	Сосна сибирская (<i>Pinus sibirica</i>)	1 семя (орешек)
15	Сосна сибирская (<i>Pinus sibirica</i>)	6 семян (орешков)
16	Брусника-голубика (<i>Vaccinium</i> sp. sp.) Водяника (<i>Empetrum</i> sp.) Марь белая (<i>Chenopodium album</i>) Морошка (<i>Rubus chamaemorus</i>)	20 семян 8 семян 3 семени 100 косточек и 120 фр.
17	Зеленые мхи (<i>Bryophyta</i> gen. indet.) Ель сибирская (<i>Picea obovata</i>) Культурные злаки (предположительно овес – <i>Avena sativa</i>) Малина (<i>Rubus</i> sp.) Брусника или голубика (<i>Vaccinium</i> sp. sp.) Дикорастущие злаки (<i>Poaceae</i> gen. indet.) Осока (<i>Carex</i> sp.) Марь белая (<i>Chenopodium album</i>) Фаллопия вьюнковая (<i>Fallopia convolvulus</i>) Вахта трехлистная (<i>Menyanthes trifoliata</i>) Пикульник (<i>Galeopsis</i> sp.) Гвоздичные (<i>Caryophyllaceae</i> gen. indet.) Хлопушка обыкновенная (<i>Oberna behen</i>) Сурепица (<i>Brassica</i> sp.)	Веточки единично 1 веточка Фрагменты чешуй, много 1 фр. косточки 3 семени и 3 фр. 1 зерновка 3 орешка 5 семян 1 орех и 7 мелких фр. 1 фр. семени 1 фр. плода 1 семя 1 фр. семени 12 фр. семян
18	Черемуха	5 цел., 2 фр. косточек
19	Сосна сибирская (<i>Pinus sibirica</i>)	21 фр. скорлупы орехов (расщелканы)
20	Сосна сибирская (<i>Pinus sibirica</i>)	Верхушка шишки с 11 орехами

Окончание таблицы

21	Сосна сибирская (<i>Pinus sibirica</i>)	Шишка 1 цел.
22	Сосна сибирская (<i>Pinus sibirica</i>)	3 цел 1 фр. ореха
23	Сосна сибирская (<i>Pinus sibirica</i>) Береза древесная (<i>Betula sect. Albae</i>) Фаллопия вьюнковая (<i>Fallopia convolvulus</i>) Хмель (<i>Humulus lupulus</i>)	1 фр. семени 1 крылатка 1 фр. ореха 1 плод
24	Зеленые мхи (<i>Bryophyta gen. indet.</i>) Морошка (<i>Rubus chamaemorus</i>)	Веточки единично 21 косточка
25	Сосна сибирская (<i>Pinus sibirica</i>) Ель сибирская (<i>Picea obovata</i>) Береза древесная (<i>Betula sect. Albae</i>) Овес посевной (<i>Avena sativa</i>) Морошка (<i>Rubus chamaemorus</i>) Осока (<i>Carex sp.</i>) Марь белая (<i>Chenopodium album</i>) Горец развесистый (<i>Persicaria lapathifolia</i>) Люттик (<i>Ranunculus sp.</i>) Можжевельник (<i>Juniperus sp.</i>) Водяника (<i>Empetrum sp.</i>) Хмель (<i>Humulus lupulus</i>) Брусника (<i>Vaccinium vitis idaea</i>)	12 фр. семян 2 хвоинки 9 крылаток и 7 чешуй 1 зерновка, 4 фр. чешуй 2 косточки и 4 фр. 1 плод 9 семян 1 орех 1 орешек 1 семя 1 семя 1 плод 3 семени
26	Сосна сибирская (<i>Pinus sibirica</i>)	1 шишка с орехами
27	Сосна сибирская (<i>Pinus sibirica</i>)	15 целых орехов
28	Лещина обыкновенная (<i>Corylus avellana</i>) Сосна сибирская (<i>Pinus sibirica</i>)	1 фр. скорлупы ореха 2 цел., 1 фр. орехов
29	Сосна сибирская (<i>Pinus sibirica</i>)	1 шишка, 5 целых орехов
30	Лещина обыкновенная (<i>Corylus avellana</i>)	1 фр. скорлупы ореха
31	Лещина обыкновенная (<i>Corylus avellana</i>)	1 фр. скорлупы ореха
32	Сосна сибирская (<i>Pinus sibirica</i>)	3 целых ореха
33	Сосна сибирская (<i>Pinus sibirica</i>)	1 целый орех
34	Ель сибирская (<i>Picea obovata</i>)	1 шишка
35	Ель сибирская (<i>Picea obovata</i>)	1 шишка

Культурные злаки представлены одним видом – овес посевной (*Avena sativa*). В пяти образцах обнаружены единичные зерновки, а также чешуи и фрагменты чешуй этого растения (табл., рис. 1 – 1). Овес используется как корм для крупного рогатого скота, но, поскольку благодаря высокому содержанию жира зерно овса очень богато энергией, его скармливают также лошадям, которые выполняют тяжелую работу. Количество найденных зерновок невелико, нет оснований полагать, что овес здесь выращивали. Вероятно, зерно завозили из более южных сельскохозяйственных районов в качестве корма для лошадей и коров, которых содержали на городище [4].

Остатки этой культуры были обнаружены и на других синхронных памятниках Западной Сибири – Полуийском мысовом городке, Мангазее и Старотуруханском городище. В образцах двух последних, кроме овса, обнаружены и остатки ячменя *Hordeum vulgare* [9–11].

Культивируемые растения. К этой группе относится хмель (*Humulus lupulus*) – в трех образцах обнаружены единичные плоды этого вида. Так как хмель в настоящее время произрастает южнее, вероятно, жители Берёзовского городища завозили его, чтобы использовать в хлебопечении, пивоварении, а также для окраски тканей или в лечебных целях (обладает успокаивающим, мочегонным и противовоспалительным действием). Транспортировали высушенные соплодия (шишки) хмеля, содержащие орешковидные плоды. Шишки це-

ликом погружали в жидкий продукт для придания особых свойств, а после использования целиком удаляли из конечного продукта [12, с. 800–810]. Так макроостатки хмеля могли попасть в культурный слой города Берёзова.

На северных памятниках плоды хмеля были обнаружены только в образцах из Старотуруханского городища [10].

Пищевые растения (рис. 1 – 2–6). В эту группу вошли как завозные – лещина (*Corylus avellana*), орехи которой привозили из европейской части России [13, с. 74], – так и местные виды растений. Надо отметить, что скорлупа орехов лещины была найдена во всех хронологических горизонтах памятника, то есть их завозили в город постоянно.

Ягоды брусники и голубики (*Vaccinium vitis-idaea*), водяники (*Empetrum* sp.), княженики (*Rubus arcticus*), морошки (*Rubus chamaemorus*), малины (*Rubus* sp.), черемухи (*Radus avium*) и семена кедр (*Pinus sibirica*) человек издавна употребляет в пищу. Кроме пищевой ценности, плоды всех этих растений обладают лечебными свойствами, поэтому они играли важную роль в рационе людей, особенно в урожайные годы. Косточки княженики и морошки встречаются в большом количестве в образцах, которые предположительно являются копролитами человека (рис. 3).

Состав макроостатков местных пищевых растений аналогичен на всех исследованных памятниках севера Западной Сибири. Остатки лещины обнаружены в Мангазее [14, с. 125–143] и Полу́йском мысовом городке, но их нет в образцах из Старотуруханского городища [9–10].

Сорные травы (7 таксонов) (рис. 2 – 1, 2). Все эти растения и в настоящее время распространены на данной территории. Большинство обнаруженных остатков принадлежат растениям из группы рудеральных сорняков, произрастающих на мусорных местах, вдоль дорог, близ жилья людей. Макроостатков исключительно сеgetальных сорняков не обнаружено, хотя некоторые растения: марь белая (*Chenopodium album*), сурепица (*Brassica campestris*) – встречаются в посевах, на полях. Их семена могли завезти вместе с зерном, и семена именно этих видов встречаются в большом количестве, а плоды и семена других – единичны.

Интересно, что в Старотуруханском городище некоторые, небольшие по объему, образцы содержат такое огромное количество семян мари белой, что это наводит на мысль о том, что жители выращивали ее и использовали как хлебно-крупяное растение.

Деревья и кустарники (6 видов). В настоящее время Берёзовское городище расположено в подзоне северотаежных лесов [15]. В лесах подзоны участвуют ель, кедр, сосна и береза, а также лиственница сибирская и местами пихта. В исследованных образцах обнаружены макроостатки деревьев и кустарников: сосны сибирской (кедр), ели (*Picea obovata*) (рис. 2 – 3), березы (*Betula* sect. *Albae*), черемухи, можжевельника (*Juniperus* sp.) и малины. Некоторые из этих видов (кедр, черемуха, малина) также входят в группу пищевых растений.

Луговые и болотные травы (6 видов). Макроостатков растений этой группы обнаружено очень мало, что, вероятно, связано со спецификой отбора образцов. Эта группа характеризует травянистую растительность окрестностей городища, половина видов растений произрастает во влажных местах. Зеленые мхи, веточки которых встречаются в двух образцах, также являются растениями переувлажненных местообитаний. Вероятно, мох жители собирали на болотистых местах и использовали в гигиенических целях.

Заключение

Таким образом, в окрестностях Берёзовского городища были распространены разреженные северо-таежные леса из ели и кедр с примесью березы, по берегам рек и ручьев встречались заросли черемухи. Активному антропогенному влиянию подверглась территория населенного пункта и близлежащая к нему. Однако в окрестностях поселения сохранились естественные луговые, болотные и лесные растительные сообщества.

Жители использовали растительные ресурсы близлежащей территории, собирали ягоды и кедровые орехи. Использовали местные растения как в пищевых, так и в лечебных целях.

Кроме того, жители Берёзовского городища использовали плоды и семена растений из других регионов. Орехи лещины завозили из европейской части России. Зерно овса для питания людей и животных, шишки хмеля как сырье для хлебопечения и пивоварения – все это привозили, вероятно, из южных земледельческих районов Западной Сибири. Вместе с семенами культурных могли завезти и семена сорных растений, которые затем широко распространились на территории поселения.

Надо отметить, что представленная выборка содержит, скорее, единичные, довольно крупные образцы макроостатков, отбор которых носил случайный характер. Для более полной реконструкции использования растительных ресурсов территорий русским населением северных городов Западной Сибири необходимы дальнейшие широкие археоботанические исследования специально собранных образцов культурного слоя.

Литература

1. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. 3-е изд. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. 630 с.
2. Шашков А. Т. Славен град Берёзов! // Родина: Российский исторический иллюстрированный журнал. 2003. № 7. С. 44–49.
3. Кардаш О. В., Визгалов Г. П. Археологические древности Югры: от начала расселения человека до эпохи Российского государства, 2 этап (заявка № 18-2-007554). Археологические раскопки, проведенные в 2018 году на территории посада в пгт Берёзово Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : отчет о НИР.
4. Бачура О. П., Лобанова Т. В., Визгалов Г. П., Мартынович Н. В., Гимранов Д. О. Хозяйственная деятельность населения посада города Берёзова в XVII–XVIII вв. (по остеологическим материалам из раскопа 2) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (48). 2020. С. 53–64.
5. Никитин В. П. Палеокарпологический метод. Томск : Изд-во ТГУ, 1969. 82 с.
6. Доброхотов В. Н. Семена сорных растений. М. : Сельхозиздат. 1961. 464 с.
7. Кац Н. Я., Кац С. В., Кипиани М. Г. Атлас и определитель плодов и семян, встречающихся в четвертичных отложениях СССР. М. : Наука, 1965. 367 с.
8. Леньков П. В. Семена кормовых трав. М. – Л., 1931. 104 с.
9. Корона О. М. Результаты карпологического анализа образцов культурного слоя из раскопок Полуйского мысового городка (2004 г.) // Обдорские городки конца XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных / Правительство Ямало-Ненец. авт. окр. [и др.; отв. ред. Е. Н. Носов]. Екатеринбург ; Салехард : Изд-во «Магеллан», 2013. Прил. 4. С. 366–369.
10. Корона О. М., Рудковская М. А. Археоботаническое исследование посада Старотуруханского городища // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 163–171.
11. Корона О. М. Археоботанические материалы из археологических памятников в лесотундре Западной Сибири. Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III. М. : ИА РАН, 2008. С. 370–371.
12. Крылов П. Н. Флора Западной Сибири. Томск, 1930. Вып. IV. С. 719–980.
13. Культурные растения СССР : справочник-определитель. М. : Мысль, 1978. 336 с.
14. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург ; Нефтеюганск, 2008. С. 125–143.
15. Западная Сибирь. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 320 с.

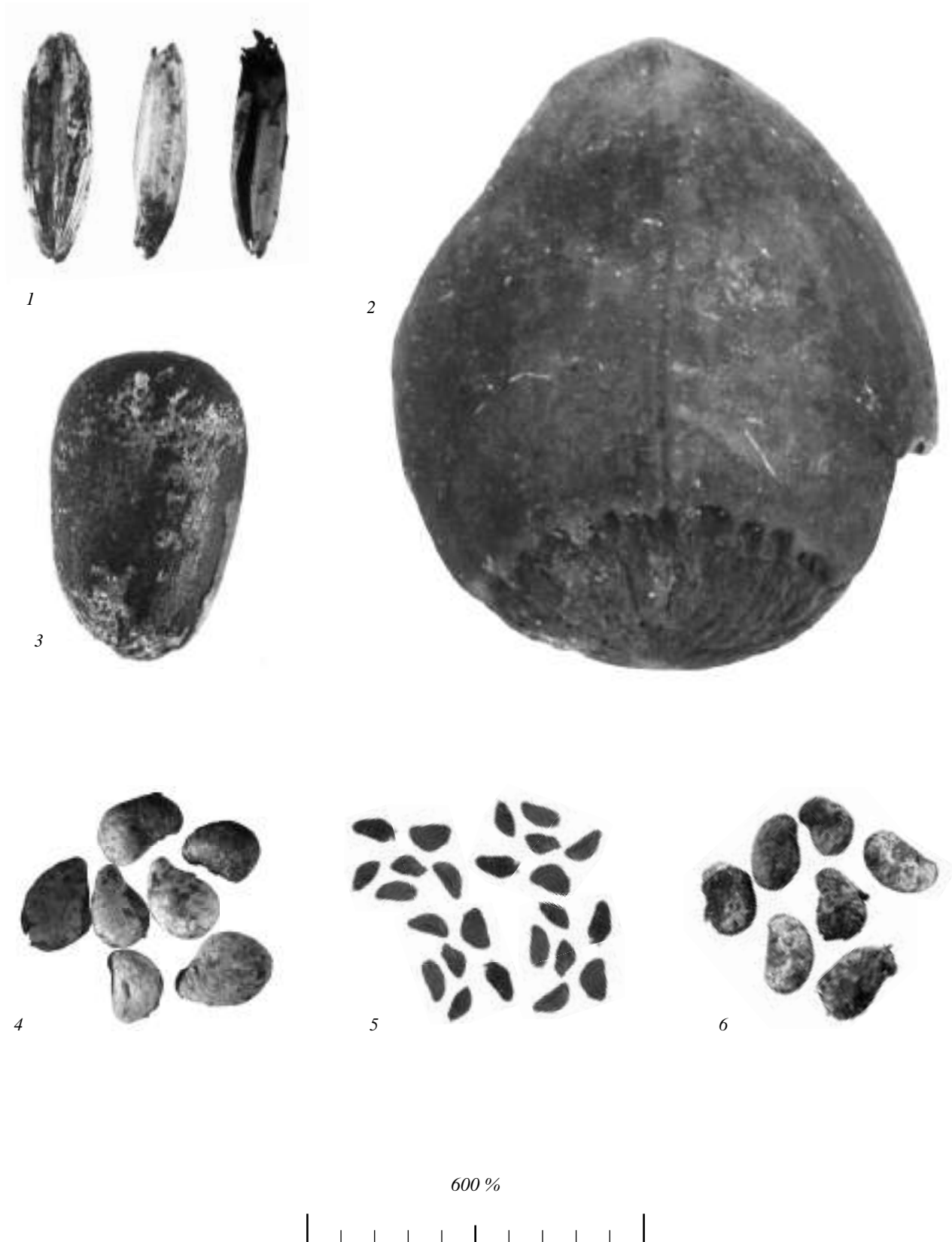

Рис. 1. Семена съедобных растений: 1 – овес, 2 – лещина, 3 – кедр, 4 – морошка, 5 – брусника, 6 – княженика

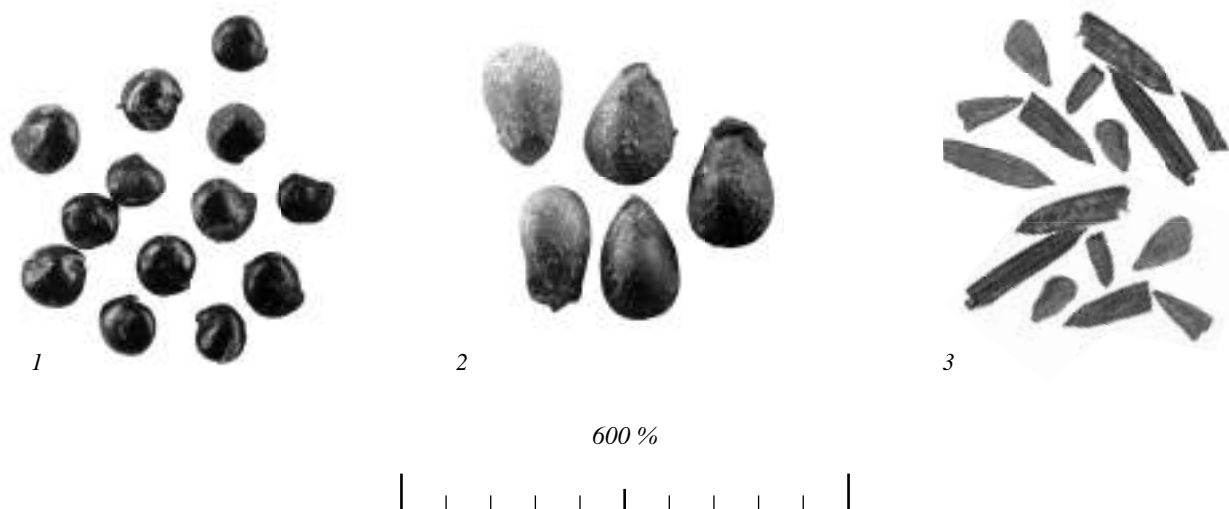

Рис. 2. Семена непищевых растений: 1 – марь, 2 – пикульник, 3 – ель

Рис. 3. Образец культурного слоя со скоплением семян пищевых растений

НАШИ АВТОРЫ

Бачура Ольга Петровна – кандидат биологических наук, научный сотрудник, Сургутский государственный университет; старший научный сотрудник, Институт экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург

Olga P. Bachura – Candidate of Sciences (Biology), Researcher, Surgut State University; Senior Researcher, Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg

E-mail: olga@ipae.uran.ru

Вершинин Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, АНО «Институт археологии Севера», г. Нефтеюганск

Evgeny V. Vershinin – Candidate of Sciences (History), Researcher, "Institute of Archaeology of the North" INPO, Nefteyugansk

E-mail: u5830@yandex.ru

Визгалов Георгий Петрович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института образования и спорта, Сургутский государственный университет

Georgy P. Vizgalov – Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of Humanities and Sport, Surgut State University

E-mail: vizgalovgp@mail.ru

Володеева Юлия Сергеевна – лаборант, ООО «Юганская археологическая экспедиция», г. Нефтеюганск

Yuliya S. Volodeeva – Laboratory Assistant, "Yugan Expedition of Archaeology" LLC, Nefteyugansk

E-mail: lelka-sonce@mail.ru

Гаевская Виктория Викторовна – научный сотрудник, АНО «Институт археологии Севера», г. Нефтеюганск; научный сотрудник, Сургутский государственный университет

Viktoriya V. Gaevskaia – Researcher, "Institute of Archaeology of the North" INPO, Nefteyugansk; Research, Surgut state University

E-mail: vgaevskaja@yandex.ru

Гайдакова Зоя Геннадьевна – научный сотрудник, АНО «Институт археологии Севера», г. Нефтеюганск

Zoya G. Gaidakova – Researcher, "Institute of Archaeology of the North" INPO, Nefteyugansk

E-mail: gajdakova@yandex.ru

Гимранов Дмитрий Олегович – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург

Dmitriy O. Gimranov – Candidate of Sciences (Biology), Senior Researcher, Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg

E-mail: djulfa250@rambler.ru

Кардаш Олег Викторович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Сургутский государственный университет; археолог, директор АНО «Институт археологии Севера», г. Нефтеюганск

Oleg V. Kardash – Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Surgut State University; Archeologist, Director, "Institute of Archaeology of the North" INPO, Nefteyugansk
E-mail: kov_ugansk@mail.ru

Корона Ольга Михайловна – научный сотрудник, Институт экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург

Olga M. Korona – Researcher, Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg
E-mail: korona@ipae.uran.ru

Лобанова Татьяна Владимировна – старший инженер, Институт экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург

Tatyana V. Lobanova – Senior Engineer, Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg
E-mail: lota_64@mail.ru

Лукиных Андрей Александрович – археолог, ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология-1», г. Нефтеюганск

Andrei A. Lukinyh – Archeologist, "Scientific Production Association "Northern archeology-1" LLC, Nefteyugansk
E-mail: lukinyh_andrei@list.ru

Мартынович Николай Васильевич – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Музей мирового океана, г. Калининград

Nikolay V. Martynovich – Candidate of Sciences (Biology), Senior Researcher, Museum of the World Ocean, Kaliningrad
E-mail: martynovichn@mail.ru

Никулин Михаил Сергеевич – археолог, ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология-1», г. Нефтеюганск

Mikhail S. Nikulin – Archeologist, "Scientific Production Association "Northern archeology-1" LLC, Nefteyugansk
E-mail: mikhail_nikulin_86@mail.ru

Пархимович Сергей Григорьевич – археолог, ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология-1», г. Нефтеюганск

Sergey G. Parkhimovich – Archeologist, "Scientific Production Association "Northern archeology-1" LLC, Nefteyugansk
E-mail: par18@yandex.ru

Скоробогатова Анна Юрьевна – археолог, ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология-1», г. Нефтеюганск

Anna Yu. Skorobogatova – Archeologist, Staff Member, "Scientific Production Association "Northern archeology-1" LLC, Nefteyugansk
E-mail: annuit2@mail.ru

Слепченко Сергей Михайлович – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель руководителя Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук

Sergey M. Slepchenko – Candidate of Sciences (Biology), Leading Researcher, Deputy Head, Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

E-mail: s_slepchenko@list.ru

Столбов Владимир Игоревич – археолог, ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология-1», г. Нефтеюганск

Vladimir I. Stolbov – Archeologist, "Scientific Production Association "Northern archeology-1" LLC, Nefteyugansk

E-mail: 100_lbov@mail.ru

Фролов Иван Викторович – археолог, ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология-1», г. Нефтеюганск

Ivan V. Frolov – Archeologist, "Scientific Production Association "Northern archeology-1" LLC, Nefteyugansk

E-mail: arqueolog@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Статья и сведения об авторах должны быть представлены в разных файлах, которые передаются вложением в электронное письмо, отправленное по адресу: chalova_ar@surgu.ru. Название файла должно содержать фамилию автора (Иванов_статья.doc; Иванов_сведения.doc).

Все статьи проверяются на плагиат.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию статей, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса. Тип рецензирования – одностороннее слепое (анонимное) рецензирование (рецензент знает фамилии авторов, авторы не знают фамилию рецензента). По итогам рецензирования принимается решение о возможности публикации представленной статьи.

1. Редакция оставляет за собой право сокращения и редактирования статей. В случае направления рукописи на доработку исправленная статья (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию не позднее чем через неделю. Недопустимо предоставление в редакцию статей, опубликованных ранее либо направленных в другие издания. Статьи, не соответствующие требованиям, не рассматриваются и не возвращаются. Авторы несут ответственность за оригинальность, объективность и обоснованность публикуемых материалов.

Для всех категорий авторов публикации бесплатны.

Все авторы должны предоставить **информацию о себе на русском и английском языках:**

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- ученая степень (если есть);
- звание (если есть);
- должность;
- место работы (без аббревиатур);
- электронный адрес.

Образец оформления сведений об авторе

Иванова Анна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Сургутский государственный университет

Ivanova Anna Ivanovna – Candidate of Sciences, Associate Professor, Department of General Linguistics, Surgut State University

E-mail: ivanova@mail.ru

В файле, содержащем информацию об авторе, также должны быть указаны:

- адрес с почтовым индексом;
- контактные телефоны;
- требуется ли печатная версия журнала (да/нет).

Образец

628412, Сургут, ул. Университетская, д. 7, кв. 32
89221234567
печатная версия журнала требуется

Объем статьи: от 10000 до 20000 печатных знаков (с пробелами), включая аннотацию, ключевые слова, библиографию и иллюстрации.

Структура статьи

1. Индекс УДК (по левому краю).
2. Фамилия (полностью), имя, отчество (инициалы) автора на русском и английском языках (полужирным курсивом, по центру).
3. Название статьи (аббревиатура в названии недопустима) на русском и английском языках (прописными буквами, жирным шрифтом, по центру). Точка после названия не ставится.
4. Аннотация статьи на русском и английском языках (до 8 строк). Слово «аннотация» не пишется.
5. Ключевые слова (3–6 слов) на русском и английском языках.
6. Текст статьи (введение, основная часть, заключение).
7. Литература (пристатейный библиографический список источников, на которые автор ссылается в тексте).

Название статьи, аннотация, ключевые слова и сведения об авторах должны быть переведены профессиональным переводчиком.

Образец оформления статьи

УДК 37.012.3

Белоглазова Т. В., Ставрук М. А.
Beloglazova T. V., Stavruk M. A.

**РАЗВИТИЕ ЛИНГВОГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ
ПОСРЕДСТВОМ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ**

**STUDENTS' LINGVOHUMANITY CULTURE DEVELOPMENT
BY MEANS OF ACADEMIC MOBILITY**

В статье рассматривается формирование лингвогуманитарной культуры студентов через призму культурологического подхода. Особое внимание уделяется развитию социокультурной компетентности студентов, состоящей из социолингвистического, социально-психологического компонентов с учетом национально-специфических моделей поведения.

The relevance of this article is to consider the formation of lingvohumanity culture of students through the prism of cultural approach. Particular attention is paid to the development of socio-cultural competence of students consisting of sociolinguistic, socio-psychological components, taking into account specific national behavior.

Ключевые слова: лингвогуманитарная культура, академическая мобильность студентов, высшее образование, культурологический подход, лингвострановедческий компонент, коммуникативная деятельность.

Keywords: lingvohumanity culture, academic mobility of students, higher education, cultural approach, lingvoculture-study component, communicative activity.

Оформление статьи

Текст статьи набирается в текстовом редакторе Word, шрифт TimesNewRoman, кегль 12, интервал 1, абзацный отступ – 1,25 см, поля: верхнее 2,3 см, нижнее 2,4 см, левое 2,2 см, правое 2,2 см.

Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию. Использование цветных заливок и выделений не допускается. Все сокращения и аббревиатуры, кроме общепринятых, должны быть расшифрованы при первом упоминании. Единицы измерения даются в соответствии с Международной системой СИ.

На все таблицы, схемы и иллюстрации должна быть сделана ссылка в тексте с указанием их номера.

Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта, иначе при изменении границ страницы элементы могут смещаться. При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки, графики, диаграммы, фотографии должны быть только черно-белыми. При создании таблиц и диаграмм в Excel обязательно прилагается исходный файл в формате .xls.

Рисунки могут быть выполнены только в форматах .gif, .jpg, .tif.

В диаграммах должны быть подписаны оси координат (при наличии), указаны единицы измерения, объяснены все условные обозначения. В подписях рисунков шрифт 10, жирный, точки нет, выравнивание по центру. В примечаниях к рисункам и таблицам шрифт 10, обычный, выравнивание по ширине.

Библиографические ссылки в тексте статьи выделяют квадратными скобками, указывая номер источника в списке литературы (например, [2]). Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер источника и страницы, на которых помещен объект ссылки, сведения разделяют запятой: [10, с. 81]. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком точка с запятой: [1; 3; 14].

У каждой публикуемой научной статьи должен быть пристатейный библиографический список, содержащий сведения о других документах, цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи.

Источники приводятся в порядке цитирования.

На все источники, включенные в список литературы, должна быть сделана ссылка в тексте.

Образец оформления списка литературы

Литература

1. Ковшиков В. А., Глухов В. П. Психолингвистика: теория речевой деятельности : учеб. пособие для студентов педвузов. М. : Астрель ; Тверь : АСТ, 2006. 319 с. (Высшая школа).

2. Паринов С. И., Ляпунов В. М., Пузырев Р. Л. Система Соционет как платформа для разработки научных информационных ресурсов и он-лайн сервисов // Электрон. б-ки. 2003. Т. 6, вып. 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/>(дата обращения: 25.11.2006).

3. Карпов В. П. Освоение газовых и нефтяных ресурсов Ямала в 1960–80-е годы // Горные ведомости. 2007. № 12. С. 80–93.

Сведения о включенных в список литературы документах должны быть оформлены в соответствии с требованиями журнала.

Образцы оформления библиографических ссылок

10. Валукин М. Е. Эволюция движений в мужском классическом танце. М. : ГИТИС, 2006. 251 с.

8. Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования : сб. науч. тр. / Ин-т образования взрослых Рос. акад. образования ; под ред. А. Е. Марона. М. : ИОВ, 2007. 118 с.

12. Ефимова Т. Н., Кусакин А. В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. № 1. С. 80–86.

11. Лешкевич И. А. Научное обоснование медико-социальных и организационных основ совершенствования медицинской помощи детскому и подростковому населению г. Москвы в современных условиях : дис. ... д-ра мед. наук. М., 2001. 76 с.

7. Канарский Д. И. Успех как механизм конституирования социальной реальности (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 2000. 23 с.

2. О рынке ценных бумаг : федер. закон Рос. Федерации от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 марта 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 11 апр. 1996 г. // Рос. газ. – 1996. – 25 апр.

1. О производственных кооперативах : федер. закон Рос. Федерации от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 10 апр. 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 20, ст. 2321. – С. 4966–4979.

20. Приемопередающее устройство : пат. 2187888 Рос. Федерация. № 2000131736/09 ; заявл. 18.12.00 ; опубл. 20.08.02, Бюл. № 23 (II ч.). 3 с.

4. ГОСТ Р 7.0.4–2006. Издания. Выходные сведения. Общие требования и правила оформления. М., 2006. II, 43 с. (Система стандартов по информ., библиотеч. и изд. делу).

Библиографическая ссылка на издание, имеющее более трех авторов

5. Логинов С. И., Басова О. Н., Ефимова Ю. С., Гришина Л. И. Физическая активность человека как фактор адаптации к условиям Югорского Севера // Физиологические механизмы адаптации человека : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 26 октября 2010 г. Тюмень: Лаконика, 2010. С. 34–36.

Фамилии авторов такого документа приводятся в том порядке, в котором они перечислены в исходном тексте.

Библиографические ссылки на электронные ресурсы

1. Дирина А. И. Право военнослужащих Российской Федерации на свободу ассоциаций // Военное право : сетевой журн. 2007. URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/2149> (дата обращения: 19.09.2007).

9. О жилищных правах научных работников [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 авг. 1933 г. (с изм. и доп., внесенными постановлениями ВЦИК, СНК РСФСР от 1 нояб. 1934 г., от 24 июня 1938 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Библиографические ссылки на архивные документы

15. Гуцин Б. П. Журнальный ключ : статья // ПФА РАН. Ф. 900. Оп. 1. Ед. хр. 23. 5 л.

7. Розанов И. Н. Как создавалась библиотека Исторического музея : докл. на заседании Ученого совета Гос. публ. ист. б-ки РСФСР 30 июня 1939 г. // ГАРФ. Ф. А-513. Оп. 1. Д. 12. Л.14.

12. Гребенщиков Я. П. К небольшому курсу по библиографии : материалы и заметки, 26 февр. – 10 марта 1924 г. // ОР РНБ. Ф. 41. Ед. хр. 45. Л. 1–10.

СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН:
НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Научный и культурно-просветительский журнал
№ 1 (45)
2020

Подписано в печать _____.2020 г. Дата выхода в свет _____.2020 г.
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 22,3. Уч.-изд. л. 18,8.
Тираж 100. Заказ № 78.